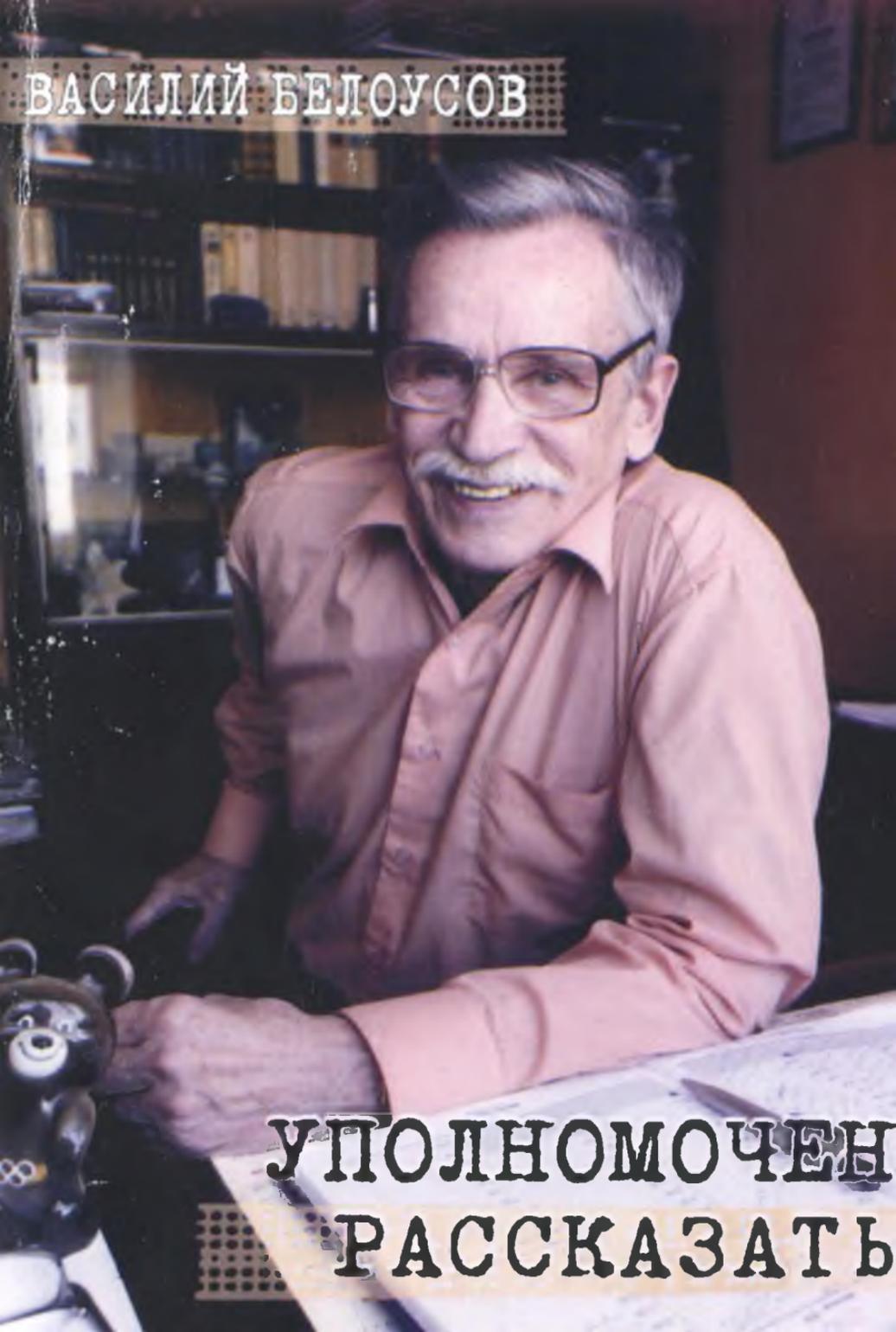

ВАСИЛИЙ БЕЛОУСОВ

УПОЛНОМОЧЕН
РАССКАЗАТЬ

Василий
Белоусов

УПОЛНОМОЧЕН РАССКАЗАТЬ

В дар Вологодскому
областному библиотекарю
от автора - Вологодчанина
(по месту рождения).
В. Белоусов
10.10.2014 г.

ББК 84(2Рос=Рус)6

Б 43

Белоусов В. С.

Б 43 Уполномочен рассказать / Василий Белоусов — Мурманск: Кн. изд-во, 2014. — 196 с.: ил.

ISBN 978-5-85510-367-0

Предлагаем читателю книгу журналиста, собственного корреспондента ТАСС, заслуженного работника культуры Российской Федерации, почетного гражданина Мурманской области Василия Сергеевича Белоусова.

Это книга воспоминаний и коротких зарисовок автора, которому судьба журналиста открыла возможности посетить многие страны и работать с интересными людьми.

Особое место в книге занимают рассказы автора, в которых он выступает как писатель.

Книга будет интересна широкому кругу читателей.

ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-85510-367-0

© В. С. Белоусов, текст, 2014

© Мурманское книжное издательство, 2014

ОТ АВТОРА

Слова «ТАСС уполномочен заявить» в свое время часто и авторитетно звучали из радиорепродукторов и со страниц газет, привлекая всеобщее внимание к важнейшим событиям не только в нашей стране, а и в мире. Мне посчастливилось целых 35 лет представлять этот всемирно известный творческий коллектив в Кольском Заполярье. С удовлетворением отмечаю, что добрые традиции коллег советских времен продолжают и развивают нынешние мастера короткого жанра. Их информация с места события, как и в былые времена, привлекает внимание достоверностью, оперативностью, а потому люди всегда ждут именно ее.

«Тассовский журналист — не просто пишущий человек. Он — добытчик информации, свидетель, а нередко и участник событий, их летописец», — считает мой многоопытный столичный коллега Виктор Дюнин. Точнее определить суть нашей профессии вряд ли возможно.

На Западе журналистов информагентств называют агентами новостей. Мне кажется, что это в значительной мере определяет суть нашей профессии, овладеть которой в совершенстве дано далеко не каждому пишущему для газет, журналов и других средств массовой информации. Испытал это на себе. После 16 лет работы в Мурманской областной газете, где размеры материалов не ограничивали, не так-то просто было в рамках торопливой диктовки оперативной заметки по телефону уложиться в 15 строк, которые в информагентстве стандартно отводятся для изложения свершившегося факта. А иногда — в особо важных случаях — требовалось об этом четко сказать всего одним предложением. Освоился и на новом месте довольно быстро, догнав в мастерстве лучших в ту пору региональных коллег.

За 35 лет службы в ТАСС мною подготовлены и вышли в свет более двадцати тысяч информации о жизни только

Кольского полуострова. А были еще сотни материалов о работе съездов КПСС, других общесоюзных и общероссийских событиях, освещать которые в течение десяти лет довелось в составе кремлевской группы тассовских журналистов.

Конечно, в коротких оперативных материалах всю полноту событий не показать. Многое из увиденного и услышанного мы оставляли на потом, сохраняя записи в старых блокнотах. И вот пришло время переосмыслить их, дав жизнь одним и отбросив другие. Мне представляются актуальными и сейчас заметки о встречах с выдающимися людьми, главами государств и правительств, впечатлениях от зарубежных поездок. Некоторые из них и выношу на суд читателей.

ВСТРЕЧИ И ДРУЗЬЯ

Каждому времени нужен свой летописец не только в области исторических событий, но и в летописи быта, который приближает к нам прошлое, помогает понять, как жили и чем жили прежние поколения, говорил известный советский писатель Константин Паустовский. На мою долю выпало стать одним из таких летописцев. Благодаря своей профессии я более полувека находился в гуще событий не только Кольского полуострова, но нередко — всей необъятной нашей страны, узнал пленительную власть Севера и заманчивую жизнь столичного мегаполиса. Был знаком со многими выдающимися соотечественниками и тысячами простых граждан, достойных пера самых великих мастеров художественного слова. Многих из них давно уже нет среди нас, а в памяти сердца они навсегда живые.

Не зря говорят: душа с душой разговаривает, если между людьми складываются добрые отношения. С Владимиром Николаевичем Птицыным они сложились у нас буквально после первой встречи. Приехал он в наш город в 1959 году из Ленинграда по направлению Центрального Комитета КПСС на должность заведующего отделом промышленности, строительства и транспорта Мурманского обкома КПСС. Хорошо проявившего себя на этой работе посланца Ленинграда вскоре назначили председателем Комитета партгосконтроля обкома КПСС и облисполкома. Эта структура партийно-государствен-

ного контроля создавалась в области впервые. Рождалась, по сути, новая народная организация с большими правами — народный контроль. В реализацию поставленных перед ней задач активно включилась и газета «Полярная правда», где я в то время начинал свою журналистскую биографию. Мы проводили массовые рейды на строительные объекты и промышленные предприятия, контролировали работу службы быта и других отраслей народного хозяйства региона.

Один из таких рейдов — на Мурманский домостроительный комбинат (ДСК) — закончился для нас выдворением с территории предприятия. Один из его руководителей, кстати, член областного комитета партгосконтроля, заявил нам, что не позволит вмешиваться в дела предприятия посторонним людям. А между тем в составе возглавляемой мной бригады народного контроля были в основном работники ДСК. Ссылка на то, что рейд согласован с комитетом, вызвала лишь вспышку гнева руководителя.

— Я сам член комитета и таких поручений вам не давал. Убирайтесь отсюда по-хорошему ... — кричал он.

Пришлось распустить бригаду, а о случившемся написать докладную на имя председателя комитета партгосконтроля. Владимир Николаевич на заседание, где обсуждалось наше сообщение, пригласил и меня. В результате мои действия как руководителя бригады народного контроля были признаны правильными, а того руководителя за самодурство вывели из состава областного комитета партгосконтроля. С того времени и начали складываться мои отношения с Птицыным. Он не раз доверял мне проверку жалоб на крупных хозяйственников и чиновных людей, учил быть максимум объективным при оценке их действий.

Не могу сказать, что отношения наши были приятельскими. Но даже в бытность первым секретарем обкома КПСС Птицын приглашал меня на совместные лыжные прогулки, брал с собой в командировки по области. Он понимал, что мы, журналисты той поры, не менее партработников проникались чувством ответственности за дела государства, были в едином

*На лыжне начальников нет. Справа — председатель облисполкома
А. П. Зазулин и председатель облсовпрофа В. С. Грищенко.*

Слева — семья В. С. Белоусова.

А снимок сделал первый секретарь обкома КПСС В. Н. Птицын

строю с ними в деле развития экономики и культуры области. Поэтому, признавал он позднее, реакция на наши критические выступления обкома была быстрой и эффективной. Горжусь, что «в числе наиболее активных и одаренных журналистов» области он называл и меня.

Осенью 1976 года со мной случилась беда: поскользнувшись неловко, упал на крыльце редакции и повредил позвоночник. Консилиум врачей, приглашенных из Москвы по просьбе первого секретаря обкома партии, и лучших мурманских специалистов вынес решение: требуется длительное лечение. Птицын сказал: «Этот человек нужен области, надо лечить!».

И меня лечили. Сначала — в областной больнице, потом — в городской. Целых семь месяцев. Спасибо мурманским медикам — вернули-таки в строй! А все эти долгие месяцы Птицын интересовался моей судьбой. Разве забудешь такое!

Особенно тесно сотрудничали мы в годы моей работы в ТАСС. Тогда в числе должностных обязанностей собкора была подготовка для руководства страны информации о реальном положении дел в области. Такие шифровки передавал и фактический глава региона — первый секретарь обкома КПСС. Не стану скрывать, иногда, особенно при складывающейся тревожной обстановке в жизни области, мы согласовывали передаваемую в Москву информацию.

В последний раз я разговаривал с ним по телефону за два дня до его внезапной кончины. Речь шла о создании книги воспоминаний о Герое Социалистического Труда, бывшем управляющем трестом «Апатитстрой» В. К. Егорове. Птицын одобрил этот проект. Он умел ценить людей.

* * *

Должен сказать, что и с другими первыми секретарями обкома КПСС — Георгием Яковлевичем Денисовым и Николаем Леонтьевичем Коноваловым, которого Птицын сменил на этом посту, наши отношения также сложились хорошо и довольно быстро. Я всегда чувствовал их поддержку и не боялся поднимать в газете острые проблемы.

А вот с многолетним председателем облисполкома Алексеем Павловичем Зазулиным отношения долго не складывались. Как-то в газете серьезно покритиковал руководителя одной из строительных организаций Кольского района, который оказался другом Зазулина, человека с диктаторскими замашками, в ту пору — первого секретаря Кольского райкома партии. Оба обиделись и даже пожаловались в обком КПСС, требуя наказать меня за якобы искажение фактов. Однако Николай Леонтьевич Коновалов встал на мою защиту.

Прошли годы. Зазулина избрали председателем облисполкома, я стал заведовать экономическим отделом «Полярной

правды». Нам часто приходилось общаться, и это способствовало росту взаимопонимания. Алексей Павлович стал признавать мой профессионализм.

Случилось так, что в газете «Советская Россия» забраковали подготовленную им статью о проблемах заполярного сельского хозяйства. Автору было предложено срочно доработать ее.

Алексей Павлович пригласил меня к себе, попросил подсказать, чего не хватает в его статье. Знакомство с текстом подтвердило мое предположение — это не газетный материал, а, как говорил наш редактор, казенная справка. Надо готовить новый текст. Так и ответил председателю облисполкома.

— Ну так в чем дело? — сказал он. — Садись и пиши!

И вот, обложившись кучей справок, сижу я за его столом. Чтобы не сбежал, Зазулин и дверь кабинета закрыл на замок, приказав секретарше подавать мне чай-кофе по первому требованию.

Мне и до этого приходилось готовить материалы руководящим работникам из области для центральных газет, но только на добровольных началах и в совершенно иной обстановке. Мне и тут пришлось включиться в работу, но без энтузиазма. Несколько раз Зазулин заглядывал в кабинет, интересовался, как продвигается дело. К концу дня статья была готова. Прочитав ее, Алексей Павлович взорвался:

— Ты бы еще стихами изложил текст! Разве поверят там, что это написано председателем облисполкома?!

Оказывается, его не устроило то, что в тексте были всего две ссылки на решения партии и правительства и ни одной цитаты из выступлений тогдашнего Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева. Смущало его и необычное начало статьи. Она начиналась с небольшого отступления от темы, смысл которого сводился к тому, что Мурман индустриальный, получавший большинство продуктов питания из других регионов страны, теперь делает первые серьезные шаги для того, чтобы снизить зависимость в продовольственном обеспечении области от внешних поставщиков. Одна из конкретных задач — обеспечить тружеников области натуральными

диетическими продуктами местного производства, которые невозможно завезти из других экономических районов.

Долго пришлось доказывать ему, что это не привычный для него отчет о работе перед вышестоящим партийным или советским органом власти, а газетный материал о конкретных делах сельских тружеников Заполярья, о которых ему и предложила редакция подготовить объективный рассказ. Однако он стоял на своем. Не выдержав, и я загорячился.

— Вот что, Алексей Павлович, — говорю ему. — Вы — профессионал в своем деле, а я — в своем. Мне лучше знать, что требуется газете...

Нехотя, поворчав, Зазулин согласился со мной. Статью отправили в Москву. Ее опубликовали, не заменив ни единого слова. После этой истории и зауважал меня Алексей Павлович, отношения с ним наладились.

* * *

Иметь свое мнение никому из нас не запрещалось и в годы советской власти. Однако отнюдь не всегда прислушивались к нему те, кто стоял у руля управления областью и страной. Испытать это пришлось и мне.

Пользуясь правом высказывать свое мнение по тем или иным проблемам партийного строительства, однажды написал письмо в Центральный Комитет КПСС, в котором высказал тревогу о том, что некоторые постановления высшего органа партии, мягко говоря, не учитывают реальной обстановки на местах. Привел в письме и факты, подтверждающие мои сомнения. Реакция последовала незамедлительно. Письмо переслали в обком КПСС с просьбой принять меры к автору, который, якобы, нарушил правила общения между коммунистами. Тогдашний секретарь обкома по идеологии Вячеслав Иванович Мочалов, выслушав меня, сказал, что я поступил правильно, но очень уж в резких тонах выразил свое мнение. Посоветовал впредь быть более осторожным. А письмо направил в партбюро редакции, где меня и «пропесочили» как было положено. Правда, взыскания не вынесли.

Я тогда заочно учился в Высшей партийной школе при ЦК КПСС. Подошло время сдавать госэкзамены. За первые два — по истории КПСС и по журналистике — получил «пятерки». Оставалось сдать экзамен по одному из курсов марксистско-ленинской теории. И тут едва не рухнули все плоды моей учебы.

Мне достался билет, одним из вопросов которого был: «Возможно ли построение коммунизма в отдельно взятой стране?».

Судя по Программе, принятой XXII съездом КПСС, следовал вывод, что возможно. Но у меня в этом были большие сомнения. И я не стал кривить душой.

«Слова программы партии о том, что нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме, считаю преждевременными, — начал свой ответ. — Прежде всего потому, что у нас еще не создана материально-техническая база для построения коммунизма. Слишком большая разница в жизни города и деревни. Мы живем в окружении капиталистических государств, отнюдь не приветствующих коммунистические идеалы. К тому же многие все еще верят в Бога, а это никак с коммунизмом не вяжется». ...

Члены госкомиссии слушали, не перебивая. Когда закончил ответ, меня попросили выйти в коридор. Вслед вышел и председатель комиссии. Закурив, обратился ко мне с вопросом:

— Вы действительно так считаете?

— Да! — ответил ему и стал ждать результатов.

Коллеги из Прибалтики, вместе с которыми сдавал экзамены, сочувственно говорили:

— Ну зачем ты так, Василий? Ведь на этом твоя партийная карьера и закончится...

Обошлось без оргвыводов. Но председатель комиссии все же счел нужным сказать на прощание:

— Если в нашей аудитории и можно так высказываться, то на людях делать это не советуем: вас не поймут.

Оценку же за ответ и по этому предмету поставили «отлично».

А спустя немного времени тот же председатель экзаменационной комиссии сообщил, что принято решение рекомендо-

вать меня на учебу в аспирантуру Ленинградского государственного университета. Я отказался.

* * *

В работе собкора ТАСС очень многое зависит от того, как складываются его отношения с местными органами власти. Мы были независимы от них, выполняли указания только своего столичного руководства. Это не нравилось некоторым руководителям областного уровня. Доходило до угроз. Особенно после распада СССР. Но на большее смелости не хватало. Думаю, потому, что тассовская информация всегда была объективной, да и побаивались они ссоры с ТАСС. Москва нашего брата в обиду не давала.

Назначенный главой администрации Мурманской области бывший секретарь обкома КПСС Евгений Комаров, с которым мы дружили многие годы, вдруг заметно охладел ко мне и стал недоступен для большой группы крупных хозяйственников региона. Трудно сказать, почему и за что, например, невзлюбил он начальника Мурманского морского рыбного порта Валерия Кускова, по праву считавшегося одним из лучших директоров области. Дело дошло до того, что руководитель области направил министру рыбного хозяйства России письмо с просьбой освободить неугодного ему руководителя от занимаемой должности.

Письмо осталось без ответа. За ним последовали второе, третье ...Министр сдался, издав соответствующий приказ. В тот же день об этом стало известно в исполнительной дирекции Союза промышленников и предпринимателей области (СПП). На экстренно созванном заседании совета СПП входившие в его состав руководители предприятий высказались в поддержку своего коллеги. Было единогласно принято обращение к министру с требованием отменить приказ. Обращение подписали президент Союза промышленников и предпринимателей Виталий Мешков и непосредственный начальник Кускова руководитель главка «Севрыба» Георгий

Тишков. Место для третьей подписи было оставлено для руководителя области Комарова. Но кто пойдет за ней? Ведь и Мешков, и Тишков к тому времени стали «незаходными» к главе администрации, который и на сей раз мог отказать им в приеме. А дело не терпело отлагательства. И тогда эту миссию поручили мне как члену совета СПП. Дескать, представителю ТАСС он отказать не может.

Естественно, Евгений Борисович принял журналиста, но от подписи отказался. Понимая, однако, что ссориться с такой авторитетной организацией себе в убыток, поручил подписать обращение своему первому заместителю Юрию Бергеру. В тот же день наше обращение было доставлено в Москву и вручено министру. Приказ об увольнении начальника порта был отменен. А через несколько лет Кускова перевели на работу в столицу — в качестве советника министра рыбного хозяйства.

Отношения же Союза промышленников и предпринимателей и главы области остались натянутыми. Среди хозяйственников стало расти недовольство администрацией. Большинство сходилось во мнении — надо «пробивать» в руководителя области своего представителя. Выбор остановили на бывшем секретаре Мурманского обкома КПСС и председателе областного Совета народных депутатов Юрии Евдокимове, представлявшем в то время в Мурманске одну из солидных московских фирм. Его приняли в Союз промышленников и предпринимателей, ввели в состав совета и избрали вице-президентом. А вскоре Виталий Мешков, возглавлявший объединение промышленников и предпринимателей со дня его образования, предложил избрать на эту должность вместо себя Евдокимова. Просьбу удовлетворили. Тогда же было решено и поддержать Юрия Алексеевича на предстоящих выборах нового руководителя Мурманской области.

Поддержка столь авторитетной организации хозяйственников способствовала победе Евдокимова на выборах. А чтобы упрочить его связи с директорским корпусом, совет СПП попросил его остаться и на посту президента Союза промышленников и предпринимателей.

Главным приоритетом в своей работе Евдокимов считал реанимацию и подъем базовых отраслей промышленности. И это не удивительно. В сфере материального производства 90 процентов прибавочного продукта создавалось крупнейшими предприятиями региона, большинство из которых входили в состав СПП. Все они, по сути, являются одновременно и градообразующими предприятиями, то есть несут ответственность за социальные условия, в которых живут и трудятся наши земляки в том или ином уголке Кольского полуострова. Сохранить людские ресурсы на том этапе было первостепенной задачей новой администрации. По инициативе губернатора началась кампания по реструктуризации задолженности крупнейших предприятий региона по платежам в областной и местные бюджеты. Для снижения налогового бремени пришлось освободить эти предприятия от дополнительных затрат по содержанию жилья и объектов соцкультбыта. При поддержке Союза промышленников и предпринимателей осуществлен был ряд других мероприятий. Результаты не заставили ждать: предприятия вздохнули свободнее и в полном смысле слова начали подниматься с колен. У них появилась возможность мобилизовать высвободившиеся средства для финансирования капитальных вложений в производство, рассчитаться с долгами по зарплате, сохранить рабочие места и, выправив положение, не только стабилизировать производство, но и нормально осуществлять текущие платежи в бюджеты всех уровней.

Во всей этой работе пришлось активно участвовать и мне, как члену совета Союза промышленников и предпринимателей. Евдокимов к тому же утвердил меня внештатным его советником, что, кстати, помогало и в журналистской деятельности. Удостоверение советника губернатора позволяло беспрепятственно проезжать не только в закрытые города Кольского полуострова, а и во все воинские гарнизоны, добывать там информацию, недоступную для коллег из других СМИ.

Не могу сказать, что работать собкором ТАСС при Евдокимове было легче. Я старался быть максимум объективным

при подготовке материалов из области. Не боялся поднимать и острые проблемы региона. Один из вице-губернаторов, недовольный критическими высказываниями в адрес администрации, написал на меня жалобу губернатору. Евдокимов, изучив ее, наложил на письме такую резолюцию: «С ТАСС будем дружить!». После чего в течение многих лет, вплоть до ухода на пенсию, отношения мои с чиновничьей братией были почти что дружескими.

К сожалению, при сменившем Евдокимова на посту губернатора Дмитрие Дмитриенко связи мои с администрацией заметно ослабели. Одной из причин этого считаю тот факт, что слишком часто в области стали менять не только министров, а и заместителей губернаторов. Не успеешь наладить контакты с одним, как к власти пришел другой. Причем не местный опытный хозяйственник, а из числа навязанных новому губернатору федеральными властями чужаков. Эти временщики мало полезного сделали для нашего края.

* * *

Друзей не выбирают — ими становятся. Иногда даже после ссоры при первом знакомстве. Именно с нее начались у меня знакомство, а затем и дружба с Олегом Петровичем Найденовым, будущим мэром Мурманска. Тогда он работал, помнится, мастером в одном из цехов комбината «Стройконструкция». Редакционное задание было простым: подготовить бодрый репортаж к очередному майскому празднику. Однако основной для оптимизма оказалось маловато. Оборудование в цехе было явно устаревшим, многие операции выполнялись вручную. Не вдохновила меня обстановка на предприятии! И вместо предпраздничного репортажа получилась критическая статья. Упоминалась в ней и фамилия Найденова. Олег Петрович, тогда еще просто Олег Найденов, обиделся, посчитав упрек в его адрес несправедливым. Мы поссорились.

Прошли годы, я и забыл про эту историю. Напомнил о ней мне сам Олег Петрович, когда мы уже хорошо узнали друг

друга и подружились. Как-то, сидя за чашкой чая в отдельной комнате его служебного кабинета, начали вспоминать, каким неухоженным был Мурманск в начале шестидесятых годов. Речь зашла и о старом комбинате «Стройконструкция», часть цехов которого располагалась в центре Мурманска. Неожиданно Найденов спросил:

— А за что ты меня тогда в газете пропесочил? Нет, зла на тебя не держу. Но ведь за те промахи в работе отвечать должен был прежде всего директор, а не только что вступивший в должность молодой специалист...

Разговор этот, как я понял позднее, зашел у нас не случайно. Олег Петрович и в зрелые годы, управляя таким крупным городом, как наш Мурманск, к уколам прессы был весьма чувствительным. Он любил этот город, делал для него все, что было в его силах. И очень переживал, когда в печати о столице Заполярья появлялась негативная информация.

Запомнился мне случай с Вечным огнем у памятника защитникам советского Заполярья. По какой-то причине там произошел взрыв газа, разнесший по сторонам облицовку у Вечного огня. Огонь погас. По городу комом покатались слухи, один другого нелепее. О таком ЧП корреспондент ТАСС не имел права не сообщить в Агентство. Моя короткая информация о самом факте взрыва сразу же была озвучена Центральным телевидением и радио. Узнав об этом, Найденов позвонил мне:

— Зачем ты город позоришь?! Ну был там взрыв из-за неполадок в газовой системе. Завтра все исправим. Это наше, внутреннее, дело, и нечего о нем кричать на всю страну. ...

Мэр был явно не в духе. Мои объяснения о том, что я выполнял свой профессиональный долг, до него явно не доходили. Он даже пригрозил подать на меня в суд...

Конечно, сказано это было сгоряча. Уже на следующий день Олег Петрович позвонил мне и извинился. Нелегко ему было погасить обиду, но он пересилил себя. Дружба между нами от этого не пострадала. Он не забыл пригласить нас с супругой на свой юбилей. Отмечал же Найденов свое 50-летие в широком кругу друзей и коллег-единомышленников, полный сил и добрых планов на будущее города.

Он был крепким хозяйственником, мудрым и дальновидным руководителем, всегда заботившемся о благе горожан.

После распада СССР жизнь северян сильно осложнилась. Особенно ощутимо сказывалась нехватка продовольствия. Чтобы хоть как-то помочь людям в решении продовольственной проблемы, власти области и города призвали население создавать садово-огороднические кооперативы. Но нужен был пример. Найденов и тут нашел выход.

На одной из наших встреч в комнате отдыха его служебного кабинета, где присутствовал и давний друг Найденова начальник Мурманского морского торгового порта Василий Сергеевич Стриж, он предложил:

— А что, мужики, если и нам взяться за это дело? За нами ведь и другие потянутся...

Мы не возражали. Уже на следующий день выехали в район Нижнетуломского водохранилища. Там, где до войны существовала деревня Восмус, нашли подходящий участок земли. Найденов договорился с руководителями совхоза «Тулома» и Кольского района о выделении его нам под садово-огороднический кооператив. Желающие вступить в него нашлись в торговом порту. После выполнения всех формальностей Стриж сразу начал строить садовый домик, а мы с Найденовым, купив у строителей передвижные бытовки, привезли их на участок.

Не прошло и года, как перед нашими жилищами появились первые кусты смородины, грядки с клубникой и картофелем. За нами потянулись другие. Сейчас в Восмусе более сотни домов. Не времянок, а именно домов, в некоторых из них люди живут круглый год. Они даже не догадываются, что своим возрождением старая деревня на берегу Туломы обязана мэру Мурманска.

Искренне жаль, что этот человек так рано ушел из жизни.

* * *

По долгу службы мне приходилось поддерживать добрые отношения и с другими мурманскими градоначальниками, пришедшими к власти в городе после кончины Найденова.

Однако столь тесных связей, какие были у нас с Олегом Петровичем, не получилось. Я старался помогать доступными мне методами и Михаилу Савченко, и Геннадию Гурьянову, и Сергею Субботину. Но это были чисто деловые отношения. С удовольствием готовил для ИТАР-ТАСС информацию о достижениях мурманчан в труде и спорте, в культуре и благоустройстве города, с которым судьба связала меня в далеком уже 1956 году и который стал для меня вторым родным домом. Вижу, что нынешние руководители Мурманска, прежде всего Алексей Веллер и Андрей Сысоев, многое переняли из опыта первого всенародно избранного мэра, особенно в работе по благоустройству города. Верю, к 100-летию Мурманска добрые перемены в его облике будут заметны не только в центре, а и на окраинах.

Радует, что и областная администрация, которую впервые возглавила женщина — Марина Васильевна Ковтун, в подготовке к предстоящему юбилею Мурманска действует по единому с городом плану, слаженно и плодотворно. Нынешний губернатор, по-моему, выбрала правильный курс, собрав команду единомышленников из местных специалистов. Уже есть и первые положительные результаты деятельности ее команды. Что касается моего сотрудничества с ИТАР-ТАСС, то оно прервалось лишь в 2014 году. Связано это не только с тем, что в Мурманске появился новый собкор. Работать в прежнем ритме после пяти перенесенных инсультов стало тяжело. Настало время подводить итоги прожитого, и я сосредоточился на подготовке книг краеведческого характера. Благо, в личном моем архиве скопилось много интересных материалов о жизни области, о встречах с выдающимися людьми России, ближнего и дальнего зарубежья.

* * *

Еще в бытность корреспондентом газеты «Полярная правда» довелось мне общаться с представителями высшего эшелона власти. В 1965 году редактор газеты поручил мне раздобыть

текст выступления секретаря ЦК КПСС Александра Николаевича Шелепина, прибывшего в область для вручения ордена Красного Знамени Северному флоту. Шеф предупредил, что выпуск газеты будет задержан до тех пор, пока он не получит текст выступления столичного гостя. А церемония вручения награды проходила в Северноморском Доме офицеров. Место мне досталось там на балконе. Когда собрание завершилось, я побежал вниз, чтобы «перехватить» гостя. Оказалось, он уже на фуршете в честь праздника североморцев, а туда приказано никого не пускать... И все же мне удалось пробиться к Шелепину. Извинившись за то, что отвлекаю, объяснил — зачем. Александр Николаевич передал листки с текстом речи, но не отпустил меня: предложил поужинать вместе с собравшимися за праздничным столом адмиралами, генералами и руководителями города и области. Тут же подвинулся, освободив место рядом с собой, подал рюмку коньяка ...

Задание редактора я выполнил тогда в срок и заслужил его похвалу. А спустя шесть лет в такой же ситуации пришлось добывать текст речи тогдашнего председателя КГБ СССР, кандидата в члены Политбюро ЦК КПСС Юрия Владимировича Андропова, приехавшего в Мурманск для вручения городу первого ордена — Трудового Красного Знамени. Учтя прежний опыт, пробился в первые ряды зала областного драмтеатра, где проходили торжества. И как только объявили перерыв, рванул на сцену. Охранники пытались удержать, но тут на выручку пришел первый секретарь обкома КПСС Владимир Николаевич Птицын.

— Это наш корреспондент, — сказал он и представил меня Андропову.

Помню, тот усмехнулся, внимательно посмотрел на меня и подал руку. Текст выступления пообещал передать в следующий перерыв, пояснив, что «над ним надо еще поработать».

И на этот раз газета получила столь нужный материал вовремя.

Конечно, такие истории не забываются. Но для меня, как журналиста, они стали еще и хорошим уроком.

Самым доступным для журналистов президентом России, на мой взгляд, был и остается нынешний глава государства Владимир Владимирович Путин. По долгу службы мне приходилось сопровождать его во многих поездках на Кольский полуостров. И почти каждый раз они заканчивались краткой, но поучительной встречей с нашей журналистской братией. Так было и в конце августа 2005 года, когда он прибыл в область для участия в крупномасштабных морских учениях Северного флота.

Пока президент летал «где-то в районе Воркуты», мы терпеливо ждали его возвращения на военном аэродроме под Оленегорском. Вместе с нами коротал время и министр обороны Сергей Иванов, который и сообщал нам все новости из района полета главы государства. От него мы узнали, что в полете участвуют три сверхзвуковых многорежимных ракетно-носных бомбардировщика ТУ-160. С одного из них, на борту которого находился Верховный главнокомандующий, был выполнен пуск двух крылатых ракет. Через семь минут такие же ракеты пустили с другого самолета, после чего авиаторы продолжили полет. В том же районе самолет президента встретился с воздушным танкером, состыковался с ним и дозаправился прямо в воздухе, рассказал Сергей Иванов. Ракеты в это время еще продолжали лететь к далекой цели. Наконец, министр обороны собрал журналистов и сообщил:

— Цели поражены. Объективные данные видеоконтроля будут предъявлены вам завтра...

Все вздохнули с облегчением и стали ждать самолет президента, который уже летел над Баренцевым морем, и с минимальной высоты Владимир Путин смотрел за действиями флотской армады.

Был хоть и летний, но весьма прохладный день. Министр обороны заметил, что журналистам холодно, и пригласил нас в палатку, где подавали горячий чай в придачу с печеньем и пирожками. Министр охотно отвечал на наши вопросы, а ког-

да кто-то из нас рассказал подходящий для данной ситуации анекдот, и сам «выдал» нечто подобное. Было приятно чувствовать, что он вел себя с нами как равный с равными.

Но вот над аэродромом показался первый ТУ-160. Гигантская машина с ревом пронесется над взлетной полосой на минимальной — в двести метров — высоте и разворачивается на посадку. Когда самолет вырулил на стоянку, нас пригласили пройти к нему. Президента в форме военного летчика у трапа встретили министр обороны и поджидавший Путина вместе с нами главком ВВС генерал армии Владимир Михайлов. Президент держался бодро, но по лицу его и несколько скованной походке можно было понять, что пятичасовой полет на сверхзвуковой машине не прошел для него бесследно.

— Зачем Вам понадобился этот полет? — спросили мы президента.

— Я думаю, что человеку в моем положении нужно лично знать, видеть, чувствовать, как это происходит, — ответил Владимир Владимирович. — А это был не просто пробный полет — сегодня еще и испытывали новую ракету. Если вы помните, года полтора назад мы говорили о необходимости разработок новых систем ракетного вооружения, высокоточных крылатых ракет дальнего радиуса действия. И вот сейчас мы их испытали. Ракеты поразили цель. Это хороший результат.

Президент отметил, что ему было приятно видеть, как слаженно и высокопрофессионально работают летчики. «Командир даже дал немного попилотировать», — сказал он и признался, что испытывал при этом очень приятное чувство.

Он уже стал прощаться с нами, как вдруг вспомнил что-то и обратился к одному из нас — представителю Информационного агентства «Интерфакс».

— Кажется, у вас сегодня день рождения. Это надо отметить.

И тут же вручил опешившему коллеге подарок — именные часы.

Двойственное впечатление осталось у меня от встреч с первым и последним Президентом Советского Союза, Генеральным секретарем ЦК КПСС Михаилом Сергеевичем Горбачевым. Он так часто отвлекался от темы разговора, что порой было трудно понять, а что же хотел сказать северянам генсек?

Прибыл М. С. Горбачев в Мурманск 30 сентября 1987 года для вручения городу-герою Мурманску ордена Ленина и медали «Золотая Звезда». Этой самой высокой награды Советского Союза Мурманск был удостоен за мужество и стойкость, проявленные в годы Великой Отечественной войны тружениками города, воинами 14-й армии и моряками Северного флота. Указ о награждении вышел еще в мае 1985 года, но время для вручения наград генсек выкроил лишь через два с лишним года и то после многочисленных напоминаний ему об этом.

В те годы право передавать в СМИ официальные сообщения о важнейших событиях в жизни страны имело только главное информационное агентство страны — ТАСС. Освещать мурманский визит главы государства было поручено тассовской бригаде в составе Александра Беликова, Николая Железнова и автора этих строк. С нами работала еще и группа технических специалистов, обеспечивавших оперативную передачу в Москву подготовленных нами материалов с места события. Наш своеобразный штаб и часть сопровождавших Горбачева разместили на втором этаже гостиницы «69 параллель». А поскольку вместе с Горбачевым в Мурманск приехала и его супруга Раиса Максимовна, пришлось готовить материалы и о ее встречах с жителями области. Выпало это на мою долю.

Поселились они в гостевом доме неподалеку от поселка кольских звероводов, прозванном в народе Хрущевской дачей. Дом был построен специально для этого лидера советской страны. Но поскольку жители Мурманска встретили его неприветливо, он, обидевшись, так и не побывал в нем.

Работу мы построили так: зафиксировав в блокноте и на диктофоне выступление генсека, один из нас уезжал в штаб

для подготовки материала, а другие продолжали отслеживать ход события. И так продолжалось все три дня нахождения Горбачева в Мурманской области. Даже когда он ездил в Мончегорск. Проблем с транспортом не было: в нашем распоряжении находились несколько обкомовских легковых машин.

О самой процедуре вручения наград, как нам представлялось, сложностей не должно быть. У нас на руках уже имелась копия предстоящего его выступления перед собравшимися во Дворце культуры имени С. М. Кирова. Но нас ждало разочарование. Михаил Сергеевич стал так часто отвлекаться от заранее заготовленного текста, что мы едва успевали записывать эти дополнения. Как потом выяснилось, зачастую отступления противоречили ранее озвученным мыслям. Приходилось по несколько раз прослушивать диктофонные записи и приводить внесенные в доклад дополнения в соответствие со сказанным ранее. Вместе с нами этой работой занимался помощник Горбачева. Он же в три часа ночи отвозил отредактированный текст доклада на дачу — для визирования. А уже в шесть утра мы снова были на площадке возле дачи и поджидали гостей, не очень-то спешащих с продолжением намеченных программой визита встреч.

Горбачева я видел и ранее, занимаясь в составе кремлевской группы тассовцев освещением в печати съездов КПСС и других важнейших политических событий в жизни страны. А вот с Раисой Максимовной общаться довелось впервые.

Запомнилась ее поездка в Колу, где была запланирована встреча с работниками музея, размещавшегося в церкви. Сюда же приехал и тогдашний директор Мурманского областного краеведческого музея Владимир Пожидаев.

Внимание столичной гостьи привлек макет Кольской крепости XVIII века. Заведующая музеем начала было рассказывать историю создания Колы, однако Раиса Максимовна перебила ее и сама взяла на себя роль экскурсовода. Чувствовалось, что она в общих чертах знакома с историей освоения Кольского полуострова, но в деталях допускала досадные ошибки. Володя Пожидаев несколько раз поправлял ее, чем вызвал

Р. М. Горбачева в Коле с сотрудниками музея

недовольство гостыи. В сердцах она сказала, что перед поездкой хорошо проштудировала историческую литературу о Мурманском крае, а потому просит не мешать ей. Одернул Пожидаева и Юрий Балакшин, возглавлявший тогда облизполком и сопровождавший в поездке по области первую леди Советского Союза. Немногочисленные свидетели возникшей перепалки молчали, делая вид, что готовы и дальше внимательно слушать знатную гостью.

Уже после смерти Раисы Максимовны в одном из толстых российских журналов прочел я отзыв о ней Георгия Пряхина — бывшего референта Горбачева. В общем-то тепло отзывавшийся о ней чиновник пишет: «Раиса Горбачева имела бзик — с чем бы ее не знакомили, она считала долгом сама, не слушая экскурсовода, рассказывать историю объекта или семьи. Так было даже при встрече ее с первой леди Америки.

Непонятная тяга чувствовать себя преподавателем везде и со всеми. Всегда — рядом с мужем. Нравоучения ее надоели людям, и они стали относиться к ней без всякого уважения».

Я бы вполне согласился с таким заключением, если бы не увидел Раису Максимовну в иной обстановке.

Когда после осмотра Мурманского завода белковых концентратов «Протеин» Горбачев и сопровождающие его лица появились у проходной, здесь его уже ждала толпа портовиков. Михаил Сергеевич охотно отвечал на простые вопросы северян. Но тут какая-то женщина стала прорываться к нему, чтобы лично передать генсеку свою жалобу. Охрана сдерживала ее, но женщина не отставала, перейдя на крик. Толпа заволновалась, слышались высказывания в поддержку просительницы. Горбачев резко отреагировал на них, что вызвало недовольство уже всей толпы. Назревал конфликт. Разрядила накалившуюся обстановку Раиса Максимовна. Подойдя к просительнице, она сказала:

— Дайте мне ваше письмо — я передам его Михаилу Сергеевичу.

И все успокоились. Все-таки было что-то в ее характере, что притягивало к ней людей. А тогда на этом встреча с портовиками и завершилась. Кортёж генсека направился в Североморск, где его встретили действительно тепло.

* * *

В июле 1962 года в Мурманск приехал тогдашний лидер Советского Союза Никита Сергеевич Хрущев. На вокзале у поезда, в котором прибыл столичный гость, собралась большая толпа горожан. Мне удалось пробиться в первые ряды, и я смог хорошо его рассмотреть. Хрущев долго не выходил из вагона. А когда открылась дверь тамбура, он несколько минут приветствовал толпу. Рядом со мной стоял заведующий промышленным отделом редакции «Полярной правды» Николай Беляев, прихвативший с собой фотоаппарат. Его снимок Никиты Сергеевича, стоявшего в дверях вагона, был напечатан в газете.

Собравшиеся на привокзальной площади мурманчане рассчитывали, что Хрущев остановится среди них и поговорит с народом. Но охрана не допустила этого, почти затолкав главу

партии и правительства в машину. Высокий гость отправился осматривать город. Я же по делам редакции пошел в обком партии. Там, на крыльце центрального подъезда, и довелось мне лицом к лицу встретиться с Никитой Сергеевичем. Поднимаясь, он на ходу пожимал руки встречавшим его, пожал и мне. Рука его оказалась какой-то рыхлой, и я побоялся сильно пожать ее. Поразило лицо Хрущева. Он выглядел утомленным, и хоть все время улыбался, печать усталости не сходила с его лица.

Вечером на Центральном стадионе состоялся митинг по случаю приезда в Заполярье фактического главы советского государства. Все ожидали, что он сообщит северянам какую-нибудь приятную новость. Но после первых же слов Никиты Сергеевича народ заволновался.

— Дорогие мурманчане! — начал он свое выступление. Сделал солидную паузу и произнес: «Дважды дорогие».

Двадцать тысяч участников митинга, по-моему, одновременно подумали, а кое-кто и вслух произнес такие слова:

— Ну все: «полярки» отменит...

В это время у спортивного комплекса толпа непопавших на стадион опрокинула ворота и побежала на футбольное поле. Следом ринулись и сидящие на трибунах, я в том числе. Остановились мы перед центральной трибуной, где вместе с руководителями области стоял у микрофона Хрущев. Послышались вопросы, адресованные ему: «Почему в городе нет лезвий для бритв? Почему пропала колбаса?». Хрущев еще пытался что-то говорить, но толпа лишь усилила крики. И Никита Сергеевич взорвался, перейдя на грубую речь. Кто-то из окружения догадался выключить микрофон, и его слова, до этого транслировавшиеся на весь город, смогли слышать только участники митинга, который на этом и завершился. Хрущев даже не поехал на дачу, построенную специально к его приезду. Он отправился на Северный флот, где его встретили куда приветливее, чем в областном центре.

А опасения мурманчан насчет «полярки» подтвердились. Вскоре последовало решение правительства, устанавливающее новый порядок начисления жителям Заполярья северных льгот. Увы, не в пользу северян.

Сразу с двумя главами правительств — российским премьером Михаилом Касьяновым и его финским коллегой Пааво Липпоненом — довелось мне встретиться 27 сентября 2002 года. Оба прибыли на российско-финляндскую границу для участия в торжественной церемонии открытия нового пограничного пропускного пункта Салла. Был теплый солнечный день, и народу на торжество приехало много — как с финской, так и с российской стороны. Было много и журналистов. ИТАР-ТАСС представляли сразу трое — соборы агентства в Мурманске и Хельсинки, а также приехавший с Касьяновым представитель центрального аппарата Алексей Кравченко. Бригадным методом и освещали мы это событие.

Оба премьера говорили о пользе приграничного сотрудничества, способствующего укреплению дружбы и взаимопонимания. Пааво Липпонен с удовлетворением отметил, что с открытием нового «окна» на границе между нашими странами почти на тысячу километров сокращает путь из Западной Европы на Российский Север. Его пропускная способность — двести автомобилей в сутки. Вела строительство финская фирма «NCC PUOL». Заказчик — Северо-Западное таможенное управление Российской Федерации, а построен комплекс на средства международного сообщества по программе ТАСИС.

Касьянов в своем выступлении лишь равнодушно повторил основные высказывания коллеги. Удивило, что и в речи его, и в поведении проскальзывали высокомерные нотки. Не очень-то уважительно отнесся он и к нашей просьбе прокомментировать это важное международное событие. Пришлось нам добывать нужную информацию у второстепенных лиц, сопровождавших высоких гостей. И осталось от этой встречи неприятное впечатление. Зато с коллегами из ТАСС мы общались хорошо. В таком составе редко приходится нам быть вместе.

А вот визит в Мурманск премьер-министра Норвегии Йенса Столтенберга мне пришлось освещать в одиночку. До этого главы правительства соседней страны ни разу в нашем городе

не бывали. Визит Столтенберга открывал новую страницу во взаимоотношениях с приграничным российским регионом — на самом высоком уровне.

Известно, что в годы Второй мировой войны Советская Армия ценой немалых потерь освободила от гитлеровцев значительную часть территории Северной Норвегии. И это не забывают в соседней стране. Не случайно во время своего пребывания в Мурманске руководитель ее правительства прежде чем начать переговоры с мурманским губернатором Юрием Евдокимовым, побывал у мемориала защитникам советского Заполярья и возложил к его подножию венки. Успел он пообщаться и с мурманскими ветеранами Великой Отечественной войны, отдав тем самым дань уважения и памяти людям, принесшим норвежцам в далеком уже 1944 году свободу и независимость от фашистов. Он сказал, что нынешние отношения между нашими странами хоть и не назовешь идеальными, но они с каждым годом расширяются и углубляются. И не только в сфере культуры, а и в промышленности и бизнесе. Норвегия активно участвует в реализации важнейшей экологической проблемы Кольского полуострова — в обеспечении безопасности хранилища отработанного ядерного топлива в губе Андреева и утилизации атомных подводных лодок, выведенных из боевого состава Северного флота. Быстро набирает темпы и сотрудничество Мурманской области с норвежскими специалистами, занимающимися обеспечением экологической безопасности в нефтяной отрасли.

Нашлось у высокого норвежского гостя время и для встречи с журналистами. На пресс-конференции он, как и мурманский губернатор, говорил не только о достигнутых успехах, особенно в сотрудничестве на межрегиональном уровне. Широкое поле деятельности открывает развитие в нашей области нефтегазовой промышленности, сказал он, подчеркнув, что опытом работы в этом деле норвежцы готовы поделиться с мурманскими нефтяниками.

«Я считаю, что Россия сейчас более демократическая страна, чем была на протяжении всей ее истории, — отметил Йенс

Столтенберг. — Это позволяет вести с ней более плодотворное сотрудничество, в том числе и в обеспечении радиационной безопасности ядерных объектов Кольского полуострова.

В то же время, — продолжил норвежский премьер, — есть такие моменты, которые нас беспокоят. Я имею в виду условия для прессы и работу с неправительственными организациями, о которых обязательно подниму вопрос на предстоящих переговорах в Москве. Что касается проблемы обеспечения на Кольском полуострове радиационной безопасности, в том числе и на хранилище ядерного топлива в губе Андреева, то тут у нас получилась очень тесная работа с российскими властями. В результате десятилетней совместной работы безопасность хранилища заметно возросла».

Столь откровенного и обстоятельного разговора иностранных лидеров с представителями местных средств массовой информации я не припомню, хотя по роду службы за три с лишним десятилетия работы в ТАСС и общался с главами государств и правительств многих стран.

* * *

Уже после отставки с поста премьер-министра Российской Федерации в Мурманск для участия в первом этапе международной экспедиции на снегоходах вокруг света по линии Северного полярного круга приехал Виктор Степанович Черномырдин. Встреча с ним была назначена в отеле «Губернский». Когда все уже было готово к началу пресс-конференции, столичный гость вдруг спросил организаторов:

— А где тассовец? Почему его нет? Надо его пригласить...

Представителю администрации области ничего не оставалось, как связаться со мной, что он и сделал. Я объяснил, что готовлю срочный материал и как только завершу его, незамедлительно приду на эту встречу.

Коллеги по перу были, конечно, удивлены. Не бывало еще у нас в Заполярье такого, чтобы глава правительства, хоть и бывший, интересовался региональным журналистом. Есте-

ственно, потом они расспрашивали меня, действительно ли я знаком с Черномырдиным и как это произошло. Пришлось удовлетворить их любопытство.

А было так. После распада СССР на политическую арену страны вырвались молодые, не известные ранее населению люди. С политиками новой волны ТАСС вынужден был устанавливать деловые связи. Мне, работавшему тогда в составе кремлевской бригады агентства на внеочередном съезде народных депутатов, поручили взять интервью у Виктора Степановича Черномырдина, которого, судя по всему, Ельцин готовил на крупный государственный пост.

Коллеги помогли отыскать его в зале заседаний съезда. Пройти туда в то лихое время было нетрудно. И я, выбрав удобный момент, занял свободное место за Черномырдиным. Он ничуть не удивился моему появлению. Оказалось, наш генеральный директор успел связаться с ним и предупредил о моем визите. Возможно, это сказалось и на характере нашей беседы. Ко мне он обращался на «ты», сдабривал речь прибаутками и все время улыбался. Однако по существу дела говорил четко, аргументировано, доходчиво.

Интервью получилось интересным. Потом были другие встречи, в том числе и во время его поездок в нашу область. Наверное, я примелькался ему, и он стал выделять меня из толпы журналистов, обычно сопровождающих первых лиц государства в поездках по стране. Только этим могу объяснить тот факт, что и в последний мурманский визит он вспомнил обо мне.

К руководству страной Черномырдин пришел в очень сложное и тяжелое для нее время. Россия была уже на грани экономического краха. Чтобы избежать его, правительство наделило важнейшие государственные промышленные структуры, в том числе Единую энергосистему, огромными полномочиями. Энергетики получили право отключать за долги любого потребителя электроэнергии. Этим правом и воспользовались мурманские энергетики, отключив одну из баз Северного флота, где в ожидании утилизации стояли четыре атомные подводные лодки с невыгруженным ядерным топливом и боезапа-

сом. Лишенные берегового электроснабжения, необходимого для поддержания плавучести, лодки стали тонуть. Создалась чрезвычайная ситуация, грозящая повторением чернобыльской трагедии. Узнав об этом, я немедленно передал «Молнию» в ТАСС. Информацию сразу озвучили все отечественные и зарубежные теле-, радиостанции.

Военные под дулами автоматов заставили энергетиков подать напряжение на подстанцию базы. Большого ЧП удалось избежать. Черномырдин вынужден был отменить отданное им распоряжение, разрешающее энергетикам отключать за долги ядерные объекты. Это распоряжение остается в силе и сейчас. А тогда военные обвинили меня чуть ли не в разглашении государственной тайны. Грозилась на флот не пускать. Но, как позже выяснилось, за меня заступился сам глава правительства.

К сожалению, участие в кругосветке, ради чего Виктор Степанович уже в ранге экс-премьера приехал к нам в Заполярье, оказалось коротким. 16 марта 2001 года, не проехав на снегоходе и километра, он попал в аварию. Прямо с трассы его отвезли в областную больницу Мурманска. Травмы, правда, оказались незначительными, и он вернулся в Москву. Больше встречаться с ним не довелось.

* * *

Мне пришлось сопровождать в поездках по области не только первых лиц государства, а и министров. Особенно часто — руководителей оборонного ведомства. Запомнилась встреча с членом Политбюро ЦК КПСС, Маршалом Советского Союза Дмитрием Федоровичем Устиновым.

Он прибыл в Мурманск 9 марта 1983 года для вручения городу ордена Отечественной войны первой степени. Так правительство СССР хоть и с большим опозданием, но все же отметило выдающийся вклад в победу над фашистской Германией тружеников фронтового Мурманска, воинов Красной Армии и Военно-Морского Флота, сражавшихся с гитлеровскими захватчиками на Кольской земле.

Встречать его на военном аэродроме под Североморском прибыли руководители области — первый секретарь обкома КПСС Владимир Птицын, председатель облисполкома Алексей Зазулин, первый секретарь Мурманского горкома КПСС Тимур Щербаев и председатель горисполкома Юрий Балакшин, представители командования Северного флота и соединений других родов войск, дислоцированных на Кольском полуострове.

Когда самолет подрулил на стоянку, встречавшие выстроились неподалеку от него в строгом соответствии с «табелем о рангах». Мне и заместителю редактора областной газеты «Полярная правда» Евгению Бройдо досталось место в конце шеренги. Чтобы «не портить» строя военных, мы с ним даже на шаг отступили от него. Но когда Дмитрий Федорович стал обходить стоявших на вытяжку адмиралов, генералов и высших офицеров, он почему-то дольше других задержался именно возле нас. Крепко пожав нам руки, он, помнится, даже заинтересовался, не замерзли ли мы, ожидая самолет.

Для меня это была вторая встреча с легендарным министром. Впервые увидеть его довелось в начале 1960 года. Тогда курировавший оборонное ведомство заместитель председателя Совета Министров СССР Д. Ф. Устинов вместе с Главным маршалом артиллерии, главнокомандующим ракетными войсками стратегического назначения Митрофаном Ивановичем Неделиным приехал на нынешний космодром Плесецк, а тогда — в целях секретности — называвшийся «Ленинград-300», с проверкой хода строительства пусковых установок. На встречу с ними пригласили и несколько комсомольских активистов из обслуживающих космодром воинских частей. В их числе оказался и я, возглавлявший тогда комитет ВЛКСМ одной из них.

Дмитрий Федорович выглядел молодцевато. По крепкому мужскому рукопожатию я почувствовал, что и силенкой он не обделен. Беседа с нами, конечно же, была короткой, но в памяти она сохранилась навсегда. И когда Устинов на Севермор-

ском аэродроме снова пожимал мне руку, я чуть было не напомнил ему о той давней встрече в глухой архангельской тайге, где создавалась мощнейшая советская ракетная база.

В скупых тассовских сообщениях о визите в Мурманск члена Политбюро ЦК КПСС и министра обороны СССР, естественно, таких подробностей не найти. У каждого жанра свои особенности. И я по ходу визита выдавал на новостную ленту ТАСС только протокольную информацию. О самой процедуре вручения городу боевой награды, конечно же, говорилось более обстоятельно.

Д. Ф. Устинов побывал на судоверфи, в одном из цехов рыбокомбината, где для него были накрыты столы с десятками образцов продукции этого предприятия. Гость был поражен широтой и разнообразием ассортимента, внешней привлекательностью товаров. Попробовал рыбные пельмени — понравились! Взял в руки кусочек копченого палтуса, понюхал и говорит:

— К этой рыбе еще бы пивка — вот было бы здорово!

— Есть пиво, Дмитрий Федорович, — мгновенно среагировал представитель рыбокомбината. — Наше местное...

Повертев в руках запотевшую в холодильнике бутылку с янтарным напитком, министр с явным сожалением поставил ее на стол и проговорил:

— Хорошо бы попробовать, да доктор не разрешает... Я лучше пойду в цех, с народом пообщаюсь.

Посмотрел на вдруг заскучивших помощников из свиты, сидевших вместе с ним за столом, и добавил:

— А вы, ребята, не стесняйтесь, налегайте на эти яства. Когда-то еще такое выпадет...

Устинов направился к выходу, вслед за ним потянулись и остальные участники несостоявшегося застолья.

Правда, никто ничего не потерял. Все, кто был в этот день за хлебосольным столом мурманских рыбообработчиков, в том числе и автор этих строк, перед выездом с территории рыбного порта получили в подарок наборы с мурманскими деликатесами...

Ко времени приезда в Мурманск Д. Ф. Устинову было уже под восемьдесят. Конечно, возраст давал знать о себе. Мне стало жалко его, когда он явно с трудом поднимался по крутому трапу на борт одного из больших траулеров, чтобы встретиться с рыбаками. Но во всех других местах держался молодцом. Впрочем, он всегда был таким, о чем красноречиво свидетельствуют факты его биографии. Начав в 1927 году трудовую деятельность слесарем Балахнинского бумажного комбината, в 1941 году, в возрасте 33 лет, стал наркомом СССР по вооружению. Даже тогдашний глава государства И. В. Сталин признавал большой личный вклад этого человека в победу над фашистской Германией. С защитой Отечества были связаны и послевоенные годы жизни Устинова, дважды удостоенного звания Героя Социалистического Труда и девяти орденов Ленина — высшей награды Советского государства.

Надо сказать, пребывание Д. Ф. Устинова в Заполярье не сопровождалось какими-то особыми охранными мероприятиями. Мне пришлось быть вместе с ним и на церемонии вручения ордена, и в поездке по городу, и на встрече с военными моряками на борту атомного крейсера «Киров». Кортёж машин с высоким столичным гостем, естественно, вызывал интерес мурманчан. Однако остановок на улицах для общения с ними программой визита не предусматривалось. Безопасность на дорогах, как и положено, обеспечивали сотрудники Госавтоинспекции. Между тем в одной из местных газет уже в постсоветское время промелькнула информация о том якобы, что «пребывание Устинова в Заполярье сопровождалось небывалыми для северян охранными мероприятиями: при поездке на Северный флот от центра Мурманска до Североморска через каждые сто метров стояли военнослужащие».

Не было такого! И не могло быть, потому хотя бы, что в те годы даже слышать не приходилось о террористах, из-за которых в последнее время действительно очень ужесточились требования к обеспечению безопасности высших должностных лиц государства.

Без помпы прошел и визит в нашу область другого члена Политбюро ЦК КПСС — председателя Совета Министров РСФСР Михаила Сергеевича Соломенцева в декабре 1985 года.

Как обычно, я был среди встречавших его на аэродроме. Присутствовал и на всех его встречах в Мурманске, Заозерске, Североморске и Кировске, где неожиданно прервалась его поездка в наш северный край.

Визиты руководителей такого уровня планируются заранее. Заранее составляется и расписанная буквально по часам программа пребывания в том или ином регионе. Соломенцев помимо встречи с руководителями области и ведущих предприятий хотел познакомиться с жизнью сельских тружеников Заполярья, подводниками Северного флота и кировскими горняками. В таком порядке и началась его поездка по области.

Первая остановка — в совхозе «Тулома». Соломенцев посетил поселковый магазин, на витринах которого можно было увидеть богатый ассортимент товаров первой необходимости

Член политбюро ЦК КПСС М. С. Соломенцев в Мурманске

и продуктов питания. Мне показались искренними высказывания оказавшихся здесь рядовых покупателей насчет того, что и в обычные дни ассортимент здесь почти столь же разнообразен. Гость же был приятно удивлен, узнав, что по надоям молока от каждой фуражной коровы это хозяйство имеет самые высокие в России показатели. Он даже пообещал направить сюда специалистов из Министерства сельского хозяйства для изучения опыта туломских животноводов.

Затем была встреча с экипажем новейшей атомной подводной лодки стратегического назначения, базирующейся в Заозерске.

Это была одна из самых мощных не только на Северном флоте, а и во всем мире субмарина, способная в случае необходимости вывести из строя целое государство.

Вопросы, связанные с обороной северных рубежей страны, обсуждались в узком кругу на встрече с тогдашним командующим Северным флотом адмиралом Иваном Капитанцем. Я был одним из участников этой встречи, ловил каждое ска-

В гостях на борту атомного ледокола «Советский Союз»

занное адмиралом слово. Но вдруг у меня мелькнула мысль: «А зачем мне знать военные тайны? Хлопот потом не оберешься с ними...» Встал и молча вышел из кабинета.

— Что — выгнали? — встретил меня капитан первого ранга, стоявший у двери кабинета и оказавшийся начальником флотской службы безопасности.

— Сам ушел, — отвечаю.

— Ну ты даешь! У нас за такое можно погон лишиться...

А я и не знал, что во время доклада командующего выходить от него без разрешения флотскими правилами запрещено.

После Североморска мы оказались на каком-то торжестве в Кировске. Но там в самый разгар праздничных мероприятий Соломенцев получил из Москвы сообщение, заставившее его покинуть уже начавшееся праздничное застолье. Вместе с ним в Кировский аэропорт, где стоял самолет, доставивший члена Политбюро ЦК КПСС в Заполярье, пришлось ехать и мне.

* * *

Запомнились и встречи с «вечным претендентом» на пост главы Российского государства Владимиром Жириновским. Впервые на Кольский полуостров он прибыл в начале февраля 1993 года. Встречать его в аэропорт приехали представители аккредитованных в Мурманске средств массовой информации. У трапа самолета они с местными элдэпээровцами и составили «армию» встречающих.

— А где губернатор? Где ваш спикер? Почему их нет? — стал возмущаться Владимир Вольфович.

Узнав, что в зал ожидания придется добираться, как и всем пассажирам, на обычном автобусе, он совсем разобиделся.

— Вы бы еще телегу подали! — возмущался кандидат в президенты. — Где начальник аэропорта? Уволить его немедленно!..

Шумно началась и его пресс-конференция в помещении аэровокзала. Я оказался на скамейке рядом с ним. Жириновский метал гром и молнии в адрес аэропортовской администрации и так размахивал руками, что выбил из моих рук дикто-

фон. Это остановило поток его гневных высказываний. Глянул на меня и недоуменно спросил:

— Ты кто такой?

— Корреспондент ТАСС, — отвечаю.

— А-а ... ТАСС — это хорошо! — И, даже не извинившись, продолжил выплескивать свое возмущение прохладной встречей северян.

Между тем этот выдвинувшийся в постперестроечное время политик своими нестандартными выступлениями перед соотечественниками успел разбудить интерес к своей персоне и среди мурманчан. На встрече с ним в большом зале бывшего Дома политпросвещения было не протолкнуться. Начав с заявления о том, что нынешнее руководство страны не в состоянии вывести ее из обстановки хаоса и разрухи, он заявил, что России нужна сильная авторитарная власть. Один из участников встречи тут же задал вопрос, сможет ли он сам управлять государством достаточно разумно и эффективно? На что, не задумываясь, Жириновский ответил утвердительно.

Говорил он без бумажки, широко размахивая руками, то и дело касаясь одной из них кончика носа или поглаживая подбородок. Речь его была насыщена поговорками, которые оживляли ее, делая понятной каждому присутствовавшему в зале. И люди искренне реагировали на нее.

Необычно проходили его встречи с избирателями и на улицах Мурманска. Однажды он прокатился на оленьей упряжке. Там же раздавал прохожим фирменные футболки и кепки. Я подошел к нему поближе, чтобы лучше слышать, что он говорит людям. Жириновский заметил меня и, видимо, узнал, потому как скомандовал раздававшему сувениры помощнику:

— Тассовцу — две пары!..

И тут же переключился на другого любителя сувениров.

Не менее эмоциональными были его выступления перед северянами и во время других приездов в наш город. На встречи с ним мурманчане шли охотно, как на концерт любимого артиста.

Довелось не раз общаться и с другим претендентом на пост президента России — бывшим узником Лефортовской тюрьмы генералом Александром Руцким. Особенно запомнилась встреча в Мурманске, куда он приехал, чтобы открыть здесь региональное отделение создаваемой им политической партии «Держава».

— Сейчас главная задача для всех россиян — не допустить, чтобы страну постигла участь Советского Союза, — сказал он на первой же встрече с заполярными избирателями во Дворце культуры имени С. М. Кирова. — А для этого Россия должна получить такую политическую силу, которая могла бы объединить народ во имя возрождения и сохранения российской государственности.

Естественно, генерал Руцкой видел эту силу в создаваемом им общественно-политическом движении «Держава». По его словам, у «Державы» есть все шансы получить подавляющее большинство мест в нижней палате нового российского парламента, выборы которого уже были назначены на середину декабря того года. Александр Владимирович не стал скрывать, что эта победа даст ему возможность побороться и за президентское кресло.

— Наше движение не ангажируется какой-то определенной идеологией, — говорил он. — Мы принимаем в свою организацию всех — и коммунистов, и монархистов, и социал-демократов. Мы не считаем идеологические воззрения главными в жизни. Наша задача — спасти страну от окончательного развала.

В то же время, отметил Руцкой, членство в его организации предопределяет и большую ответственность каждого вступившего в нее за судьбу общего дела. С этой целью в члены «Державы» принимают людей только по личному заявлению, с указанием паспортных данных каждого вступающего. А таких, по его словам, на тот день насчитывалось уже свыше миллиона ста тысяч человек, проживающих в пятидесяти одном

регионе страны. Мурманская область стала 52-м регионом, где уже созданы отделения организации.

Я задал ему вопрос, почему три боевых генерала — Руцкой, Лебедь и Громов, заявившие о своем стремлении баллотироваться в Госдуму, не объединятся в борьбе за власть? На что Руцкой ответил так:

— Генерал генералу — рознь. У одного есть четкая позиция, другой меняет ее чуть ли не три раза в день. К последним я отношу и тех двух генералов.

— У меня, кстати, была попытка такого объединения — 3–4 октября 1993 года, — продолжил он. — Так вот, после нее Руцкой оказался в Лефортовской тюрьме, а один из названных вами генералов стал носить портфель у министра иностранных дел Козырева. Другой непонятно что из себя изображает, приписывая себе победы в Приднестровье, когда сам этим делом абсолютно не занимался.

На другой мой вопрос — о шансах Бориса Ельцина на победу в предстоящих выборах — Руцкой ответил уклончиво, но не без намека.

— Все будет зависеть оттого, как сработает электронная система подсчета голосов избирателей «Выбор», которую по заданию нынешнего руководства создают отечественные специалисты.

Генерал не поскупился при этом на весьма нелестные эпитеты в адрес правительства и президента. Свои доводы в еще более резкой форме он повторил на встрече с общественностью Мурманска, на что один из слушавших его задал вопрос: не боится ли он ответственности за свои слова? На что Руцкой ответил так:

— Я теперь боюсь лишь простуды, все остальное меня не особо волнует.

Надо признать, отдельные высказывания бывшего вице-президента России находили живой отклик среди участников встречи, и его выступление неоднократно прерывалось одобрительными аплодисментами. Многие ушли со встречи с книгами гостя, которые он предусмотрительно захватил с собой

из столицы. Один экземпляр с дарственной надписью Героя Советского Союза генерала А. В. Руцкого достался и мне.

* * *

Встреча с Борисом Ельциным, впервые в мае 1991 года приехавшим к нам в Заполярье тоже по выборным делам, едва не обернулась для меня увольнением с работы.

Как и обычно во время пребывания высоких столичных гостей в нашем крае, я должен был сопровождать его в поездке по области. По началу все шло хорошо. Проблема возникла в Североморске, когда на встречу с кандидатом в президенты на борту атомного ракетного крейсера «Киров» собрались не рядовые избиратели, а только представители высшего командного состава Северного флота и других родов войск, дислоцированных у нас на Севере. Журналистов, тоже приехавших с Борисом Николаевичем, попросили выйти из кают-компании. Мурманский коллега Владимир Шиганов проигнорировал эту просьбу, и тогда охранники Ельцина вывели его силой. Меня не тронули. В то время я был депутатом областного Совета народных депутатов, носил на лацкане пиджака соответствующий статусу депутатский значок. К тому же сидел во втором ряду между командующим флотом и начальником политуправления. Видимо, охрана приняла меня за руководителя местных законодателей, а потому и оставила в покое.

Ельцин говорил долго, резко критиковал руководителей КПСС за развал советского государства, хотя и сам был одним из них. Не скупился и на обещания флоту всемерной помощи в случае избрания его президентом страны. Правда, о том, как и каким образом будут реализовываться эти обещания, он умалчал. Один из офицеров, капитан первого ранга, не выдержал и задал кандидату в президенты вопрос: «А как вы выполните свои обещания? Ведь на все денег у государства просто нет».

— Найдем! — бодро ответил Ельцин.

Но этот ответ не удовлетворил собравшихся. Задавший вопрос офицер настаивал на подробном ответе. Завязалась

перепалка. Были и другие неудобные для гостя вопросы, на которые конкретных ответов не последовало. Военачальники разошлись неудовлетворенные встречей. Это я отразил и в информации, переданной в ТАСС. Материал вышел на ленту Агентства, но он в корне отличался от тех, которые подготовили по сообщению ельцинской пресс-службы другие журналисты. И это вызвало раздражение кандидата в президенты. Руководство ТАСС потребовало от меня объяснений. Спасло от увольнения то, что записал на диктофон полный текст выступления Ельцина и участников встречи на борту атомохода. На требование выслать немедленно пленку с записью, ответил, что могу переслать только копию, а сам оригинал сохраню в надежном месте и представлю его в суде, если до этого дойдет дело.

До суда дело не дошло. А наказали меня серьезно. До этого скандала я был единственным региональным собкором ТАСС, имевшим персональную надбавку к должностному окладу. Ее меня лишили. Раньше мои материалы ставили в пример коллегам, а тут начали безосновательно браковать. Это весьма ощутимо сказалось на размере моей зарплаты. Чтобы свести концы с концами, пришлось вечерами, а то и ночью, заниматься извозом. Благо, к тому времени уже заимел собственную «Ниву».

Интересно, что через несколько дней после конфликта с предложением перейти на работу в недавно созданное информационное агентство «Интерфакс» ко мне обратился один из его руководителей, бывший сотрудник ТАСС. Он убеждал меня в том, что Ельцин придет к власти надолго. Так лучше быть членом его команды, а не врагом. Но я предпочел остаться в ставшем для меня родным ТАСС. Прошло какое-то время, и отношение ко мне в Агентстве снова стало нормальным. Даже персональную надбавку к окладу восстановили. Забыли о том конфликте и в окружении Бориса Николаевича. В 1996 году он подписал Указ о присвоении мне звания «Заслуженный работник культуры Российской Федерации».

Вот уж поистине — нет худа без добра.

Министром иностранных дел при Ельцине несколько лет был Андрей Козырев, совсем еще молодой и мало кому в стране известный человек. Однако именно его кандидатуру осенью 1993 года сторонники нового главы российского государства предложили избрать депутатом в Государственную Думу по 116-му Мурманскому избирательному округу. Как ни странно, но в декабре на выборах его и поддержали мурманчане, наивно полагая, что депутат такого ранга сумеет отстоять интересы нашего региона в парламенте страны. К сожалению, ожидания не оправдались.

До выборов мне не доводилось встречаться с новым министром иностранных дел. Хотелось узнать поближе, каков он в неформальной обстановке, когда истинные качества человека становятся более заметными. И я не отказался от приглашения на банкет по случаю его избрания депутатом Госдумы.

В банкетном зале ресторана «Огни Мурманска» собралось десятка полтора местных руководителей. Были также супруга министра и еще одна женщина, оказавшаяся его личным секретарем. Бросилось в глаза, что жена Козырева сидела не рядом с ним и была грустной. Евгений Комаров, тогдашний глава администрации области, и другие гости пытались развеселить ее, но безуспешно. В центре внимания оставался наш новоявленный депутат и его секретарша. Тогдашний первый заместитель главы администрации области Юрий Бергер на ходу сочинил небольшое стихотворное поздравление, записал его на салфетке и, когда подошла очередь провозглашать тост, с чувством прочитал его. Виновнику торжества стих понравился.

Вскоре все участники застолья, как говорится, расслабились. Я же лишь делал вид, что пью отборный коньяк наравне со всеми. И было отчего: на банкет я приехал на служебной «Ниве». Садиться за руль под хмельком нельзя. Когда же участники застолья обратили на это внимание, так и объяснил свою сдержанность.

— Тоже мне — проблема?! — сказал сидевший рядом со мной начальник областного управления внутренних дел генерал Валерий Краев. — Машину твою отгонят, куда скажешь, гаишники. А ты со мной вернешься в город ...

Так и поступили. Но больше на такие пирушки меня не приглашали, хотя Козырев, приехавший в область по депутатским делам, и встречал меня весьма дружелюбно.

Охладели наши отношения, когда я распространил через ТАСС информацию о возмущении мурманских избирателей его публичным высказыванием в поддержку натовской агрессии против Югославии.

«Избирая Вас депутатом Государственной Думы, жители Мурманской области надеялись, что Вы достойно будете отстаивать их интересы и выражать их мнение. На практике делами и поступками Вы обманываете своих избирателей», — говорилось в открытом письме депутату Козыреву лидеров общественных организаций Кольского полуострова, опубликованном 3 апреля 1999 года в местных газетах.

Выражая свое негодование позицией уже бывшего министра иностранных дел, но остававшегося все еще депутатом парламента Российской Федерации, они потребовали его отставки в виду «утраты морального права выражать интересы жителей Мурманской области в Государственной Думе».

Не зря возмущались северяне поведением депутата Козырева. Вскоре он перебрался на жительство в США. Был слух, что семья его осталась в России.

* * *

Судьба подарила мне множество встреч с самыми знаменитыми людьми страны. В их числе был и первый в мире космонавт Юрий Алексеевич Гагарин.

Уже будучи всемирно известным, в декабре 1965 года он приехал погостить на Кольский полуостров, где до поступления в отряд космонавтов служил в одном из авиационных полков Северного флота.

О визите Гагарина даже мы, журналисты, узнали лишь в день приезда его в Заполярье. Я, тогда молодой сотрудник «Полярной правды», еще не был допущен к работе с важными персонами. К тому же оказался из-за простуды на больничном. А повидать легендарного космонавта ох как хотелось! Но где и как? Ведь доступ к нему ограничен...

Помог случай. Узнав от приятеля из обкома КПСС, что Гагарин будет на Мурманском рыбокомбинате, поспешил туда. На предприятии, где до прихода в газету я проработал несколько лет, мне было все знакомо. И вот, облачившись в белый халат, вместе с десятком таких же «рыбообработчиков» топчусь в коптильном цехе, куда согласно программе должен прибыть космонавт. Ждать пришлось недолго. Юрий Алексеевич и вместе с ним руководители ЦК ВЛКСМ и обкома комсомола появились в цехе точно по расписанию. Любопытствующие копильщики буквально выдавили меня в середину, и я очутился рядом с самим космонавтом. Он оказался хоть и солидным на вид, но вовсе не крупным мужиком. В ходе разговора то и дело широко улыбался. И эта улыбка невольно вызывала ответные улыбки на лицах окружавших его людей.

Долго разглядывать космонавта было некогда. Жесткий график визита подталкивал его пойти в консервный цех комбината. Занять там удобное место я и поспешил.

Здесь Юрия Алексеевича также быстро окружили работницы. Гагарин сфотографировался с ними на память и стал беседовать с местными руководителями. Неожиданно он повернулся в нашу сторону, внимательно посмотрел на нас и, оставив в недоумении сопровождавших, подошел ко мне.

— Здорово, старина! — сказал, протягивая для рукопожатия руку. — Все еще здесь, на Севере? Как живется?

Я понял, что Гагарин принял меня за кого-то другого, но виду не подал.

— Все в порядке! — отвечаю.

Мы обменялись еще несколькими фразами и стали прощаться.

— Ну ладно, до вечера! Надеюсь, придешь на встречу?

Конечно, ни о какой вечерней встрече и речи быть не могло, но я согласно кивнул головой. На этом мы и расстались.

Журналисты, сопровождавшие Гагарина, подбежали ко мне и стали расспрашивать, откуда знаю космонавта. Возбужденный неожиданной беседой, я врал напрапалую. Но коллеги верили и требовали подробностей. В конце концов пришлось признаться, что вижу героя космоса впервые. Он явно перепутал меня с кем-то другим из своих старых друзей.

С той памятной встречи прошло уже почти полвека, а космонавт номер один и сейчас стоит перед моими глазами будто живой. Запомнилось мне и его рукопожатие — крепкое, по-настоящему мужское.

Уже после гибели Гагарина довелось мне побывать в гостях у космонавтов первого набора в Звездном городке, куда вместе с другом-мурманчанином Дмитрием Лыковым нас пригласил командир отряда космонавтов Георгий Береговой. Тогда удалось мне встретиться и с женой Юрия Алексеевича — Валентиной, которой я рассказал об этом забавном эпизоде в консервном цехе рыбокомбината.

— А вы действительно очень похожи на одного из сослуживцев Юры по Заполярью, — сказала она. — Хороший был человек. Тоже летчик. И тоже погиб потом...

В тот раз и в последующие встречи с космонавтами довелось мне услышать душевные отзывы об этом удивительном человеке от тех, кто близко знал Гагарина. Привожу здесь слова одного из них — Виталия Севастьянова.

— Когда был создан отряд космонавтов, я читал им лекции о механике космического полета, — сказал он. — Тогда, в 1960 году, и познакомился с Гагариным. И потом постоянно встречался с ним. Потрясающее жизнелюбие и величайший оптимизм — вот его черты. Человек живого ума, гибкого ума, хотя на вид простак. Меня удивляло, как он рос после Академии. И как инженер, и как государственный человек. Начинал по наитию, а потом — смысл в каждое свое слова вкладывал...

На память о встрече с сослуживцами Гагарина осталась у меня серебряная медаль с изображением первого покорителя космоса, которую они подарили мне.

Летом 1997 года впервые за всю историю Мурманской области с визитом в Заполярье прибыл Патриарх Московский и всея Руси Алексей Второй. Я был среди встречавших Патриарха у трапа самолета, сопровождал его в поездке в Мончегорск на освящение построенного там Свято-Вознесенского кафедрального собора и видел, с какой любовью встречали его северяне. Говорил он тихо, но четко произносил каждое слово, и его было слышно даже на значительном расстоянии.

В Мурманске у входа в гостиницу «Арктика» собралась толпа сплошь из чиновников и крупных хозяйственников. Всем хотелось попасть в кадр с Патриархом, но никто не решался подойти к нему близко. В аэропорту я видел, что он спокойно отреагировал на просьбу губернатора сфотографироваться со встречавшими. Подумалось: «А почему бы не попросить его об этом и здесь?». И как-то само собой получилось, что просьбу эту тут же и высказал помощнику Его Святейшества. Он не возражал. Мне даже досталось место рядом с Патриархом. Этот снимок потом обошел многие печатные издания и хранится в моем личном архиве, как и фотоальбом, подготовленный о его визите в Заполярье моим коллегой Юрием Чернопятовым.

В Мончегорске церемония освящения храма заняла не один час. В переполненном зале церкви было душно. У меня началось головокружение. Вышел освежиться на улицу, где встретил губернатора Юрия Евдокимова.

— Мы, молодые, не выдержали, а каково Патриарху!? — то ли спросил, то ли удивился губернатор. — Дай Бог ему здоровья!

После службы гости и приехавшие с ними чиновники из областного центра пошли обедать в ресторан «Север». Патриарх поднял крохотную рюмку и стал что-то говорить. Что именно — я не расслышал: перед глазами у меня все потемнело, и я едва удержался на стуле, чтобы не упасть. Одна из официанток подбежала ко мне. С ее помощью встал и вышел из зала, где сразу попал в руки бригады «скорой помощи», сопровож-

давшей кортеж в поездке по области. Ночь пришлось провести в реанимации Мончегорской больницы, а утром меня доставили в областную больницу.

Участники застолья, естественно, не могли не заметить случившегося. Тогдашний глава областного правительства Анатолий Малинин и мэр Мончегорска вышли узнать, что случилось? Потом уже от владыки Симона узнал, что это Патриарх попросил их оказать мне необходимую помощь.

Так неожиданно закончилось мое знакомство с этим удивительным человеком. А Патриарх после Мончегорска побывал еще у пограничников и моряков Северного флота.

Его уже нет среди нас, а слова Его проповеди перед собравшимся в Мончегорском храме навсегда запали в мою душу. «Помогайте, люди, друг другу в это непростое время, — говорил Патриарх. — Если мы будем помогать ближнему нести жизненный крест, то найдутся люди, которые и нам помогут нести наш жизненный крест. Дай нам Бог не растерять главного, больше сохранять любви, больше человеческого участия друг к другу. И дай Бог, чтобы добрые христианские чувства никогда не покидали вас».

* * *

Короткими, но также запомнившимися, были встречи с легендарным полярником Иваном Дмитриевичем Папаниным. Первый раз увидел его в Москве на международной конференции по проблемам Арктики. В перерыве он подошел к журналистам и ответил на несколько наших вопросов. Я спросил, не собирается ли приехать в Мурманск, с которым его связывали трудные годы минувшей войны?

— С удовольствием бы, браток, приехал, да пока не получается, — ответил он. — А мурманчанам привет от меня передайте. Хорошие люди у вас там живут ...

Было это в 1981 году. Через два года — в июле — Папанин все же сумел вырваться из столичной суеты и приехал в Мурманск. Благо, повод был веский: в Мурманске ждали участ-

ников полярной экспедиции, организованной газетой «Советская Россия» и Уральским научным центром АН СССР. За восемь месяцев на собачьих упряжках они преодолели более десяти тысяч километров вдоль побережья Северного Ледовитого океана. Идти и работать в условиях тундры, полярной ночи мало кому приходилось в мире. Знаменитый полярный путешественник и ученый решил лично встретить их и поздравить с успехом.

Поселили Папанина в нашем доме на улице Ленинградской, где специально для почетных гостей тогда была оборудована пятикомнатная квартира. Там мы и встретились.

Было часов девять утра. Дверь в квартиру оказалась незапертой, и я, постучавшись на всякий случай, зашел внутрь. Из дальней комнаты в теплом нижнем белье навстречу мне вышел Иван Дмитриевич.

— Что, уже пора? — спросил он. — Вроде бы рановато...

Передо мной стоял невысокого роста, плотно сложенный, но заметно состарившийся человек. Узнав, что я журналист, не удивился. Подошел к столу, на котором стоял графин с фруктовым соком, и раз за разом осушил два стакана. Обращаясь ко мне, пояснил:

— Очень уж хорошо посидели вчера с мурманчанами...

После сока он явно оживился, мне показалось, что даже помолодел. Как-то само собой у меня вырвалось восхищенное:

— Ну и крепкий же вы мужик, Иван Дмитриевич!

— Да уж, моя мама — хохлушка и папа — балтийский моряк не пожалели на меня материала, — спокойно отреагировал он на мои слова и налил себе еще стакан сока. — Ты уж, браток, извини, что я в таком виде встретил. Не ожидал столь ранних гостей. Чего хотел-то?

Я попросил прокомментировать итоги полярной экспедиции.

— Трансконтинентальный переход от Чукотки до Кольского полуострова, совершенный группой молодых свердловчан, позволил определить, на что способен человек, длительное время находящийся в экстремальных условиях, — сказал он. — Получены интересные медико-биологические, геофи-

зические данные. Экспедиция подтвердила огромный запас физической и духовной прочности человека. Она помогла сравнить быт разных народов, населяющих нашу страну, собрать материал, который поможет в создании научной базы для дальнейшего освоения районов Крайнего Севера.

К сожалению, на этом наша беседа и завершилась. За гостем пришли представители городской администрации. А потом мы вместе встречали на площади Пять Углов участников экспедиции. Пробыться там к окруженному горожанами герою-полярнику было практически невозможно.

Спустя несколько лет в центре Мурманска был установлен памятник Папанину. Его имя носит одна из улиц города. Так северяне отметили его заслуги перед Мурманском. Ведь он был одним из инициаторов создания здесь судоремонтной базы, а в Великую Отечественную войну принимал активное участие в организации обороны города.

Уже после той встречи, перебирая старые подшивки газет, в одной из них нашел любопытную заметку о Папанине. Оказывается, Иван Дмитриевич во время легендарного дрейфа возглавляемой им первой научной дрейфующей станции «Северный полюс-1» был одновременно и специальным корреспондентом ТАСС. Регулярно по радио, с помощью радиста станции Э. Т. Кренкеля, он передавал в агентство информацию о проводимых исследованиях. Подписывались заметки так: «Иван Папанин, спецкор ТАСС. Северный полюс».

Его материалы не только публиковались в печати, но и поступали в научные центры. Из информации спецкора ТАСС страна узнавала о жизни и работе отважной четверки в районе труднодоступной «крыши» Земли. В 1938 году И. Д. Папанину как самому активному корреспонденту в Арктике было присвоено звание «Почетный корреспондент ТАСС».

Опыт Папанина я использовал в 2007 году при освещении экспедиции советских ученых к Северному полюсу. Подготовку к ней отслеживал задолго до старта. Однако внезапная болезнь нарушила все планы. За несколько дней до прибытия

участников экспедиции в Мурманск я оказался в больнице. Как выяснилось, полпреда агентства в составе экспедиции не оказалось. Но ведь мы не могли замолчать это событие! Уговорил лечащего врача отпустить меня хотя бы на ее проводы. А потом такие «отлучки» вошли в норму. Служебную машину держал во дворе больницы. После обязательных лечебных процедур садился за руль и — на встречу с людьми, обладающими информацией о ходе экспедиции. Сообщения чаще всего передавал из больничной палаты.

Но вот судно с учеными покинуло Мурманский порт. Чтобы новости о ходе эксперимента шли в ТАСС также регулярно, как и на начальном этапе экспедиции, я по радио связался с ее руководителем Артуром Чилингаровым. Личное знакомство с этим человеком и добрые отношения с генеральным директором Мурманского морского пароходства Александром Михайловичем Медведевым помогли мне успешно справиться с поставленной задачей. Артур Николаевич поручил находившемуся на борту ледокола помощнику ежедневно передавать в ИТАР-ТАСС нужную нам информацию и строго контролировать выполнение поручения. Агентство и на сей раз с честью вышло из сложной ситуации.

Конечно, я мог бы, ссылаясь на болезнь, отказаться от участия в этой работе. Но это было бы отступлением от раз и навсегда установленного для себя принципа: «Раз надо — значит надо!». Пример было брать с кого.

* * *

В феврале 2005 года Мурманск посетил не менее известный в стране человек — Анатолий Чубайс, в то время возглавлявший РАО «ЕЭС России». Цель его визита была простая — проверить, насколько готова к задуманному им реформированию самая северная в России Кольская энергетическая система. Отметив успехи заполярных энергетиков, Чубайс на встрече с журналистами рассказал и о планах на будущее. Меня интересовала судьба первой и пока единственной в стране Кис-

логубской опытной приливной электростанции, выведенной из состава «Колэнерго». Договорились, что подробно на мой вопрос он ответит после завершения пресс-конференции.

Когда все разошлись, в уютном помещении гостиницы «Полярные зори», где проходила встреча с журналистами, мы остались втроем: губернатор Юрий Евдокимов, Анатолий Чубайс и я. Включаю диктофон и задаю вопрос. Чубайс начал отвечать, но в этот момент диктофон остановился. Запускаю снова, но через минуту опять остановка. После пятой попытки запустить его я взорвался:

— Вот чертова японская техника! Который уже раз подводит...

Анатолий Борисович засмеялся. Губернатор протянул мне свой диктофон. Но я, еще раз перевернув пленку, включил свой. Пошел, зараза!

Чубайс оказался хорошо знакомым с историей ПЭС и ее состоянием. Он сообщил, что приливная энергетика будет развиваться в нашей стране. Этому способствует создание специалистами северодвинского предприятия «Севмаш» нового, не имеющего в мире аналогов, энергоблока для этой станции. В отличие от прежнего, турбина на нем и при отливе и при приливе будет вращаться только в одну сторону, что позволит повысить коэффициент полезного действия ПЭС с первоначально запланированных 40 процентов до 70. Если первая турбина имела мощность всего 420 киловатт, то нынешняя рассчитана на полторы тысячи киловатт. По сути, это промышленный вариант энергоблока, после «обкатки» которого планируется запустить их в серийное производство.

Разговор наш оживился, когда Чубайс узнал, что я по первой своей профессии — энергетик, участвовал в строительстве этой станции. Тут наш разговор перешел на профессиональную тему. В его вопросах чувствовался неподдельный интерес к собеседнику, и я старался быть с ним максимально откровенным. Расстались довольные друг другом. Но больше встретиться нам не довелось.

За полвека работы в печати мне довелось освещать немало событий, оставивших глубокий след в истории нашего государства. Одно из них — гибель в Норвежском море уникальной, не имеющей тогда равных в мире по своим боевым и техническим возможностям атомной подводной лодки Северного флота «Комсомолец».

Трагедия случилась 7 апреля 1989 года, но и до сих пор у военных, конструкторов и ученых нет единого мнения о причине гибели корабля. Да и сама эта история за минувшие годы обросла такими «подробностями», которые не только далеки от действительности, но и зачастую искажают истину. Говорю так потому, что имею на это моральное право: я был единственным журналистом, который в те трудные дни имел доступ не только к оставшимся в живых членам экипажа, но и к спасенным ими судовым документам.

Таким доверием я обязан заместителю председателя Государственной комиссии по расследованию ЧП, заместителю председателя Совета Министров СССР Игорю Сергеевичу Белоусову, добрые отношения с которым завязались еще в шестидесятые годы минувшего века, когда он был директором судостроительного завода в Ленинграде. Встретились же мы на межреспубликанских курсах повышения квалификации руководящих партийных, советских и хозяйственных кадров при Ленинградской высшей партийной школе. Естественно, сразу же поинтересовались, есть ли у нас общие родственные корни. Увы, их не оказалось. Но несмотря на разницу в возрасте и служебном положении (я тогда возглавлял отдел промышленности, строительства и транспорта областной газеты «Полярная правда»), мы стали поддерживать связь.

Игорь Сергеевич шутя называл меня братом. Так и представил председателю Госкомиссии по расследованию трагедии «Комсомольца», секретарю ЦК КПСС Олегу Дмитриевичу Бакланову и входившему в состав комиссии заместителю председателя КГБ СССР. Надо ли говорить, что после этого запретных тем для меня, как спецкора ТАСС, в этой истории не

*Заместитель председателя Совмина СССР И. С. Белоусов (слева)
и спецкор ТАСС В. С. Белоусов (справа)*

стало. Но я твердо держал обещание не писать о том, что сообщалось мне доверительно. Для заметок хватало материалов и официального характера.

— «Комсомолец» был опытным подводным кораблем. За время своего существования эта лодка не только несла боевую службу, но и давала ответы на многие научно-технические вопросы, интересующие ученых и конструкторов, — говорил мне И. С. Белоусов, курировавший в ту пору отечественное судостроение. — Дело в том, что именно на этой лодке отработывались совершенно новые направления различных отраслей науки и техники, связанные с глубоководными испытаниями и применением совершенно новых и пока еще не использовавшихся материалов. В отношении многих из них получены обнадеживающие результаты, которые будут учтены при создании новых подводных атомоходов...

По ходу работы Госкомиссии мне не раз приходилось быть свидетелем разговоров, носящих, мягко говоря, непубличный характер. И это обязывало меня быть особенно разборчивым при отборе фактов для тассовской информации. Мне доверяли, и я понимал всю ответственность за это доверие.

На траурную церемонию прощания с погибшими подводниками в Заозерске мы приехали накануне поздно вечером. Обговорить план моих действий с руководителем Госкомиссии с вечера не удалось. Рано утром я пришел в гостиницу, где разместили Бакланова и других членов комиссии. Они уже завтракали. Увидев меня, Олег Дмитриевич сказал:

— Вовремя пришел. Садись, перекуси с нами, за столом все и решим...

Мои попытки отказаться были решительно пресечены. Пришлось подчиниться. За столом разговорились. Бакланов попросил высказать личное мнение о состоянии дел в области. Поколебавшись немного, я выложил все, что считал нужным. Слушал он меня с большим вниманием. Потом поинтересовался, что я читал в последнее время.

— Книгу Войнич о приключениях солдата Ивана Чонкина, — отвечаю.

— Ну и как?

— Не понравилось, — говорю. — Он же чернит всю советскую армию...

Шел тогда разговор и на другие темы. Мы так увлеклись, что позабыли о начале траурной церемонии. Напомнили о ней председатель облисполкома Юрий Балакшин и тогдашний первый секретарь обкома КПСС Алексей Балагуров. Увидев нас, сидевших за столом и чаевничавших, они так и застыли в открытых дверях гостиничного номера.

— Вы знакомы с ним? — спросил Бакланов и показал на меня.

— А как же! — бодро ответил Балакшин.

Согласно кивнул и Балагуров.

— Имейте в виду — это наш человек. Берегите его! — завершил разговор секретарь ЦК КПСС.

В. С. Белоусов у рубки АПЛ «Курск» после ее подъема

Интересно, что после той встречи Олег Дмитриевич несколько раз звонил мне и давал поручения, которые я, как коммунист, добросовестно выполнял.

Продолжалась дружба и с Игорем Сергеевичем Белоусовым. После распада СССР он несколько лет был вице-президентом Российского Союза промышленников и предпринимателей, неоднократно приезжал в Мурманск. Я к тому времени стал членом совета Союза промышленников и предпринима-

телей Мурманской области и оставался им в течение 19 лет. Не раз по делам Союза приходилось общаться с ним и в Москве, и во время его приездов к нам в Заполярье.

* * *

С первым президентом Союза промышленников и предпринимателей России Аркадием Ивановичем Вольским нас сдружила Кольская атомная электростанция. В 1973 году, за несколько месяцев до пуска первого ее энергоблока, на стройку приехали для оказания практической помощи представители многих министерств и ведомств. Вольский, тогда инспектор ЦК КПСС, контролировал ход пусковых работ, а я ту же миссию выполнял в качестве руководителя выездной редакции «Полярной правды», шефствовавшей над этой Всесоюзной ударной комсомольской стройкой. Жили мы в одной гостинице, часто встречались не только на объектах, а и в неформальной обстановке. В общении был он прост, умел расположить к себе собеседника, и люди тянулись к нему.

Вспоминается любопытный эпизод, связанный с пуском станции.

После митинга члены Государственной комиссии и кураторы стройки вышли на площадку у отводящего канала станции, через который охлаждающая реактор вода сбрасывалась в озеро Имандра. Вольский, желая подтвердить версию о полной экологической и радиационной ее безопасности, предложил искупаться в канале. Эта процедура не была предусмотрена программой, но была встречена всеми с пониманием. Раздевшись до трусов, чиновные люди и ученые стали спускаться к воде. Замешкался лишь управляющий «Колэнерго» Матвей Исаакович Зархи. Решив, что лучше всего испытать водоем в полностью обнаженном виде, он разделся догола. На смущенные возгласы коллег, мол, неловко в таком виде перед дамами, кои тут же стояли, Зархи ответил:

— Мои мужские прелести дам уже не интересуют, так что стесняться нечего.

И решительно бултыхнулся в воду.

...Прошло почти двадцать лет. Вольский снова оказался на Кольской земле, но уже в ранге президента Российского Союза промышленников и предпринимателей, чтобы помочь местным властям вывести экономику региона из охватившего всю страну экономического кризиса. Мы снова были вместе несколько дней. Вспоминали славное время комсомольских ударных строек. Вспомнили и про то необычное купание.

В 2000 году меня избрали делегатом одиннадцатого съезда Союза промышленников и предпринимателей России. В Москву наша делегация приехала накануне съезда, и я решил побывать у Аркадия Ивановича. Встретились как старые друзья — за чашкой чая. Он с удовлетворением отметил работу Мурманского отделения Союза. Обещал приехать к нам в Заполярье еще раз. И слово сдержал. Встречи с ним хорошо помнят ветераны Мурманского объединения промышленников и предпринимателей. Мы многое использовали в своей работе из тех рекомендаций, которые он давал нам по повышению эффективности промышленного производства региона.

Мне было приятно в день своего 65-летия получить от него теплое товарищеское поздравление:

«Уважаемый Василий Сергеевич! Примите наши искренние поздравления по случаю Вашего 65-летия! Вас многие знают и помнят не только в Мурманской области, но и во всей стране, потому что более 40 лет Вы отдали журналистике. Из них уже 25 лет Вы являетесь бессменным собственным корреспондентом ИТАР-ТАСС по Мурманской области. Вы были не только свидетелем, но и самым активным участником всех важнейших строек Мурманской области, которые в 60–70 годы называли ударными комсомольскими.»

Работа журналиста дает прекрасную возможность общаться с замечательными людьми нашего времени. Вы написали о них ряд документальных книг, содержащих яркие страницы ценнейших исторических фактов. Вы были одним из организаторов Союза промышленников и предпринимателей (работодателей) Мурманской области в тяжелое перестроечное вре-

мя. Нелегко было выстоять в атмосфере непонимания того, что объединение крупнейших хозяйственников позволит решать многие очень важные народнохозяйственные задачи как в регионе, так и в России в целом. Спасибо Вам за Ваш огромный вклад в становление нашего Союза.

От всей души желаем Вам, уважаемый Василий Сергеевич, счастья, крепкого здоровья и долгих лет жизни, полной новых творческих успехов!

*Президент Российского союза промышленников
и предпринимателей (работодателей)
Аркадий Вольский».*

Приятным дополнением к этому поздравлению стало вручение мне высшей награды объединения российских промышленников — Почетного знака.

* * *

Журналистская судьба сводила меня со многими участниками героической обороны Кольского Заполярья. О некоторых из них успел рассказать на страницах «Полярной правды» и «Мурманского вестника». А в старых моих журналистских блокнотах все еще остаются неозвученные рассказы фронтовиков, которые, полагаю, будут интересны и нынешним поколениям северян. Они, как и мы, должны помнить не только о тех, кто дошел по дорогам войны до светлого дня Победы, а и о тех, кто не вернулся с нее, отдавать должное поколению фронтовиков, их чести, благородству, бессмертной славе.

Не преувеличу, сказав, что интерес к достоверным фактам, к реконструкции событий той поры, не ослабевает с годами среди молодых северян. Они хотят знать правду о войне — не по реляциям командиров и официальной прессе, а от самих участников событий, многие из которых годами жили рядом с нами, но никогда не хвалились своими заслугами на войне.

С Иваном Васильевичем Перфильевым мы сошлись на почве землячества и родственной службы в армии. В войну он был старшим лейтенантом, командовал взводом разведки 31-го отдельного лыжного батальона 14-й армии. Мне же довелось быть помощником командира взвода разведки отдельного зенитно-артиллерийского дивизиона уже в послевоенное время. Разговоры на эту тему заходили у нас при каждой встрече.

«Мы — разведка!» — любил повторять ветеран. И чувствовалось, что он действительно гордился своей принадлежностью к этой элите вооруженных сил.

Про летние походы в тыл врага за «языком» Иван Васильевич рассказывал редко. Его коньком были лыжные вылазки.

— Зимой в районе патрулирования линий связи много лыжных следов, — рассказывал он. — Немцы тянули свои провода не на столбах, как мы, а по земле, маскируя их камнями. Но провода все равно заметны на фоне снега. Мы находили такую линию, разрезали ее и устраивали засаду.

Один раз залегли между высотой 221 и Малым Кариквайвишем — особо сильно укрепленным районом немецкой обороны. Там протекал ручей, по обе стороны которого довольно густо росли кусты ивняка, через которые фрицы и проложили свою линию связи. Погода в тот вечер выдалась как на заказ — сильно мело. Мы перерезали провод и залегли в кустах, поджидая немецких связистов, которые непременно должны были выйти на проверку линии. Ждать пришлось недолго. Их было шестеро. Нас — шестнадцать. Бесшумно взять «языка» не получилось. Пришлось открывать огонь. Четверых мы сразу уложили. Двоих — рядового и раненого обер-ефрейтора — привели к своим.

В том походе я был ранен и оказался в госпитале города Мончегорска. Каково же было мое удивление, когда там встретил уже выздоравливающего того самого обер-ефрейтора, которого мы захватили в плен. Не думаю, что немцы вот так же сочувственно отнеслись бы ко мне, попади я им в плен. Их «гуманность» по отношению к советским военнопленным нам хорошо была известна. Так что этому фрицу явно повезло.

— Хочешь верь, хочешь — не верь, но так все и было, — говорил Перфильев.

После Победы Иван Васильевич остался жить на Кольской земле. Он был одним из создателей газоснабжающей организации нашей области и многие годы, до самой смерти, возглавлял управление «Мурманоблгаз».

* * *

Гордился своей принадлежностью к разведке и другой участник обороны Заполярья — Виктор Николаевич Леонов, с которым мне не раз довелось встречаться в послевоенное время. Видимо, крепко засели в его памяти события той суровой военной поры, особенно завершающего этапа боевых действий в Заполярье, если и через десятилетия после Победы рассказывал он о последнем походе своего отряда в тыл врага с таким жаром, словно только что вышел из боя.

— Осенью сорок четвертого по всему чувствовалось, что скоро и здесь, в Заполярье, грянет решающий бой, — говорил он. — Мы, разведчики, хорошо знали, что творится в стане врага. Егеря нервничали в ожидании нашего наступления. Их опорные пункты представляли многоярусную систему долговременных огневых точек, покрытых стальными колпаками и соединенных глубокими траншеями. Немцы очень надеялись на эти опорные пункты, среди которых особенно выделялся мощный, оборудованный артиллерийскими установками опорный пункт на мысе Крестовом, который считался морскими воротами в порт Лиинахамари и к главной военной базе гитлеровцев на Севере — порту Петсамо (Печенга). Его-то и предстояло взять нашему отряду во время начавшегося решительного наступления советских войск.

Помнится, после этих слов Виктор Николаевич надолго замолчал, и мне показалось, что мыслями в этот миг он снова оказался там, на суровых скалах мыса Крестового, вместе с бойцами отряда, на долю которых выпало выдержать редкий по своей напряженности бой. И когда он снова заговорил, я невольно вздрогнул. До того пронзительными, берущими за душу словами описывал он картину того боя.

— Воинственные крики и отчаянные предсмертные вопли, треск автоматных очередей и лязг стволов... Меж камней мелькают фигуры разведчиков и егерей... Удары прикладов и короткие взмахи кинжалов... Это была смертельная схватка, когда в ход шли и кулак, и холодное оружие, и подвернувшийся под руку булыжник... И нам, и им отступать было некуда. И все дрались с неистовой яростью людей, у которых один только шанс выжить — это убить врага...

В том бою разведчики уничтожили свыше ста фашистов. Многих взяли в плен. Но и своих потеряли десять бойцов. После боя оставшиеся в живых пришли похоронить их.

— Стоим над свежeverытой могилой, но нет сил отдать приказ на их погребение, — вспоминает Леонов, и голос его дрожит. — Мимо как раз вели пленных егерей. Враги видят 10 убитых разведчиков, и они знают, сколько похоронили своих. Егеря срывают с голов картузы, прижимают руки к бедрам и строевым шагом проходят мимо могилы...

Может, этот эпизод покажется кое-кому нереальным, — заключил свой рассказ Леонов, — но война есть война, и на ней бывали случаи, когда враг отдавал должное доблести и героизму павшим на поле брани чужим солдатам. Этот — один из них.

Сам Виктор Николаевич Леонов за годы войны был трижды ранен, но каждый раз возвращался в строй. Кроме боевых наград — ордена Ленина и Красного Знамени, он дважды удостоен звания Героя Советского Союза. Первую медаль «Золотая Звезда» отважный разведчик получил за тот памятный бой на мысе Крестовом, а вторую — на Дальнем Востоке, куда вместе с ядром отряда был направлен после разгрома гитлеровской Германии на борьбу с японской военщиной.

* * *

Многие годы длилась дружба с другим фронтовиком, участником Сталинградской битвы, Семеном Яковлевичем Липкиным, инженером Северного монтажного управления треста «Продмонтаж». Строитель по призванию, он оставил после себя добрый след не только на Кольской земле. В далекой

африканской стране Сомали до сих пор действует сооруженный при его непосредственном участии рыбозавод.

— Привезли тогда нас, советских специалистов, на пустынный берег Аденского залива для оказания помощи рыбакам этой страны, — рассказывал Семен Яковлевич. — Сотрудник посольства, сопровождавший группу, сделал широкий жест рукой и сообщил: «Вот здесь и будем строить. Располагайтесь и будьте как дома».

Ничего себе дом! Впереди безбрежная синь воды, сзади — селение, десятка три камышовых хижин, а над ними — яркое-яркое солнце. Это и был Лас-Хорий, место, где по договору с правительством Сомали наши специалисты должны были за три-четыре года построить город и рыбокомбинат.

Удивляться было чему. Из Мурманска он уехал в самый разгар полярной ночи, а здесь, почти у экватора, светло и жарко. Будто природа назло северянам забрала свет и тепло и сосредоточила их в этом клочке африканской земли.

Местные жители без восторга встретили белых пришельцев. Здесь, в старой английской колонии, только что получившей свободу и независимость, хорошо помнили мистеров Смитов, наказывавших «туземцев» по поводу и без повода. Вот почему для ласхорцев все белые представлялись плохими. Их, белых, они боялись и из-за вечного страха звали каждого мистером, господином...

Липкину поручили вести монтаж технологического оборудования. Дело привычное. В Мурманске он вместе с другими специалистами и рабочими из «Продмонтажа» построил немало больших и не очень крупных объектов. Но там рядом были опытные товарищи, понимающие все с полуслова. А здесь и язык чужой, и люди, многие из которых впервые в жизни взяли в руки гаечный ключ... И потом — отношения между ними какие-то странные. Один делает все, другой только командует. Хотя оба — рабочие. Уже позже узнал Семен Яковлевич, что в Сомали очень развито кастовое деление.

Гоби, как звали маленького, очень сутулого сомалийца, был представителем низшей касты. Тихий и безответный, он без-

отказно выполнял всякое поручение. И не только руководителей стройки, но и своих товарищей.

— Гоби! Неси цемент...— слышится в одном месте.

И Гоби спешит на зов.

— Эй, Гоби! А ну-ка сделай вот это...

И Гоби безропотно делал, хотя поручение было явной насмешкой.

Однажды Липкин услышал, как кто-то из сомалийцев назвал маленького рабочего Махмудом. Это заинтересовало его. Семен Яковлевич решил выяснить, как же правильно звать сутулого.

— Махмудом, — тихо ответил тот. — Только зовите уж как и все — Гоби... горбун.

На следующий день, встретив Гоби, Липкин назвал его Махмудом. И с тех пор стал постоянно звать его собственным именем, а не обидной кличкой. А потом поручил ему разобрать и, промыв, снова собрать одну из деталей компрессора.

— Видели бы вы, с каким старанием делал он эту работу! — вспоминал Семен Яковлевич. — Будто кто подменил человека — радостный был, гордый. И я, видя это перерождение, дал себе слово сделать его хорошим специалистом.

Сделал. И вскоре заметил, что Махмуда больше не называют Гоби. Стал он уважаемым среди местных жителей человеком.

Вроде простое, житейское дело, а отзвук вкупе с другими подобными оно получило на стройке заметный. Исчез холодок в отношениях между советскими специалистами и сомалийцами, родилась дружба.

Однажды они сидели в тени навеса — Али Саид — дублер Липкина, Исмаил, подросток, которого советские люди приютили на стройке, Махмуд, другие рабочие. Семен Яковлевич рассказывал им о Мурманске, о полярной ночи. Слушали его сомалийцы, удивлялись, не верили. Мол, как это так — круглые сутки ночь?! Солнце должно светить каждый день. А снег... Это, мол, тоже из сказки...

Но вот речь зашла о том, в каких трудностях завоевывали советские люди свободную и счастливую жизнь. Загорелись

глаза у слушателей. Ласхорцы просили Липкина рассказать об этом подробнее. И так было не раз.

Шли месяцы. Настала пора возвращаться домой. И опять они собрались под навесом. Липкин по очереди прощается с каждым — с Али Саидом, Махмудом, Исмаилом...

— Спасибо за помощь, вэрья, — говорят чернокожие сомалийцы Семену Яковлевичу.

И он не может сдержать довольной улыбки. Ведь вэрья посомалийски — друг...

Не знал тогда мурманчанин, что через несколько десятилетий к власти в этой стране придут отнюдь не друзья России, что городок Лас-Хорий станет одной из баз сомалийских морских пиратов, нападающих на гражданские, в том числе и российские суда.

— Я огорчен этим, но верю, что среди пиратствующих на море нет тех, с кем вместе строил там первый рыбозавод и город, — говорил мне Липкин. — И не жалею, что помогал им в трудное для ласхорцев время.

* * *

В памяти сердца и длившаяся многие годы дружба с другим фронтовиком и строителем — бригадиром треста «Мурманскжилстрой» Героем Социалистического Труда Александром Яковлевичем Сафроновым. Он — участник знаменитой Петсамо-Киркенесской операции Красной Армии, закончившейся полным разгромом гитлеровских захватчиков и изгнанием их с Кольской земли. Сафронов был в числе тех, кому поручили штурмовать одну из самых укрепленных высот — Малый Кариквайвиш, участвовать в освобождении древней русской Печенгской земли. Не думал тогда фронтовик, что ему придется жить и работать в этих краях. Но жизнь сложилась так, что в 1957 году он приехал сюда с семьей. Три года работал плотником на бондарном заводе, потом перешел на стройку. В тресте «Мурманскжилстрой» ему поручили возглавить сперва плотницкую, а затем и комплексную бригаду, состоящую в основном из совсем еще молодых ребят — выпускников мурманского строительного профтехучилища. Для них

он стал не только руководителем, но и наставником, по-отцовски требовательным, но справедливым. Не только между собой, но и обращаясь к Сафронову за советом, называли его ребята «Дядя Саша». И в этом сказывалась их благодарность наставнику за науку и душевное отношение к подчиненным.

Так уж сложилось, что и мне, тогда молодому сотруднику областной газеты «Полярная правда», пришлось пройти школу Сафронова. Как-то разговорились мы с ним по душам — о родстве наших профессий. Александр Яковлевич сказал, что для строителя и для журналиста недопустим брак в работе. Слишком тяжелыми для людей могут быть его последствия.

Газетчикам, настаивал он, надо бы хоть на уровне начинающего специалиста знать то, о чем собирается написать. И вдруг предложил: «А хочешь, я тебя плотницкому делу научу?». Получив согласие, назначил время первого «урока» и место встречи. Несколько месяцев, хотя и урывками, продолжались наши занятия. Когда же он убедился, что его необычный ученик «созрел» для серьезного дела, то подарил мне набор плотницких инструментов и сказал:

— Не получится в газете, приходи в нашу бригаду: примем!

Чемоданчик тот с плотницким инструментом и сейчас не залеживается в кладовке. Уроки Сафронова, а позднее еще двух знатных мурманских бригадиров — Евгения Ивановича Раннева из «Мурманскморстроя» и Николая Павловича Прохорова из «Севгидростроя» — помогли мне своими руками построить дачный домик. А строители области стали главными героями большинства моих публикаций в «Полярной правде».

* * *

Часто вспоминаю Николая Редько из города Заполярный. Мы познакомились с ним в далеком уже 1971 году. Я, тогда спецкор «Полярной правды», приехал в Заполярный, чтобы дать репортаж с церемонии награждения отличившихся в труде горняков, строителей, обогатителей и металлургов ком-

бината «Печенганикель». Мое внимание привлек высокий, крепко сложенный человек с орденскими планками на пиджаке, которому вручали очень почитаемый в те годы орден Октябрьской Революции. Дело было в канун майских праздников, редакция, как обычно, готовилась отметить очередной день Победы рассказами о фронтовиках, проживающих на Кольском полуострове. Редактор, отправляя в командировку, дал мне задание подготовить заодно и материал об одном из ветеранов войны. Подумалось, а почему бы не рассказать нашим читателям о человеке, которому только что вручили одну из высших наград Советского Союза?

Чутье не подвело: Николай Редько, слесарь заполярнинского участка управления «Союзцветметремонт», оказался действительно достойным человеком — войну закончил полным кавалером солдатского ордена Славы.

...И вот мы сидим с ним в его уютной квартире, пьем чай, а за окном, хотя уже полночь, белесый сумрак.

— Заполярье, конечно, совсем не то, что Черноморское побережье, где мне довелось воевать, — говорит Николай. — Здесь и в апреле ночи не темные, а там, на юге, в такое время лучше не выходить на улицу в незнакомом месте — запросто можно заблудиться.

В одну из таких вот фронтовых весенних ночей, когда небо усыпано крупными, словно лимоны, звездами, и шел на свое первое боевое задание молодой разведчик Н.Редько. Надо было пробраться к мосту через лиман, что под Одессой, взорвать его и затемно вернуться домой.

Конечно, все было рассчитано тщательно и заранее. Но ведь мало ли неожиданностей подстерегает разведчиков!

Сержант Редько был в группе прикрытия. Его задача — в случае неудачи обеспечить отход минеров. Их катерок шел чуть впереди с приглушенными моторами.

— Нам повезло, — продолжал рассказ фронтовик. — То ли фашисты не ожидали в такую погоду «гостей», то ли мы здорово замаскировались, не знаю. Только мост заминировали без помех и даже успели уже отойти, когда раздался взрыв. Тут,

конечно, стрельба поднялась, прожектористы немецкие засуетились. Но мы уже в безопасности были...

Николай Владимирович вздохнул, улыбнулся чему-то и заключил неожиданно:

— Когда мне вручали за этот ночной поход орден Славы третьей степени, я даже растерялся: за что? Ведь даже выстрелить по врагу не пришлось ни разу...

После уже понял: в том и секрет, и доблесть разведчиков, чтобы нанести как можно больше урона врагу, а самому остаться невредимым... Война — это ведь тоже работа. Только опаснее всех других.

Да, он так и понимал свое фронтовое дело. Участвовать же ему довелось во многих сложнейших операциях. Об одной из них — форсировании реки Висла — фронтовик рассказал мне подробно.

...Их было сто. Сто добровольцев, вызвавшихся идти на задание.

Знали: назад вернутся немногие. Знали, что от них зависит успех всей наступательной операции. И от сознания важности дела, от той ответственности, которую сами взвалили себе на плечи, разведчики чувствовали себя немножко героями. Об этом, конечно, никто не решился бы вслух сказать, но в письмах, что оставляли на всякий случай, они не скрывали этого. Кто знает, удастся ли в следующий раз написать письмецо родным и близким...

Ночью группа захвата подошла к Висле. Тихо, без единого звука разведчики спустили на воду лодки. Весла из предосторожности обмотали тряпками, чтобы не было слышно плеска воды. И вот уже скрылся из виду свой берег, темной громадой выплыл из темноты тот — чужой. Подошли к нему незамеченными. На берег поднялись быстро, уже не заботясь о том, чтобы их не заметили. Больше того, едва добрались до гитлеровских траншей, как подняли такой шум, будто не сотня бойцов, а целый полк переправился через реку.

Противник не ожидал такого, в панике отступил. Но не успели разведчики закрепиться, как немцы опомнились и

пошли в контратаку. Опоздали! Вслед за разведчиками уже шли другие бойцы их дивизии.

Четыре часа горстка наших бойцов, прикрывая наступающие войска, выдерживала неравный бой. Было трудно, но ни один разведчик не дрогнул, не отступил. Двадцать пять человек остались там, на левом берегу Вислы. Многие получили ранения, но и раненые оставались в строю. А когда подошло подкрепление, они вместе со всеми пошли в решительную атаку.

Родина высоко оценила подвиг разведчиков. Все участники этой операции получили правительственные награды. Сержанту Николаю Редько тогда вручили второй орден Славы. А третий орден он заслужил уже воюя в Германии. Там, неподалеку от Кюстрина, уже старшина Редько с группой разведчиков обеспечил переправу через Одер основных сил наступавших советских войск...

После Победы Николай Владимирович вернулся на малую свою родину — Кубань. Но жизнь сложилась так, что вскоре он оказался на Кольской земле. Помогал восстанавливать разрушенный гитлеровцами металлургический завод в Никеле, ремонтировал оборудование действующих цехов. И будничную свою работу выполнял так же обстоятельно, как привык действовать в трудные годы войны.

К сожалению, о его дальнейшей судьбе сведений получить мне не удалось. Старожилы Заполярного говорили, что, выйдя на пенсию, лет двадцать назад он уехал на Кубань.

* * *

И еще об одном фронтовике, а после войны — партийном работнике Дмитриии Афанасьевиче Лыкове, хочется рассказать мурманчанам. Мы познакомились с ним в далеком уже 1965 году, когда я работал в отделе партийной жизни областной газеты «Полярная правда». По долгу службы приходилось часто встречаться с ним. Мы подружились. И хотя Дмитриия Афанасьевича из обкома КПСС вскоре перевели на работу в Москву, продолжали встречаться, вели переписку. От него и

узнал я суровую правду о первых днях обороны Мурманска, в которых мужали и становились настоящими воинами мобилизованные на войну недавние рыбаки, строители, транспортники, работники всевозможных служб бытового обслуживания населения.

...Редактора газеты «Ударник» и одновременно заместителя секретаря парткома треста «Мурманрыбстрой» Лыкова мобилизовали в первый же день войны. Мурманский военком, хорошо знавший Дмитрия Афанасьевича, назначил его своим помощником, отвечающим за строительство оборонительных сооружений. Вместе они и пришли 30 июня проверить подготовку зенитчиков на сопке за нынешней четвертой школой. Немцы в тот день совершили первый воздушный налет на город. Батарея открыла огонь, но лишь тогда, когда вражеские самолеты уже были вне зоны поражения.

— Не обстрелянные еще ребята — учить надо, — прокомментировал увиденное военком. — Пойдешь туда политруком.

Так вчерашний журналист стал бойцом 33 отдельного зенитно-артиллерийского дивизиона Мурманского района противовоздушной обороны.

— В нем были три батареи, прожекторная и пулеметная роты, — рассказывал мне Дмитрий Афанасьевич. — Одна батарея стояла в поселке Мурмаши, вторая — на Дровяном, а третья — на сопке за Жилстроем. Правда, позиции их часто менялись, чтобы ввести врага в заблуждение. Обучать расчеты меткой стрельбе приходилось в редкие перерывы между налетами, но небезуспешно: вскоре зенитчики открыли боевой счет сбитых и поврежденных вражеских самолетов. О них появились первые материалы в центральных газетах.

В августе сорок первого на позицию второй батареи, стоявшей у поселка Дровяное, приехал известный советский писатель Николай Вирта. Не успел комбат познакомить гостя с личным составом, как начался очередной воздушный налет. На позицию из леса вышел олень и оставался там до отбоя тревоги. Это событие гость потом красочно описал в газете «Известия», а знаменитый фотокорреспондент ТАСС Евгений Халдей, также побывавший на позиции зенитчиков, запечат-

лел визит лесного красавца на фотопленку. Это фото и сейчас можно увидеть в его альбоме «От Мурманска до Берлина» Мурманского книжного издательства.

— Жаркими были дни весной сорок второго, — рассказывал мне Лыков. — Немцы, убедившись, что Мурманск им не взять, решили разрушить его с воздуха. В Пасху всю ночь были налеты. Мы израсходовали, отбивая их, весь свой боезапас. В разгар боя подносить снаряды нам стали местные жители.

Запомнился ему и другой эпизод. Одним залпом батарейцам удалось сбить сразу три вражеских самолета. Зенитный снаряд тогда попал в бомбовый люк «Юнкерса», тот взорвался, и бомбовые осколки сразили еще два самолета. Так густо шли фашисты со своим смертоносным грузом на наш город, рассказал ветеран, тепло вспоминая при этом командира батареи Сидора Бабарыкина.

— Из смоленских он. Смелый был мужик. И командир умелый. Но его вскоре назначили командиром бронепоезда. Ушел на запад. Связь прервалась. Не знаю, жив ли?

Впрочем, и самого Лыкова после отмены института комиссаров направили в другую воинскую часть — замполитом в 531-й отдельный зенитно-артиллерийский дивизион, также охранявший Мурманск, а позднее переведенный в Кандалакшу. В сорок четвертом Дмитрия Афанасьевича направили на учебу в Москву. По окончании курсов на Север уже не вернулся. В составе созданных в ту пору кочевых зенитных батарей ездил по разным фронтам туда, где больше всего требовалась воздушная защита войск. После капитуляции Германии оказался на Дальнем Востоке, воевал с японскими самураями. Домой возвратился лишь в 1946 году в звании капитана, с орденами Отечественной войны второй степени и Красной Звезды. Опыт партийной работы, приобретенный на фронте, пригодился ему и в мирной жизни: Лыков многие годы работал в Мурманском обкоме КПСС.

На одной из фронтовых дорог свела его судьба с летчиком Георгием Береговым. Фронтовики подружились. Береговой, ставший космонавтом, Героем Советского Союза и ко-

мандиром отряда космонавтов, не забывал о своем друге и в мирное время. Мне довелось быть свидетелем одной из их встреч.

Во время очередной служебной командировки в Москву навестил я старого друга. За чашкой чая засиделись допоздна. Дмитрий Афанасьевич предложил заночевать у него. Его супруга Вера Михайловна тоже настаивала на этом. Я не хотел стеснять ветеранов и собрался уже в гостиницу, но в это время кто-то позвонил Лыкову. По тону разговора можно было понять, что на том конце провода очень близкий ему человек. Так и оказалось. Звонил Георгий Береговой, предлагавший ему с супругой приехать к нему в гости в Звездный городок. Дмитрий Афанасьевич не возражал.

— А можно взять с собой еще одного человека? — спросил он Берегового.

— Если человек хороший, то — пожалуйста, — согласился космонавт.

Так и пришлось мне тогда заночевать у Лыковых.

Утром следующего дня за нами пришла машина. На КПП Звездного городка нас встретил Андриан Николаев. Целый день знакомились мы с тренажерами космонавтов, «полежали» на рабочем месте экипажа в космическом корабле. Я рискнул «примерить» тяжеленный скафандр, в котором космонавты выходят в открытый космос... А потом было теплое застолье в кафе Звездного городка, где к нам присоединились Петр Климук и жена одного из космонавтов, сопровождавшая нас по музею и тренажерным корпусам.

К сожалению, это была наша последняя встреча. Связь продолжалась письмами и по телефону. О том, что Лыков скончался в 2009 году, мне сообщил бывший заведующий отделом рыбной промышленности обкома КПСС Виктор Бояркин, возглавляющий мурманское землячество в столице. На похороны Дмитрия Афанасьевича, сказал он, пришли практически все члены землячества.

ИЗ ДАЛЬНИХ
СТРАНСТВИЙ
ВОЗВРАТЯСЬ...

НАВСТРЕЧУ СОЛНЦУ

У каждого человека есть мечта еще раз побывать в каком-то особенно притягательном для него уголке земли. Лично меня всегда тянуло на Дальний Восток. Там, под Хабаровском, почти шестьдесят лет назад, началась моя трудовая жизнь. Началась неудачно: проработав каких-то четыре месяца, попал в аварию. Хабаровские врачи поставили-таки на ноги! Но жить в тех местах не рекомендовали.

Сменив хабаровскую прописку на мурманскую, я все же надеялся, что когда-нибудь снова вернусь туда, полюбуюсь на буйную зелень окрестных сопок, полакомлюсь плодами диких лесных яблонь, особенно вкусными после «закалки» первым октябрьским морозцем, отведу душу на ловле косатки в притоках Амура, поохочусь на горных косуль...

Случай подвернулся совсем неожиданно. Меня включили в состав советской миротворческой делегации, которая с миссией доброй воли направлялась через Хабаровск—Находку в Японию и Китай.

«У высоких берегов Амура...»

Эти слова из песни, очень популярной в годы моей юности, вспомнились сразу, как только мы оказались возле хабаровской гостиницы «Интурист». Отсюда, с вершины одного из трех живописных холмов, на которых расположен город, хорошо просматривались прямые, как стрелы, улицы. Сквозь

зелень высоких деревьев виден Амурский утес — любимое место отдыха горожан. Почти не изменилась за прошедшие десятилетия центральная часть Хабаровска. Здесь бережно сохраняют и старинные каменные дома, и деревянные здания, «одетые» в легкие кружева деревянной резьбы, разукрашенные металлическими узорами на карнизах и крышах затейливыми кокошниками. Чувствуется людская забота и о памятниках в честь русских патриотов-землепроходцев, которые осваивали эти пустынные дальневосточные земли, ставшие частью нашей великой Отчизны.

Благодаря своему выгодному географическому положению Хабаровск давно уже стал не только важным транспортным узлом, но и крупным экономическим и культурным центром Дальнего Востока. На доброй сотне его предприятий выпускается самая разнообразная продукция — от океанских лайнеров до микроприборов. Нас поразили отсутствие здесь талонов на продукты и спиртное, свободная продажа других товаров повседневному спросу. Правда, и в продовольственных, и в промтоварных магазинах города не было запомнившегося мне в пятидесятые годы изобилия товаров, но и сейчас они не пугают посетителей отчаянной пустотой, какую приходилось видеть в Мурманске.

— Многие наши проблемы нам удалось решить за счет развития приграничной торговли с соседним Китаем, а также Японией и другими азиатскими странами, — рассказал нам первый заместитель председателя краевого Совета народных депутатов И. Цветков. — Мы гордимся тем, что наш город стал важным центром международного сотрудничества.

В Хабаровске, как, впрочем, и в других городах Дальнего Востока, можно частенько встретить китайских рабочих и специалистов. Нам называли даже конкретную цифру: сейчас здесь живут и трудятся пятнадцать тысяч подданных КНР. Правительство Китая выразило готовность хоть сейчас направить в Хабаровский в Приморский края восемьдесят миллионов человек, которые не могут найти работу в своей стране. Предложение заманчивое, но неприемлемое. Мы должны сами,

своими руками поднять свои земли на Дальнем Востоке. Эти земли хоть и находятся далеко от столицы, но они, говорил В. И. Ленин, «нашенские», и мы сами будем хозяевами на них.

— Да, проблема заселения все еще пустующих огромных территорий в крае существует. Но это наша, внутренняя, проблема, — говорил И. Цветков. — Я верю: найдутся в стране новые тысячи энтузиастов, которые устремятся сюда, поднимут и дальневосточную целину. Благо, климат здесь намного лучше, чем в Казахстане. А начавшийся переход на рыночные отношения, принятие закона о частной собственности открыли здесь, прямо скажем, захватывающие перспективы для предприимчивых деловых людей.

Нашей делегации, правда, было не до того. Мы приехали сюда, чтобы принять участие во Всесоюзной конференции «За мир, безопасность и сотрудничество в азиатско-тихоокеанском регионе». И пусть читатели не думают, что для нее избрали не очень-то подходящее время.

Сейчас действительно пересматриваются многие ценности. Но это не коснулось, и я уверен — не коснется движения за мир и сотрудничество, ибо такое движение будет всегда, пока существует земля. Хотя налицо явное улучшение международной обстановки, мир все еще не гарантирован от катастрофы. Первая угроза ему — ядерная, вторая — экологическая, всю остроту которой вскрыла черныбыльская трагедия.

Вопрос «Как нам выжить в этих условиях?» и был в центре внимания участников конференции, начавшейся в Хабаровске и продолженной на борту теплохода «Русь», ожидавшем нас у причала порта Находка.

В зоне свободного предпринимательства

Мы уже знали, что Находка и прилегающая к ней территория объявлены зоной свободного предпринимательства. В нашем понятии это было не просто новым шагом вперед в развитии экономики страны. Мы наивно предполагали, что этот

шаг предприимчивые находкинцы уже сделали. По крайней мере, в совершенствовании организации своего труда, внедрении той четкости действий, которая отличает подлинно предприимчивых людей.

Увы! Первые же контакты с работниками различных ведомств, расквартированных в Находке, развеяли наши иллюзии относительно перестройки в этом районе страны. Наш специальный поезд не только никто не встречал, но, оказывается, и не ждали. Забыли приехать на вокзал и заказанные заранее автобусы. Прождав их часа полтора, участники предстоящего рейса мира, среди которых было немало весьма пожилых людей, потащились пешком в торговый порт. Разумеется, каждый нес свой чемодан. В порту же нас ожидал еще один сюрприз. По случаю выходного дня местный банк был закрыт, а посему разрекламированного обмена «деревянных» советских рублей на боны для пользования теплоходским буфетом не будет. А коли так, таможенники не разрешали брать на борт злополучные восемьдесят рублей, сданных каждым из нас своим старостам групп. И оставить на берегу их нельзя: банк-то закрыт! И это в городе, который решил быть открытым для свободного предпринимательства!

Пока «утрастились» возникшие вдруг проблемы, мы осмотрелись как следует. Грустное впечатление оставил Находкинский порт. Вода у причалов мутная, в пятнах мазута, замусорена. На причалах — сплошные выбоины, хоть и введен порт совсем недавно. Всюду заброшенные недостроенные корпуса. А ведь Находкинская бухта самой природой создана для гавани. Здесь много укрытых от ветра зон, достаточно и глубины для швартовки любых судов. Но не хватило создателям порта ни мастерства, ни смекалки, чтобы как следует использовать этот природный дар. Не лучше выглядят и городские кварталы Находки. Улицы грязные, дома неухоженные. Ресторан «Океан», куда нам пришлось пойти на обед, выглядел хуже самой плохой рабочей столовой Мурманска. Даже голод не заставил нас съесть бифштекс, приготовленный здешними поварами. Я отдал свою порцию собачонке, не весть как по-

павшей в «зал» ресторана. Пес понюхал гостинец и... отвернулся.

У входа в ресторан торговали бутылочным пивом. Но чтобы попробовать его, посетитель должен был сначала сдать продавцу пустую бутылку. У нас их, естественно, не было, и мы ушли ни с чем. Находчивые коллеги из Закавказья оставили под залог удостоверения личности, и их отоварили. Вот что значит дальневосточный советский сервис!

Кстати, в отличие от хабаровских, полупустыми оказались и здешние магазины. Только в комиссионных отделах товар поражал разнообразием. Торгуют в основном японскими «видиками», китайским жемчугом, изделиями из кожи, различной галантереей и парфюмерией. Цены, правда, «кусаются». Нитка речного жемчуга, например, продающаяся в Китае за 10 юаней (примерно 14 рублей), здесь стоит уже 150 рублей. Продавцы уверяют, что спрос на этот товар большой, ничто на прилавках не залеживается. Может, прежде всего потому, что в таких отделах не требуют паспорт. Во всех других магазинах Находки, торгующих дефицитными промтоварами, без местной прописки купить ничего нельзя.

Одно нас поистине поразило здесь — это обилие зелени и теплынь. Был октябрь, глухая осень, а тут хоть загорай! Край действительно благодатный, и при умелом хозяйствовании мог бы стать процветающим краем не только для нынешних жителей Находки, но и десятков тысяч переселенцев из европейской части страны. Может, открытие зоны свободного предпринимательства и будет тем самым толчком, который послужит началом обновления Находки, всей территории, прилегающей к Тихоокеанскому побережью России.

Кое-что о «японском чуде»

Для нас Япония, куда мы направились из Находки на теплоходе «Русь», была не просто страной далекой и загадочной, но и таящая в себе всякие неожиданности. Что знали мы о ней?

Пожалуй, лишь то, что расположена она на четырех больших островах, не имеющих практически ничего из природных ресурсов.

И в то же время именно эта страна занимает ведущее место в мире по многим важнейшим экономическим показателям.

«Японским чудом» назвали на Западе бурный экономический рост страны в начале семидесятых годов. И было отчего. Тогда рост валового национального дохода Японии составлял по 10—12 процентов ежегодно. Темпы неслыханные! Да и сейчас они остаются весьма высокими — до пяти процентов в год. И это при столь заметном росте объемов производства.

В чем же истоки «японского чуда»?

В разных источниках делаются различные определения. Но в главном они схожи. Сделать резкий скачок Стране восходящего солнца помогло удивительное сочетание японских традиций с современным техническим прогрессом. Из традиций, конечно же, выбраны те, что лучше вписываются в современные технологии: высокое трудолюбие, чувство локтя, коллективизм. Удивляет редкостное уважение японца к фирме, где он работает. А работой своей здесь дорожит каждый. И дело не столько в том, что в стране существует система пожизненного найма, вселяющая в людей уверенность в завтрашнем дне. Работа в течение всей жизни в одной и той же компании или фирме обеспечивает каждому японцу постоянные надбавки к основной ставке, оплату большинства медицинских счетов. Чем дольше работает в ней человек, тем больше средств откладывается для выплаты ему при уходе на пенсию.

Удивительно, но факт. При системе пожизненного найма работника не увольняют, даже если использование его на прежнем месте становится для владельцев фирмы нерентабельным. Его переводят на другой участок, где он может быть еще полезен общему производству.

Большой знаток восточных обычаев и порядков, настоятель Ленинградского буддийского храма Эрдэм Цыбикжапов, с которым мы подружились во время круиза, рассказывал мне:

— «Японское чудо» чисто человеческого происхождения. Его сделали сами люди. В них и надо искать ответ на вопрос.

Оказывается, в Японии существует целостная система воспитания в людях вкуса к труду, как к лакомству. Там гордится своим трудом каждый. Даже дворник. Мы видели представителей этой вовсе у нас непочетной профессии в деле. Японский дворник одет в белый костюм, ходит гордый. И это вовсе не старики, как у нас, а совсем еще молодые ребята.

Японцем, в нашем понимании смысла этого слова, на деле становятся с пяти лет. До этого дети здесь предоставлены сами себе. Их прямо-таки боготворят в семье, все разрешают, а одевают в самые лучшие одежды. Но с пяти лет детей начинают серьезно знакомить с ремеслами. Постепенно требования растут, растут и их знания, мастерство. Так и подходит каждый к выбору своей основной — на всю жизнь — профессии, совершенствуясь в ней до конца своих дней.

Еще одна любопытная и поучительная деталь. Японец никогда не женится, если его оклад меньше суммы, необходимой для того, чтобы содержать свой дом и семью. Если в семье его появился ребенок, ему расширяют жилплощадь. Причем не кто-нибудь, а руководство фирмы, где он работает. Так и начинается своеобразное срастание интересов фирмы с личными интересами работника. От такой заботы любой человек постарается сделать больше для фирмы, чем делал до этого. Фирма же в результате с лихвой окупает то, что потратила на создание больших удобств своему работнику.

Приведу для пущей убедительности еще факты. Обычно японец женится в возрасте 28–29 лет, твердо став к тому времени на ноги. Японки вступают в брак тоже не рано — в 25–26 лет. Семья создается, как видите, вполне обдуманно, а потому и оказывается прочной. Правда, главенствует в ней всегда мужчина. Как правило, он работает, обеспечивая семью, а жена сидит дома, ухаживая за детьми. После работы муж отдыхает дома, ничем не обременяя себя, или же идет с сослуживцами в ресторанчик. Это нужно для укрепления контактов с коллегами. Но не бывает практически, чтобы при этом

они напились. Все делается в пределах разумного. Зато в выходной — у японцев шестидневная рабочая неделя — муж всегда находится вместе с семьей. Это — одна из древнейших традиций японцев.

Хотя женщины в Японии и находятся заведомо на вторых ролях, они не теряют своего достоинства. Их покладистость, почтительность в обращении со своими мужьями — тоже традиционные черты характера, издавна подмечены европейскими путешественниками. Ну, а поскольку семейный бюджет все же находится в руках жены, она и является истинным лидером семьи. Мужья молчаливо согласны с таким положением, потому и конфликты в японских семьях весьма редки.

— Ничего просто так сделанного в Японии нет, — убеждал меня Эрдэм Цыбикжапов. — Здесь все имеет свой смысл. Даже простые уличные ограждения, по форме и очертаниям которых можно прочесть целую книгу. Немой язык — тоже язык.

Что же касается постоянной улыбки японца, то это не что иное, как проявление уважения к гостю. Ничего не таится за ней. Как, впрочем, и за частыми поклонами при прощании. Чем большее уважение испытывает японец к гостю, тем дольше и ниже кланяется ему.

Особым почетом и уважением среди рядовых японцев пользуются руководители государства, парламентарии. Это свое уважение распространяют они и на зарубежных гостей, в чем довелось убедиться и автору этих строк.

В ожидании заплутавшихся где-то товарищей мы с одним из участников рейса прогуливались в Токийском парке. Жара, непривычная для нас в это осеннее время, буквально сморила нас. Выпить воды было негде, а денег на пиво явно не хватало. И от этой своей зависимости от йен на душе было пасмурно.

Вдруг от ларька на колесах, буквально увешенного разными сувенирами, к нам подошел его коренастый хозяин.

— Де-пу-та-та?! — тыча пальцем в мой депутатский значок на лацкане пиджака, протяжно проговорил он. — Йес?

— Да, — отвечаю ему по-русски. — Депутат. К тому же — народный...

Японец уважительно закивал головой, сложил ладони у груди и, бесконечно кланяясь, стал пятиться к своему ларьку.

Мы уже миновали ларек, когда хозяин его снова подбежал к нам. Смущенно улыбаясь и также кланяясь, он протянул нам по банке прохладительного напитка. От денег отказался наотрез, а вот советский значок взял на память с большой охотой.

На следующий день мы опять оказались в том же парке. Хозяин ларька приветствовал нас как добрых знакомых и вновь предложил свой напиток, так славно утоливший накануне нашу жажду.

Я потом рассказал про эту историю нашему гиду — миловидной молоденькой японке.

— Гостеприимство — отличительная черта моих земляков, — ответила она. — Примерно пятую часть зарплаты они расходуют на подарки друзьям и родственникам.

И это — тоже частица того, что во всем мире зовется «японским чудом»...

Знакомимся с Токио

После неприбранного, какого-то расхлябанного Находкин-ского порта Токийский порт показался нам чем-то вроде рекламного образца морского предприятия. У самого входа в него — зеленые островки, крутые берега которых одеты в тесаный камень. Все островки свободно обходят океанские корабли. В воде, даже у стенки причала, — ни мусоринки. И на причале, поразившем нас тем, что прямо к воде «выходят» огромные корпуса складов, — тоже. Здешним докерам нестрашна непогода: работа под крышей ведется круглые сутки.

Еще одно «открытие» — на проходной. Здесь нет ни шлагбаума, ни сторожей. Проходи хоть в порт, хоть из порта — никто не остановит. Нет и часовых у трапа иностранного корабля, каким в данном случае являлась наша «Русь».

Знакомство с Токио иностранцы обычно начинают со смотровой площадки местной телебашни, очертаниями своими

очень напоминающей знаменитую Эйфелеву башню. Правда, она чуть выше и чуть просторнее. При входе в нее и на множестве этажей — россыпь киосков с сувенирами, детскими игрушками, галантереей. Нас привлекли говорящие игрушки — поющие канарейки, болтливые попугаи, разноязычные куклы. Выглядят все, как живые, но... не для нашего кармана. Быстренько подсчитав свои капиталы (днем разменяли пятьсот рублей), убедились, что их не хватит даже на десяток говорящих (и самых дешевых) попугаев. Пачка сигарет «Мальборо» на наши деньги — десять рублей. Носовой платок — семьдесят рублей. И в то же время двухкассетный магнитофон типа «Сони» стоит всего четыреста пятьдесят рублей (в переводе на наши деньги).

Парадоксы в торговле удивительные. Скажем, женские зимние сапоги стоят 47 тысяч йен (примерно две тысячи советских рублей) и столько же — подержанный легковой автомобиль. Новая «Тойота» куда дороже — почти два миллиона йен. Советским туристам даже сапог не купить на обменную валюту. А ведь когда мы уезжали из Токио, в трюме «Руси» оказалось более полусотни машин. Купили их в основном представители «братских» республик Прибалтики, Закавказья и Средней Азии, бог весть каким путем обзаведшиеся американскими долларами...

Переводчица нашей группы Кё Тё, которую я предложил звать по-русски Катей, сказала нам, что столько, сколько нам дали валюты, она зарабатывает за два дня. Сначала мы ей не поверили. Потом узнали, что средний заработок токийца (среднего, разумеется) — десять—двенадцать долларов в час. При такой зарплате, естественно, здешние цены не кажутся столь высокими.

Но вернемся к городу, столь хорошо видному со смотровой площадки телебашни. По привычке ищу взглядом трубы теплоцентралей. Ищу и не нахожу. А ведь Токио — самый крупный индустриальный центр Японии. Где же его знаменитые предприятия, где же теплоцентрали?

— А вот одна из них — прямо под нами, — говорит Кё Тё, показывая на старое с каменной облицовкой здание. На его плоской крыше и во дворе замечаю знакомые очертания электрофильтров, дымососов, но вместо дыма вижу лишь легкое, похожее на пар, облачко.

Оказывается, здесь так строги требования к очистке отработанных газов, что при первом же их выбросе ТЭЦ или промышленное предприятие сразу остановят. Экологическая инспекция беспощадна к загрязнителям окружающей среды. И не только к самим японцам. Если в том же порту допустили выброс мусора с иностранного корабля, его капитану незамедлительно будет предъявлен огромный штраф.

Токийцы ведут активную борьбу с загрязнением окружающей среды и заботятся о сохранении чистоты и порядка в городе. Я не видел ни одного японца, который бы бросил на тротуар окурок или пустую банку из-под пива. На тротуарах множество аккуратных ящиков с отделениями под разные виды мусора, повсюду дежурят дворники, вооруженные металлическими совками и вениками, так что даже случайно оброненный клочок бумаги недолго валяется под ногами: его сразу же подберет расторопный молодой человек в дворницкой униформе. Кстати, этой профессией, как и другими, по нашим понятиям непрестижными, здесь не чураются. У японца в крови гордость за любое дело, которое он выполняет, и высокое чувство ответственности.

Нам не раз говорили при встречах, что мы, русские, напрасно ругаем социализм, свою систему. У нее очень много хорошего, что с удовольствием перенимают даже капиталисты, в том числе и японские. Скажем, планирование народного хозяйства. Японские пятилетки, созданные по образцу советских, очень помогли в послевоенном подъеме экономики страны. От планирования здесь не отказываются и сейчас, а мы у себя в один год все смешали с дерьмом, все разрушили...

Другой пример — шефство над городскими улицами, микрорайонами. И это японцы переняли у нас, но поставили на куда более серьезную основу. Здесь буквально каждое дерево

на улице, каждый скверик не только пронумерованы, но и закреплены за определенными жителями микрорайона, которые и заботятся о сохранности зеленых зон. Если же кто-то погубит дерево, ему придется отвечать за это как перед законом, так и перед общественностью микрорайона.

Думаю, не случайно Токио, до предела насыщенный всевозможными предприятиями, конторами, банками и буквально забит машинами, остается одним из самых зеленых в мире городов-гигантов. Город все время растет. Но нигде здесь не увидишь заброшенных траншей, незавершенных объектов, если они и есть, то по крайней мере скрыты от глаз людей и обязательно отгорожены от улиц элегантным заборчиком и цветной полиэтиленовой пленкой. Если возникла необходимость, скажем, перекопать улицу для прокладки кабеля или трубопровода, эту работу выполняют лишь ночью. К утру этот участок улицы должен выглядеть как обычно, не мешать привычному ритму движения в городе. Кстати, машины здесь движутся медленно — скорость на большинстве участков ограничена сорока километрами в час.

Как и всюду на Западе, земля здесь принадлежит муниципалитету. Лишь он имеет право продажи ее. А стоит земля не копейки, как у нас, а дорого. Один квадратный метр земли в центре Токио, например, стоит 216 тысяч йен (примерно две тысячи наших рублей). Деньги эти идут на общегородские нужды. А поскольку деловые японцы знают истинную цену денег, то и распоряжаются ими куда разумнее, чем мы. Здесь, например, во многом этим объясняют, почему в Токио очень много высотных домов. Ведь купить большой участок земли, а потом еще и платить за нее солидный налог, по карману далеко не каждому. Вот почему именно в центре сосредоточены офисы ведущих корпораций и фирм, самые престижные гостиницы.

Японцы очень любят рыбу, поэтому в Токио, как и в других городах Страны восходящего солнца, множество рыбных базаров. Один из них расположен рядом с портом, и мы не могли не побывать здесь.

Боже! Чего только нет здесь! И живая, только что с моря, камбала, и знаменитая сельдь иваси в самом разнообразном виде, и морская капуста, и мидии, и морской гребешок, и крабы, устрицы... Продавцы певуче кричат, расхваливая свой товар и зазывая покупателей. Тут же дымятся жаровни, где по желанию покупателя приготовят его любимое блюдо.

Рынок оживает еще ночью. На рассвете — пик его деятельности. Днем же здесь остаются самые стойкие из продавцов, которым некуда сбыть или же сдать на хранение свой товар. Зато именно днем оживают разного рода «толчки» — базарчики в подземных переходах и под надземными участками метро. Здесь тоже все можно купить. Иногда — очень дешево. Главное, умело поторговаться. Здесь же в ходу и «ченч» — знаменитый обмен товарами, основу которому положили еще европейские моряки в незапамятные теперь времена. Говорят, в среднем на одну токийскую семью приходится по три автомобиля. Это похоже на правду, ибо улицы города буквально забиты машинами. Тротуары обычно свободны от них: если нарушишь правила парковки, полицейский заломит тебе такой штраф, что второй раз сделать это поостережется любой.

Отношение к нам японцев?

Сдержанное любопытство. Смотрят на нас, как на инопланетян. Особенно в магазинах по распродаже дешевых товаров. Единственное место, где довелось мне видеть очередь за товарами, — здесь. И вот ведь что удивляло — славные славяне и здесь, заняв очередь к одному продавцу, торопились сделать то же и у другого прилавка, где торгуют тем же самым товаром. И, как в Союзе, шумят, ругаются из-за места в очереди. Со стороны диким кажется поведение соотечественников. Наверное, потому и назвали японцы нашествие наших туристов в дешевые магазинчики «тайфун Маруся»...

Поистине вавилонское столпотворение встретило нас в Токийском Диснейленд-парке, куда стремятся попасть не только туристы из-за рубежа, но и сами японцы, особенно гости из других префектур. Этот сказочный городок, занимающий площадь почти 500 гектаров, построен всего семь лет назад. Он

обошелся в двести триллионов йен, однако быстро себя окупил и приносит огромную прибыль его хозяевам.

Парк с первых же минут пребывания в нем настраивает на праздничный лад. Тут действительно все, как в хорошей сказке. Вводят в нее знаменитые Микки-Маус и ученый Кот, с которыми каждый хочет сфотографироваться на память. Потом — путешествия в мир фантастики, мир приключений. За день мне не удалось пройти в этом чудо-парке и трети всего, что хотелось увидеть своими глазами. Но проплыть по подземным пиратским гротам, прокатиться с американских горок, побывать в замке ужасов и на параде сказочных героев я все же успел. Впечатление великолепное! Жаль, что в своей стране, даже в нашей столице, нет ничего подобного.

Не могу не отметить и здесь изобретательность и предприимчивость японцев. В Диснейленд-парке более сорока магазинов, десятки ресторанов и кафе. Цены, правда, значительно выше обычных городских. Расчет сделан на то, что родители, приезжающие сюда с детьми, не будут скупиться и под магическим воздействием парковских чудес приобретут даже самые дорогие сувениры. Так оно и происходит. Даже мы, нищие советские туристы, оставили там свои йены, соблазнившись редкими сувенирами.

Завершая знакомство с Токио, хотел бы привести один очень значащий факт. Девяносто процентов японцев — люди среднего достатка. Бедных (имеющих доход менее семнадцати тысяч рублей в наших деньгах) поддерживают компании, в которых они работают. А чтобы было понятней, что же все это значит для населения, добавим: предельная цена на мясо в Японии — на наши деньги — чуть больше трех рублей за килограмм.

Конечно, есть исключения. Есть и здесь свои нищие. И из этого японцы не делают тайны. Да и как скроешь то, что может видеть каждый гость Токио, побывав в его парках и скверах. Здесь, прямо на скамейках, ночуют сотни бездомных людей. Некоторые тут же, среди своего нехитрого скарба, на походных газовых плитках готовят себе еду, а в общественных

туалетах стирают одежду. В Японии, как в ряде других азиатских стран, есть своя каста отверженных — бурако. Эти люди уже с момента рождения попадают в число изгоев общества, лишены самых элементарных человеческих прав, хотя Конституция и провозглашает равенство всех народов и рас, населяющих Японские острова. Прогрессивные силы Японии борются против дискриминации целой народности, но пока безуспешно.

Коварный «Джени»

Наш отъезд из Токио напоминал бегство. Не дав даже как следует осмотреть экспонаты исторического музея, нас посадили в автобусы и повезли в порт. Через час, уже пройдя все таможенные формальности, мы отходили от причала. С террас складских помещений нам долго махали руками десятка три докеров, невесть откуда взявшиеся там в час прощания.

Спешка с отходом вскоре разъяснилась. По судовому радио нам объявили, что надвигается тайфун, а потому все корабли, стоявшие у причалов порта, выводятся на внешний рейд. Центр тайфуна, названного «Джени», пройдет через Токио...

Что такое тайфун, морякам объяснять не надо. Нам же для убедительности привели цифры. С начала этого года в здешних местах это уже двадцатый по счету тайфун. Предыдущие нанесли Японии ущерб, исчисляемый двумя триллионами йен. Погибли 850 человек, затонули десятки рыбацких судов. А между тем внешне ничто не предвещало очередной беды. Тихая гладь залива вокруг нас, теплое дуновение южного ветерка не располагали к страху, и многие из участников круиза расположились на палубе. Люди недоумевали, дескать, зачем стоять здесь, ведь нас уже ждут в Китае. Не изменилась обстановка и к утру. Только небо стало каким-то серым, брызгающим мельчайшим дождем. Нам сообщили: это уже предвестник тайфуна. К обеду он доберется до нас, а вечером ожидается пик непогоды.

Признаться, я не поверил этому объяснению. Но после обеда море действительно стало меняться у нас на глазах. Волны, мерно накатывавшиеся на судно с юга, покрылись белыми бурунчиками. Резко усилился дождь, а ветер начал свистеть в снастях. «Русь» гуляла на якоре, как и соседние корабли. А их тут собралось десятка три. Стал гуще туман, отчего корабли то и дело давали гудки, жутковатый голос которых невольно вселял тревогу в людские сердца...

Дальше началось нечто невообразимое. Наш теплоход бросало из стороны в сторону, якорь уже не мог удержать его носом к волне. Приходилось подбрасывать винтами, что делали и соседние суда. Иногда их сносило так близко к нам, что казалось — еще немного и быть столкновению.

Обошлось!

Но утром на завтрак не пришли две трети пассажиров «Руси». Коварный «Джени» вывел из строя и многих официантов судового ресторана. У меня же вдруг развился удивительный аппетит.

Лишь через двое суток, когда тайфун, сменив направление, прошумел над нами, мы получили «добро» на дальнейшее продолжение путешествия. Наш курс лежал на китайский порт Тяньцзинь.

В Китае

Первое впечатление от Тяньцзиня — будто в родные края попали. На пустынном причале кроме таможенников и полицейских — ни души. Между редкими складами — горы различных грузов. Многие лежат, как и у нас, под открытым небом, ничем не прикрытые.

Долго разглядывать порт не пришлось. Нас посадили в автобусы и повезли в Пекин.

Не буду описывать все увиденное. Скажу одно: и здесь все очень напоминало отечественные пейзажи, дымящиеся трубы заводов, стандартные, неказистые, типа наших «хрущеб», дома

вдоль дороги сменялась сугубо сельскохозяйственными пейзажами. Несмотря на позднюю осень, на полях еще шла уборочная страда: крестьяне убирали рис, подсолнух, кукурузу, хлопок. Порой плантации подходили так близко к городским пятиэтажкам, что невозможно было понять, где кончается город и начинается село.

В Пекине нас разместили в новой шикарной гостинице с символическим названием «Двадцать первый век». Возле нее и была организована торжественная встреча советских сторонников мира. Было приятно видеть несколько сотен китайских мальчишек и девчонок в алых пионерских галстуках, несколько часов ожидавших приезда гостей из СССР. Но еще приятней — толпы людей, собравшихся за стеной, отгораживающей гостиничный комплекс от улицы. Любопытных немало было и на самой стене. Ведь впервые за последние три десятилетия в Китай приехала столь представительная и столь массовая делегация общественных деятелей из СССР. Простые китайцы расценивают это как шаг к возвращению старых добрых отношений между нашими странами и народами. Мы — тоже.

За последнее десятилетие в Пекине появились десятки новых высотных отелей и офисов. Нам сказали: это первые результаты китайской перестройки. Но проблем, нерешенных в столице, как и во всей стране, очень много. Главная из них — жилищная проблема. «В Пекине сейчас легче найти невесту, чем квартиру, — сказал один из встречающих нас товарищей. — Но это трудности временные».

Да, правительство Китая очень много делает для решения столь острой социальной задачи. Здесь пошли даже на то, чтобы снизить высоту в строящихся квартирах.

От пола до потолка в домах рабочих кварталов всего два метра.

— Если мы будем строить, хотя бы так, как вы, нам никогда не решить жилищной проблемы, — объясняли китайские товарищи. — Слишком велик в стране прирост населения.

Да, миллиард двести миллионов человек — это много. Но вот что нас поразило здесь. Нигде, ни в одном городе за всю поездку мы не увидели толпы празднующихся. От зари

до зари люди здесь заняты делом, если не на заводе, то в поле, на собственном приусадебном участке, являющемся, кстати, важным источником пополнения пищевого рациона населения.

Средняя зарплата китайца — двести юаней. Столько стоит здесь велосипед. А велосипед здесь — главное средство передвижения. На городских улицах специальная полоса отведена для движения велосипедистов. Созданы и платные стоянки для велосипедов. Прямо на улицах. И нам было в диковинку видеть это. А еще больше — бесконечные вереницы велосипедистов, спешащих утром на работу, а вечером — домой.

В китайской кухне ведущее место занимают овощи. Ассортимент их настолько велик и разнообразен, что мы потеряли счет съеденных блюд.

Любопытная деталь. В Пекине множество кооперативных и частных ресторанчиков и кафе, где в любое время суток можно покушать и отдохнуть от дневных забот.

Для государственных работников и рабочих госпредприятий введено бесплатное лечение. Кооператоры и «частники» должны платить за визит к врачу. Это уже плод рыночных отношений. Здесь рядом с крупным государственным магазином можно увидеть десятки и сотни частных лавочек, где продают буквально все — от спичек до элегантных костюмов и пальто. В госмагазинах цены твердые, здесь же можно и поторговаться.

В стране введено плановое бесплатное обучение школьников и студентов. Для «сверхплановых», в основном из зажиточных семей, обучение платное. Пенсия для мужчин назначается с 60 лет, для женщин — с 55. Размер ее — до 75 процентов должностного оклада.

Особое место в жизни Китая занимает армия. Попасть в нее непросто, введен строгий конкурс, ибо желающих два года пожить за казенный счет, да к тому же еще и получить профессию, здесь много. Особенно среди сельской молодежи, для большинства которой служба в армии — единственный шанс стать горожанином.

В программе нашего пребывания на китайской земле не было предусмотрено встреч с трудящимися. Поэтому все, что

удалось узнать здесь об их жизни, взято не из рассказов партийных или общественных функционеров. Мы встречались с простыми людьми прямо на улице, во время экскурсий, и вечерами, бродя по городу. Естественно, побывали и на главной площади Пекина, где год назад, в 1989 году, жестоко была разгромлена студенческая демонстрация. Ничего здесь сейчас не напоминает о кровавых событиях. Все так же, как и раньше, собираются здесь тысячи горожан. Но не увидишь тут организованных групп. Собираться вместе группой свыше тридцати человек категорически запрещено, видимо, во избежание новых несанкционированных митингов и демонстраций.

Естественно, показали нам и достопримечательности столицы. Полдня, например, ушло у нас на осмотр дворцов в резиденции бывших китайских императоров, столько же — на знакомство с одним из участков Великой Китайской стены. Она и на самом деле великая. Высота ее — под стать нашей Кремлевской стене, а ширина... Современный автомобиль мог бы спокойно проехать по ней, не будь на пути препятствий в виде сторожевых башен. Множеству туристов здесь предлагают не только сфотографироваться на память, но и приобрести сувениры. Особым же спросом тут пользуется речной жемчуг. Сравнительно дешевый (нитка стоит от 15 до 50 юаней), он продается буквально на каждом шагу. И здесь можно торговаться. Самые умелые из нашей делегации — южане и прибалты — купили жемчужные ожерелья почти за бесценок. Вот что значит рынок! Но и хозяева не остались внакладе: они компенсировали потерю за счет других, не умеющих торговаться туристов.

Нам, естественно, очень хотелось знать, как живут рядовые китайцы, что могут приобрести они на свою в общем-то весьма скромную зарплату. От души порадовались за своих дальневосточных соседей. В их магазинах есть все. И даже скромной зарплаты хватает городскому китайцу жить безбедно. Про сельчан не знаю: побывать ни в одной деревне нам не удалось. В Пекине практически есть все, чем так славится рынок Японии, США, других развитых капиталистических стран. В широком выборе, скажем, та же видеотехника и ра-

диоаппаратура. Правда, цена их выше, чем в Японии. Но ведь главное — есть что купить. Дождемся ли мы у себя в стране в ближайшие годы хотя бы китайского изобилия? Вот что волновало всех нас, когда мы покидали гостеприимный Пекин.

Была очень поздняя осень. Но солнце в это время года одаривает здесь всех теплом. Погрелись и мы под его лучами на пути домой. Правда, недолго. Радио вновь принесло тревожную весть: на восточное побережье Китая и Японию наступает очередной тайфун. Двадцать первый по счету с начала года. «Русь» поспешила уйти из опасной зоны. Новый тайфун зацепил нас лишь кончиком своего крыла. А потом сквозь тучи над горизонтом поднялось солнце, и ветер начал стихать.

Мы шли домой, но навстречу солнцу. Подумалось в те минуты, а ведь и в жизни так — сначала тучи студят душу, потом, как солнышко, отогреет ее простая удача. Очень хочется, чтобы она пришла в жизнь всех моих соотечественников, переживающих полосу отчуждения, полосу житейских невзгод. Ведь и все мы, советские люди, идем навстречу солнцу.

*Мурманск–Хабаровск–Находка
Токио–Пекин–Мурманск
Сентябрь–октябрь, 1990 г.*

В СТРАНЕ УТРЕННЕЙ СВЕЖЕСТИ

Нет, не зря говорят, что лучше один раз увидеть, чем сто — услышать! Подтверждением этой народной мудрости стала и наша поездка в КНДР. За пятнадцать дней пребывания здесь мы, можно сказать, заново открыли для себя эту далекую азиатскую страну, так скупо представленную в отечественных школьных учебниках и в средствах массовой информации. Узнали — и полюбили. Ибо нельзя не любить страну, народ

*Спецкоры ТАСС Александр Беликов и Василий Белоусов (справа)
в Пхеньяне*

которой отстоял в боях с агрессорами свою свободу и независимость, стал творцом своего счастья, благополучия.

Мы — это два журналиста-тассовца, приглашенные Центральным Телеграфным Агентством Кореи (ЦТАК) для обмена опытом. Старший — Александр Беликов, возглавляющий редакцию политической информации ТАСС. По многочисленным публикациям в наших центральных газетах его уже знали в КНДР. Имя же собственного корреспондента ТАСС из неведомого корейцам Мурманска мало что говорило. Настороженно встречающие всех иностранцев наши коллеги из ЦТАКа пытались понять, а что я за человек, почему именно мне доверено на сей раз представлять советское информационное агентство. Ведь до этого в Пхеньяни приезжали только руководители и ответственные работники аппарата ТАСС.

Признаться, и я был шокирован этой настороженностью. Но объяснилось все просто. Нашим коллегам хотелось выяснить круг интересов гостей, их особые пожелания, чтобы по ходу работы вносить изменения в уже составленную программу. С этого уточнения и началась наша поездка по стране.

Контрасты Пхеньяна

Декабрь — не самое лучшее время для знакомства даже с такой теплой страной, как Корея. И хотя все дни пребывания здесь нам сопутствовала теплая солнечная погода, в полной красе мы ее не увидели.

В столице, как и в других городах КНДР, нет мощного централизованного отопления. Большинство домов отапливается от собственных мини-котельных. Топливом служат брикеты сильно золистого каменного угля, который при сгорании выделяет много пыли и газа. Днем и ночью поэтому над пхеньянскими улицами зимой стоит синеватая дымка, скрадывающая очертания близлежащих домов и деревьев. Запах горящего угля особенно чувствуется под сводами столичного вокзала, где важно пыхтят на путях паровозы и чадят «буржуйки» отопления вагонов. При виде такой картины любой усомниться: а правомерно ли называть эту страну Страной утренней свежести?

Усомнились и мы.

— Вам просто не повезло: приехали в самый разгар зимы, — пояснил заместитель генерального директора ЦТАКа товарищ Хон Хен Чжон. — Хотя и сейчас на окраинах и в новых микрорайонах Пхеньяна воздух прозрачен и чист, как стекло. Рекомендую вам побывать на горе Мангендэ — любимом месте отдыха жителей столицы.

И мы последовали совету. Отсюда действительно отлично видны не только квадраты новых жилых микрорайонов, но и кукурузные поля у подошвы горы, где протекала довольно широкая река. На горизонте синяя речная вода сливалась с такого же цвета небом и казалось, что мы плывем на большом корабле по безбрежному океану. Впечатление это усиливал пахнувший морем ветер, игриво ласкавший верхушки пышно зеленых сосен вокруг нас. И это — на виду у миллионного города с его задымленными улицами.

Контраст поразительный!

«Открывая» Пхеньян, мы открывали для себя и пхеньянцев. Лишь немногие, в основном, женщины, ходят в нацио-

нальных одеждах. На большинстве привычные нам европейского типа пальто и костюмы. Мало в городе и домов в типично корейском стиле. За три года войны с американскими агрессорами Пхеньян около полутора тысяч раз подвергался варварским бомбардировкам. 428 тысяч бомб, сброшенных на него за это время, превратили город в пепелище. Уцелело всего одно здание — центрального универмага: по нему американские летчики уточняли квадраты очередного налета, а потому и берегли для ориентировки.

Десять долгих лет потребовались пхеньянцам, чтобы восстановить свой город, дать ему вторую жизнь. Строили быстро и на европейский лад. Так что столица внешне очень напоминает крупные европейские города. Только в центре ее десятка два зданий выстроены в национальном стиле. На широких просторных улицах много зелени. По периметру города расположено несколько специальных зеленых зон отдыха, где оборудованы различные аттракционы, спортивные площадки. С гордостью называли нам корейские друзья цифру 48. Оказывается, столько квадратных метров зеленых насаждений приходится сейчас на каждого жителя города.

Поражают темпы строительства. Вот одна из новостроек — лучшая столичная гостиница «Коре». Два ее сорокаэтажных корпуса соединены переходами, а наверху башен-корпусов разместились вращающиеся рестораны. В цокольной части гостиничного комплекса первоклассные бары, плавательный бассейн, еще один ресторан, помещения для игры в бильярд и настольный теннис, библиотека...

С трудом поверили, что построено это поистине уникальное здание всего за... год с небольшим! Сравнил его с нашей «Арктикой» и смутился: уж очень разнятся они и по темпам строительства, и по качеству отделки. Пхеньянские строители оказались тут выше на голову наших, мурманских.

Гостиница «Коре» — далеко не единственный в столице объект, который можно показывать самому взыскательному гостю. Мы побывали в пхеньянском Доме ребенка, в публичной библиотеке, в спортивном комплексе и во многих других

общественных центрах столицы, размеры которых и качество не уступают гостинице. И каждый из них был построен менее чем за два года. И по внешнему виду, и по отделке, и по устройству они превосходят аналогичные комплексы Мурманска да и многих других советских городов.

Естественно, нам захотелось узнать секреты пхеньянских строителей. Помог случай.

Как-то навстречу нам попала длиннющая колонна молодежи в одинаковой форменной одежде. Впереди шел оркестр. Над колонной — написанные от руки плакаты, национальные флаги.

— Куда это они? — спросили мы своего гида — руководителя одного из подразделений ЦТАК товарища Пака.

— На субботник, — ответил он. — Судя по форме — студенты.

Через несколько часов мы увидели их на стройплощадке неподалеку от советского посольства. Оркестранты во всю силу легких играли какой-то бравурный марш, под звуки которого молодые люди сноровисто доставляя снизу на верх кирпичи и раствор, мраморные пластины, другие материалы. Установленный рядом подъемный кран стоял без движения, как часовой на почетном посту. Сейчас новостройка в нем не нуждалась. Как, впрочем, и в других механизмах. Тысячи молодых людей, как муравьи облепившие здание, преобразовывали его на наших глазах.

Устали оркестранты — их сменила агитмашина, «крутившая» те же марши. А добровольцы, не зная устали, все снова ли и снова ли по лесам, неся на себе отделочные материалы.

Потом уже выяснилось, что и высотную гостиницу «Коре», и другие общественные здания, поразившие нас быстротой строительства, возводили таким же методом, конечно же, под присмотром опытейших специалистов. Зная это, мы уже не высказывали сомнения в реальности сдачи к весне начатых год назад олимпийских объектов Пхеньяна. При таком энтузиазме десятков и сотен тысяч людей любая задача по плечу.

Конечно, корейские товарищи понимают, что в наш технический век не дело так широко пользоваться тяжелым физи-

ческим трудом. Действовать так заставляют обстоятельства. Ведь не только Пхеньян — и другие города на севере Кореи были варварски разрушены американскими агрессорами. Восстанавливать из руин пришлось одновременно сотни промышленных предприятий, куда и направили в первую очередь технику и механизмы. Ведь чтобы быть независимым, надо иметь надежную промышленную базу. Теперь пришло время вплотную заняться решением жилищной проблемы. В стране уже создана сеть домостроительных комбинатов. Корпуса только смонтированных домов мы видели и в Кэсоне, и в Хамхыне, и в других городах. В Пхеньяне же целые кварталы таких домов ждут отделочников. Их не хватает. И тут как нельзя кстати помощь студентов и старшеклассников, в выходные дни добровольно идущих на стройки.

Организованность людей здесь поразительная. Даже школьников. Не раз и не два доводилось мне видеть колонны мальчишек и девчонок, марширующих по городским улицам. Одни строят идут в кинотеатр, другие — в загородный парк, третьи — на стадион. Корейские товарищи считают, что каждый житель страны должен состоять в одной из общественных организаций. Даже по месту жительства. Это, по их мнению, помогает воспитывать людей в духе коллективизма и патриотизма.

Хамхынские встречи

Хамхын — второй по величине город КНДР, центр ее машиностроения. Нам предложили здесь посмотреть завод, выпускающий оборудование повышенной единичной мощности.

— Считайте, что это младший брат «Уралмаша», — сказал заместитель главного инженера предприятия Пак Дэ Рин. — И не только по схожести профиля работы: рождением своим завод обязан Советскому Союзу.

До освобождения Кореи от японских захватчиков на месте нынешнего гиганта корейской индустрии были опытные мастерские. Убегая под натиском Красной Армии и партизанских

сил Кореи, японцы разрушили их. С помощью советских специалистов мастерские восстановили и оснастили новейшим по тем временам технологическим оборудованием. Как символ братства и дружбы народов наших двух стран хранят на заводе один из станков той поры, чудом уцелевший во время войны с американскими интервентами в начале пятидесятых годов и исправно действующий до сих пор. Тогда мастерские, преобразованные в завод, были снова разрушены. Потребовалось немало усилий, чтобы вернуть его к жизни.

— Первой продукцией завода после второго восстановления была... тачка, — рассказывал нам Пак Дэ Рин. — Потом с помощью братских социалистических стран и, прежде всего СССР, освоили выпуск небольших карусельных станков. Недавно перешли на производство более совершенного оборудования для народного хозяйства республики.

Сейчас промышленность КНДР на две трети оснащена станками отечественного производства. Многие из них выпущены хамхынскими машиностроителями.

Знакомимся с одним из них. Ли Гюн Соб — бригадир сварщиков, ветеран предприятия. Ему — пятьдесят шесть лет, из которых тридцать три отданы работе на заводе.

Как и многие его сверстники, Ли Гюн Соб был участником войны с американскими интервентами. За храбрость и мужество, проявленные в боях, имеет правительственные награды. В мирное время к ним добавились новые, в том числе — звезда Героя Труда Кореической Народно-Демократической Республики. Высшей наградой КНДР отмечен вклад рабочего в создание первого в стране сверхмощного пресса и химических реакторов.

— Когда государству трудно, наша партия обращается за советом к народу, — говорит Ли Гюн Соб. — Так было и с развертыванием борьбы за ускоренное развитие технического прогресса. Мы не только поддержали призыв создать собственный пресс-гигант, но и построили его без помощи иностранных специалистов. Тут отличились все — и рабочие, и инженерно-технические работники предприятия, и конструкторы, потому что мы знали: это крайне необходимо Родине.

Спрашиваю Героя, чтобы он сделал прежде всего, если бы вдруг оказался в СССР?

— Конечно же, посетил бы родственные заводы! — ответил Ли Гюн Соб. — В Советском Союзе есть чему поучиться, что перенять. Мы рады вашим победам в труде и желаем советским людям новых успехов во всем.

Многогранны деловые и политические связи между СССР и КНДР. Новый импульс в развитии их дал недавний визит президента КНДР, секретаря Трудовой партии Кореи товарища Ким Ир Сена в Советский Союз. В результате заметно усилилось научно-техническое сотрудничество двух наших стран, особенно в горнорудной промышленности, энергетике и машиностроении. С помощью Советского Союза на севере Кореи в ближайшие годы будут построены атомная и тепловая электростанции, новый горно-обогатительный комбинат, ряд других важных объектов, обеспечивающих реализацию взятого здесь курса на интенсификацию и реконструкцию производства.

Запомнилась встреча с работниками другого хамхынского предприятия — завода по выпуску минеральных удобрений. В сравнении с нашими гигантскими комбинатами этой отрасли здешний завод заметно проигрывает. Он выпускает за год всего 850 тысяч тонн удобрений — в основном суперфосфат и аммофоску. Но и этого хватает для разовой подкормки каждого второго гектара пашни КНДР.

И в строительстве завода, и в освоении сложного технологического оборудования участвовали советские специалисты. Наш опыт в этой отрасли интересен буквально каждому труженнику завода. Поэтому и не удивительно, что здесь почти каждый если не говорит по-русски, то хорошо понимает наш язык. Обошлись мы без переводчика и в беседе с заместителем главного инженера Чу Гил Сомом.

— Наши специалисты часто бывают на родственных предприятиях СССР, — поделился он. — Я лично ездил в Дрогобыч, где многое перенял у советских коллег. Особенно в деле борьбы с загрязнением окружающей среды.

Чу Гил Сом повел нас в цех аммиачной селитры. Ни дыма, ни пара не шло из труб, возвышающихся над крышей цеха. Дым здесь разделяют в специальной установке на составные части и перерабатывают, получая нитраты натрия, другие ценные компоненты. Практически чистой выходит с завода и вода, используемая в технологическом процессе. Перед сбросом в канализацию ее тщательно очищают, отбирая для повторной переработки все вредные химические вещества.

Гидом в цехе стал бригадир Ун Чжон Юн, тридцать лет проработавший здесь и отмеченный орденами за труд всех трех степеней. У него трое детей. Старший сын трудится вместе с отцом, младший — в армии, а дочь — школьница. Живут они в центре города. На работу — зимой и летом — ездят на велосипедах.

Ун Чжон Юн охотно рассказывает о себе, о своих товарищах по бригаде. А мы расспрашивали его не только о работе. Интересовались, как проводит досуг, чем питается, о чем мечтает. В свою очередь он расспрашивал нас о буднях и повседневных заботах рабочих советского Заполярья — края, для большинства корейцев неведомого, загадочного. И я, не скупясь на слова, поведал ему и другим участникам встречи о жизни работников родственных им предприятия — производственного объединения «Апатит». Дотошно расспрашивали меня хамхынские товарищи о структуре бюджета советской семьи, об общественных фондах потребления, профсоюзных здравницах и санаториях-профилакториях при предприятиях, о зарплате и премиальной системе. Много было для них вновинку, многое — непонятно, а потому об одном и том же рассказывать приходилось по нескольку раз, «приземляя» цифры и факты на здешнюю повседневность, чтобы можно было сравнить их, зримо представить советский образ жизни.

Интерес их к этой теме вполне объясним. Для Народной Кореи Советский Союз — образец общественного устройства жизни. Корейцы искренне радуются нашим успехам. Внимательно следят здесь за начавшейся перестройкой всей жизни в СССР, сулящей новые достижения в социальном развитии

общества. А это не может не радовать и не вдохновлять тружеников КНДР, избравших социалистический путь развития своего государства.

— Мы многим обязаны вашей стране, — сказал бригадир Ун Чжон Юн. — И память об этом навечно останется в наших сердцах. Прошу передать это всем людям страны великого Ленина.

Едем в деревню

Рядом с дорогой, которая связывает Пхеньян с Хамхыном, то и дело встречаешь похожие на казармы дома, огороженные довольно высокой стеной из глины и кирпича. Ни живности, ни деревьев, ни кустарников между домами-бараками нет. Лишь темные полосы чернозема вместо асфальта да копны сухой кукурузной соломы напоминают, что здесь какое-то сельскохозяйственное производство.

Так выглядит со стороны рядовая корейская деревня. Теснота домов — каждый на четыре семьи — объясняется острой нехваткой земли, пригодной для разведения риса, пшеницы, кукурузы — главных сельскохозяйственных культур республики. Поэтому каждый клочок земли даже возле дорог и на склонах гор, густо посеянных по всей стране, обухожен, обласкан руками удивительно терпеливых и трудолюбивых корейских крестьян.

Мы знали, что в сельском хозяйстве страны и сейчас есть немалые трудности, вызванные американской агрессией. Ведь интервенты, отступая, варварски уничтожили не только дома крестьян, но и все ирригационные сооружения, что повлекло засоление почвы и без того скупой на плодородие. По сути, все на селе пришлось начинать заново. Отсюда и скромность жилья большинства сельских жителей, необустроенность деревень.

Сейчас сельское хозяйство КНДР имеет довольно прочную материальную основу. Ирригационное строительство, развернувшееся особенно широко в последние годы, дало воз-

возможность покончить с засухой, нередкой в здешних местах, и наводнениями — извечными врагами корейского крестьянства. Интенсивно ведется освоение местной целины. Только одна из новых ирригационных систем, построенных за последнее время, обеспечила освоение свыше ста тысяч гектаров веками пустовавших солончаков.

Внедрение интенсивной технологии, базирующейся на передовой агрономии, современной селекции и механизации наиболее трудоемких работ, способствует быстрому росту производства сельскохозяйственной продукции. Риса, например, здесь получают в среднем по 70 центнеров с гектара — в шесть раз больше, чем в довоенное время. В пять раз возросли за это время валовые сборы зерна, поднялась продуктивность животноводства.

И все же зерновая и мясомолочная проблема, как это не раз отмечалось в партийной печати КНДР, полностью еще не решена. До сих пор в стране сохраняется нормированное распределение зерна и, в частности, риса — основного продукта питания корейцев. Как сообщили нам товарищи из ЦТАК, в среднем на каждого взрослого жителя села ежегодно выделяют по 260—280 килограммов риса, на детей — значительно меньше. Такие же нормы распределения риса и в городе. Разнообразят корейцы свое меню рыбой, которую ловят в прибрежных водах морей и разводят на внутренних водоемах, а также морской капустой, моллюсками и овощными культурами, из которых особенно популярна кинчи — местный сорт капусты. Остро наперченная и заквашенная кинчи хорошо сохраняется до весны. Мне она очень пришлась по душе, и я за все время нашей поездки просил ее на завтрак, обед и ужин.

Побывали мы и в деревне. Правда, не в рядовой, а образцовой — кооперативе «Вон Хво» уезда Пхе южной провинции. Главный агроном хозяйства Пак Жэ Ген, показывая современные коттеджи, в которых живут члены кооператива, сельский Дом культуры, просторную двухэтажную школу и мастерские, с гордостью говорил:

— Пока таких кооперативов немного, но партия поставила задачу по нашему образцу перестроить все деревни страны.

С каждым годом преобразуются наши села, и в этом мы видим все возрастающую заботу партии и правительства о тружениках села.

«Вон Хво» — первый в стране кооператив, основанный летом 1953 года лично товарищем Ким Ир Сенем, который с тех пор остается его почетным членом. Начали с объединения сил 36 беднейших крестьянских дворов. Сейчас в 14 селениях кооператива сотни домов. В хозяйстве главное место отведено разведению риса. Кроме того, выращиваем кукурузу, имеем свой фруктовый сад. Кооператив построил в соседнем уезде свою угольную шахту, решив таким образом топливную проблему.

Интересуемся, есть ли проблемы с кадрами.

— Были. Правда, только на первых порах, — вступила в беседу работница Хон Ын Сук. — Решить ее нам помог великий вождь товарищ Ким Ир Сен...

Решили просто. В кооператив направили двести парней, отслуживших свой срок в армии. Невесты нашлись в деревне для каждого. А парни, освоившие сельские специальности, стали отличными рисоводами, механизаторами, животноводами.

Правда, девушки чаще и чаще спорят с ними за право водить рисоводческие комбайны. Хон Ын Сук, избранная вожаком молодежи села, задает тут тон.

— Положение обязывает! — сказала она с улыбкой и, подумав, добавила. — А разве ваши девушки не такие?

Оказывается, Хон Ын Сук любит и часто смотрит советские фильмы, которые здесь демонстрируют по телевидению дважды в неделю. Особенно популярны фильмы предвоенной и военной поры, которые очень близки и понятны корейским товарищам.

Хон Ын Сук по случаю встречи советских друзей нарядилась по-праздничному: в ярко-зеленую кофту со значком Ким Ир Сена на груди и черную бархатную юбку. На ногах — красного цвета туфли на низком каблучке. Этот наряд очень шел ей. И мы, отдавая должное красоте девушки, спросили:

— Небось, нет отбоя от женихов?

Она смутилась и замолчала. А главный агроном кооператива товарищ Пак Жэ Ген, заступаясь за девушку, сказал:

— За любого мы ее и не отдадим...

Разговор перешел на личную жизнь селян. Нас интересовало, есть ли у членов кооператива свои приусадебные участки и личное подсобное хозяйство, из чего складывается доход крестьянской семьи и как расходуют его.

Как выяснилось, почти все сельские семьи обязаны ежегодно выкармливать одну-две свиньи или пару овец, которых потом сдают государству. Семья Хон Ын Сук, например, содержит в своем дворе поросенка и пять кур, несколько кроликов и... собаку.

— Ее-то зачем? — удивились мы.

Девушка снова смутилась. Потом сказала:

— А у нас собачек едят...

Оказывается, в пищу идут здесь не только собаки. Отменным кушаньем считаются блюда, приготовленные... из змей. Мы попробовали одно из них. Вполне съедобно. И даже вкусно, как уверял потом мой коллега. Я же осилил всего треть порции.

— Есть ли у вас мечта? — спросили мы Хон Ын Сук.

— Да! — ответила девушка. — Очень хочу служить в армии. И еще — выйти замуж за хорошего человека.

Мы искренне пожелали ей счастья и радости. Ведь желание-то ее так скромно, так понятно и молодым, и старым в любом уголке земли.

* * *

Уже перед самым отъездом на родину нас привезли на границу между Северной и Южной Кореей. Майор-пограничник провел в блиндаж, откуда через стереотрубу хорошо просматривается застава южан.

— Видите, какие там мощные укрепления? — сказал он, обращаясь ко мне. — Даже ракетная установка на нас нацелена.

Мне, бывшему артиллеристу, побывавшему и в роли помощника командира взвода разведки, было любопытно взгля-

нуть, а что же там, за разграничительной полосой между двумя государствами? Прильнув к окуляру прибора, рассмотрел не только плохо замаскированную ракетную установку и темные провалы амбразур нескольких дотов. Мое внимание привлекла необычно плотная стена кустарника чуть в стороне от дотов. Присмотревшись, увидел знакомые очертания пусковой ракетной установки.

— А вот еще одна! — говорю майору.

— Где-где? — недоверчиво переспросил тот и прильнул к прибору. Потом, не сказав ни слова, выскочил из блиндажа и побежал к оборудованному чуть ниже места, где мы находились, штабному зданию. Оттуда вернулся с подполковником. Оба еще раз посмотрели в прибор и подошли ко мне.

— Вы из КГБ? — спросил подполковник. — А какое у вас звание?

Мои объяснения, что я обыкновенный журналист, хотя и проходил срочную воинскую службу в артиллерийской части. Не знаю, поверили они мне или нет, только на следующий день сопровождать нас стали сразу два новых гида.

*Мурманск—Пхеньян—Мурманск
1986 год*

В АЗЕРБАЙДЖАНЕ

Дорога

До чего же ты необъятна и удивительна Страна Советов! Еще вчера в Мурманске нас основательно трепала невиданной силы снежная буря, а здесь, в предгорьях Кавказа, тепло и сухо. Не снег, а золотистая россыпь осенней листвы да нежная зелень озимой пшеницы на кажущейся бескрайной равнине украшали землю...

Потом пошли горы, чем-то напоминающие наши Хибины. Но горы бесснежные, по-осеннему пестро раскрашенные, с темно-зелеными островками кустарников субтропической зоны.

Утром, едва мы проснулись, проводница сказала:

— Вот и Азербайджан. Не правда ли, очень красивая местность?

Вроде все так же, как и вчера, на Кубани: синие горы на горизонте, пестрое одеяние придорожных равнин, пристанционные небольшие поселки. Но вот взгляд все чаще и чаще задерживается на рядах кипарисов, на плоских крышах глинобитных домов, спрятавшихся между такими же небольшими кирпичными и деревянными строениями. Промелькнула арба — колеса чуть ли не вдвое выше впряженного в нее ослика.

А вот и Каспий. Издали море кажется сине-зеленым. Как вежи — нефтяные вышки на нем. Стая гусей на лету выстраивается клином. У дороги — стада овец. Пастухи на конях, как изваяния.

Ослепительно светит солнце. Вдали в сизой дымке почти отвесные горы. У их подножия коричневатая с редкими круглыми и колючими кустиками обнаженная земля. Пустует.

— На метр копнешь — и соленая вода, — поясняет проводница. — А ниже — все нефть и нефть...

Может, она и переборщила, сказав так, но лес вышек, которые вдруг предстают перед нами, заставляют верить ей.

Вниз — вверх, вниз — вверх... Лениво качаются противотессы насосов, доставая из глубины «черное золото» земли — нефть.

Но не только нефть берут здесь у природы люди. На засоленных, выветренных участках равнины Прикаспия то и дело встречаешь работающие трактора. Азербайджанцы — трудолюбивый народ. С каждым годом растут площади обессоленных полей для выращивания хлопчатника, кукурузы, риса. А на склонах гор приволье для винограда, цитрусовых...

Мчится поезд, отстукивает колесами километры. Ярче стала окраска гор. Все больше и больше в ней цвета зелени. Мы приближались к Баку.

Баку

Баку — город ветров. Так говорят о нем старожилы и те, кто впервые сюда приезжает. Даже в дни, когда Каспий спокоен и отражает в своей сине-зеленой воде облака, в городе дует прохладный ветер. Наверное, потому и в тридцатиградусную жару на улицах древней столицы Азербайджана свежо и приятно.

Есть у Баку и другое название. Город огней — так еще в древние времена отзывались о нем путешественники. Помните, у знаменитого русского землепроходца Афанасия Никитина в книге «Хождение за три моря» есть лаконичная фраза о том, что в Баку огонь горит неугасимый.

Конечно, Афанасий Никитин имел в виду не нынешние огни. Его поразило вечное пламя над газовыми расщелинами береговых скал, охраняемое огнепоклонниками. Но газовый факел не редкость и ныне.

...В первый же день пребывания в Баку мы решили подняться в Нагорный парк. Слышали: с верхней его площадки, где высится памятник пламенному трибуну революции Сергею Мироновичу Кирову, город виден, как на ладони.

Был вечер, по-южному темный и теплый. Яркая россыпь огней бесконечной узорной цепочкой переливалась внизу перед нами, опоясывая крутую дугу берега. Мне сразу вспомнился Мурманск. В полярную долгую ночь он также призывно сверкает огнями, очерчивая своеобразный профиль Кольского залива. Но здесь огней было намного больше. Да и светились они, казалось, ярче ...

Потом мы смотрели отсюда на город днем. И удивлялись: до чего же мал опоясанный крепостными стенами феодальный Баку, как мелка и скученна застройка капиталистического Баку в сравнении с Баку советским, продолжающим стремительно расти.

Секретарь Центрального Комитета Компартии Азербайджана Д. Гулиев на встрече с журналистами, приехавшими сюда на Всесоюзную научно-практическую конференцию по проблемам технического прогресса, рассказал, в частности, что

сейчас Баку — город с миллионным населением. Это не только столица Советского Азербайджана, республики нефти и хлопка, город, заслуженно гордящийся своим героическим революционным прошлым. Старейшему центру отечественной нефтяной промышленности Баку по праву принадлежит видное место и среди важнейших культурных центров Союза ССР, идущему навстречу своему 50-летию.

Мы убедились в этом. В городе около десяти театров, много Дворцов культуры и клубов.

Побратим Кандалакши

Он поражает своей необычностью. Еще издали замечаешь почти фантастические конструкции нефтехимического завода, множество труб — высоких и низеньких.

Это — Сумгаит, молодой город металлургов и химиков. Совсем недавно он был одним из районов Баку. В самостоятельный промышленный центр союзного значения город превратился благодаря сооружению в нем мощного нефтехимического предприятия и алюминиевого завода, бурный рост которых и определяет развитие города.

Я приехал сюда, чтобы встретиться с металлургами. Вот уже несколько лет сумгаитские металлурги дружат и соревнуются с металлургами заполярной Кандалакши. Опыт северян солиднее, производство отлаженное, поэтому они — частые гости в городе азербайджанских творцов «крылатого металла», учат их мастерству, щедро делятся знаниями.

...Рассчитывал угадать к пересменке. И просчитался. Живут-то здесь, оказывается, по местному времени. А оно на час отличается от московского.

— Вот незадача! — сетовал я у проходной. — Этак с живыми металлургами не встретишься...

— А вам, собственно, кого нужно? — подошел ко мне молодой человек в черном плаще-болонье.

Я объяснил.

— Э-э! не стоит расстраиваться!

Самед, как представился он, оказался работником этого предприятия, добавлю, весьма энергичным. Испробовав все дозволенные средства провести меня в цех, он, наконец, махнул рукой и сказал:

— В Кандалакше, в цехах алюминиевого завода, бывал? Ну так у нас почти все такое же. Ведь у них мы учимся... Лучше давай я город тебе покажу.

По дороге разговорились. Самед был в курсе многих дел своего предприятия, говорил о нем с гордостью и охотно. И было очень приятно, что в разговоре он часто ссылался на наш заполярный край, на друзей-кандалакшцев.

— Я еще не был у вас на Севере, — говорил Самед. — Но слышал о нем от других. Адиля Мамедова знаете? Наш главный инженер. Он в числе первых ездил к вам в Кандалакшу за опытом. И Бахид Байрамов, и Тофик Гасанов бывали там. Учились работать на электролизерах с мелкой шахтой. Хорошо учились! Теперь сами учат других, стали руководителями...

Помолчав, добавил:

— Ты, друг, когда будешь на КАЗе, привет металлургам от нас передай. И скажи им, пусть приезжают чаще. Друзьям мы рады.

Я обещал выполнить эту просьбу.

Встреча с историей

Далеко от Азербайджана до Кольской земли. Тысячи верст разделяют портовые города Баку и Мурманск. Но неразрывными нитями дружбы давно и прочно связаны мурманчане и бакинцы.

На красивейшем Приморском бульваре увидел я галерею Героев. Портреты знатных земляков-бакинцев, отличившихся в годы Великой Отечественной войны, установлены здесь. И среди них — портрет Павла Дмитриевича Климова. Это тот самый младший лейтенант Климов, сражавшийся с фашистами в Заполярье. 309 раз вылетал он на боевые задания

и первым на Севере сбил немецкий бомбардировщик в условиях ночи.

За боевые подвиги в марте 1943 года П. Д. Климов удостоен звания Героя Советского Союза. Он служит Родине и сейчас. Младший лейтенант Климов ныне гвардии полковник...

Обо всем этом я узнал из подписи под фотографией героя. А чуть позже мне стало известно, что неподалеку отсюда, на улице Лейтенанта Шмидта, живет известный всему Баку человек — старый коммунист Иван Егорович Гандюрин. В партию Ленина он вступил еще в 1905 году. Был боевым соратником 26 бакинских комиссаров, знал лично всех. В том числе и комиссара Полухина, имя которого многое говорит тысячам мурманчан.

Признаюсь, я очень волновался, когда шел на встречу с этим человеком. Как-то он примет меня?

Выручил земляк Ивана Егоровича, журналист из мордовского города Рузаевка, родины Гандюрина. Он уже бывал у него и шел как старый знакомый.

Встретились просто. И сразу разговорились. Иван Егорович, несмотря на свои 88 лет, оказался довольно бодрым и энергичным.

— Помните ли вы комиссара Полухина? — задал я вопрос.

— Это морячка-то? — Иван Егорович улыбнулся. — Ну как же, помню. Хороший был человек, веселый.

Он вдруг посмотрел внимательно на меня из-под косматых седых бровей и спросил:

— Постой-ка, дружок. Так ты, говоришь, из Мурманска?

И разговор пошел о том, как комиссар Полухин вместе с другими моряками-балтийцами во время революции оказался у нас на Севере и активно участвовал в борьбе за установление советской власти на Мурмане. Позднее по заданию партии большевиков был направлен в Закавказье, стал одним из знаменитых бакинских комиссаров и погиб там от руки врагов революции.

— Мурманчане не забыли о комиссаре Полухине, его именем названа улица в нашем городе, — сообщил я Гандюрину.

— Очень хорошее дело, — сказал старый большевик. — Он достоин такой памяти. А мурманчане, видимо, очень сильные люди, коли обжили такую суровую землю. Поклон им от меня.

И опять стучали колеса вагонов. Радио сообщало о том, как мурманчане справляются со стихией. А в скверике у бакинской гостиницы «Азербайджан», где жили мы эти дни, по-прежнему зеленела трава и в открытом бассейне лениво плавали золотые рыбки...

Да, велика ты и удивительна, Страна Советов, если в течение какой-то недели можно встретиться на твоих просторах с бушующей снежной бурей и золотой ранней осенью. Если и в Заполярье, и на берегу теплого Каспия живут люди, которым подвластна сама история...

*Мурманск – Баку – Сумгаит – Мурманск
Февраль, 1972 г.*

ЗНАКОМИМСЯ С НОРВЕГИЕЙ

Церемония перехода границы оказалась на удивление простой и будничной.

Полосатые шлагбаумы по обе стороны ее поднялись одновременно, и советский офицер-пограничник, ободряюще улыбаясь, сказал нам:

— Пожалуйста, проходите!

И мы пошли навстречу так же приветливо улыбающемуся норвежскому пограничнику.

Мы — это двенадцать ребят из восьмой Мурманской детско-юношеской спортивной школы и четверо взрослых. Цель поездки в Северную Норвегию — участие в юношеском футбольном турнире, посвященном 50-летию местной футбольной ассоциации. А где спорт — там дружба. И мы с полным правом можем сказать: хозяева турнира сделали все, чтобы встречи юных спортсменов стали еще одним шагом к сближению и упрочению наших добрососедских связей.

«Лэвэ фрэдэн!»

Из школьных учебников и из газет знали ребята, что Норвегия — участница агрессивного блока НАТО, что на ее территории размещаются базы американских войск. Но знали они и то, что сорок лет назад Северную Норвегию от фашистских захватчиков освободила Красная Армия. Благодарный норвежский народ в знак признательности установил в Киркенесе памятник советскому воину-освободителю.

К нему-то и поспешили прежде всего юные мурманчане. Приятно им было увидеть чисто убранную площадку и цветы у памятника. По утрамбованной земле возле памятника можно судить, что люди бывают здесь часто. Будто для подтверждения этого — возле нас остановилась машина, из которой вышли двое пожилых людей. Медленно обошли они памятник, потом встали напротив него и, склонив головы, на минуту замерли. Я торопливо защелкал фотоаппаратом, боясь спугнуть эту застывшую в скорбном молчании пару. С любопытством разглядывали ее и наши ребята. Было видно, что русская речь у памятника русскому воину взволновала этих людей. Мужчина, подняв в приветствии руку, сказал: «Лэвэ фрэдэн!» (Да здравствует мир!) Потом также неторопливо они вернулись к машине и уехали. По номеру автомобиля наш гид Бьерн Хельвальд определил: машина из Осло. Значит, не только жители Киркенеса приходят сюда. Значит, о том, кто принес им свободу, помнят многие в этой стране.

Праздник в Санднесе

Перед поездкой я прочитал в одном из норвежских журналов заметку жителя Киркенеса Гарольда Тундстанда о событиях 40-летней давности. Рядом с портретом автора был помещен снимок уже потускневшего текста объявления на русском языке, в котором говорилось, что киркенесское спортивное общество приглашает военнослужащих Красной Армии при-

нять участие в кроссе на 20 километров. Известалось, что старт будет дан на перекрестке дорог возле местечка Санднесс ровно в 12 часов по местному времени.

Автор рассказывает, что это первое после освобождения Северной Норвегии спортивное соревнование вылилось в настоящий праздник. Тогда, в апреле сорок пятого, на старт вышли все, кто имел лыжи. Победил наш земляк, бывший чемпион Праздника Севера Александр Торопов. Вторым был тоже мурманчанин Александр Орлов. Гаральд Тундстанд, считавшийся одним из сильнейших гонщиков Финнмарка, финишировал тогда четвертым.

Не ручаюсь за точность перевода, но смысл заметки в журнале мне абсолютно ясен. Ветеран спортивного движения Норвегии выступал за развитие связей с Советским Союзом, за укрепление контактов между спортсменами и всеми жителями северных районов наших стран. И мне показался глубоко символичным тот факт, что юные футболисты, с которыми я приехал в Киркенес, выступали на полевым стадионе в том же местечке Санднесс, где в сорок пятом был проведен первый спортивный праздник на освобожденной земле Норвегии.

Ни гид, ни сами организаторы турнира юных футболистов не связывали между собой эти два события. Но ведь вовсе и не обязательно кричать об этом на всех углах. Тем более, в стране, где до недавнего времени каждого, кто в годы Великой Отечественной войны сотрудничал с Красной Армией, с СССР, подвергали преследованиям. И это не мои предположения. Об этом открыто сказано в книге норвежского журналиста Хьелля Фьертфота «Маленькая Москва», изданной недавно в Осло. С одним из героев ее нам удалось встретиться в Киркенесе.

«Я ненавижу фашизм»

Эйлифу Далу было двадцать, когда его родину оккупировали немецко-фашистские войска. Сыну коммуниста, симпатизирующему большевикам России, опасно было оставаться

дома. И он вместе с другими такими же патриотами Норвегии вынужден был эмигрировать в СССР.

Шла война. Под гнетом фашистов находилась и родина Эйлифа. Разве мог он быть равнодушен к ее судьбе? И стал рабочий парень из Киркенеса бойцом Сопротивления. В специальном разведывательном отряде Северного флота Эйлиф выучился на радиотелеграфиста. С группой других патриотов он был доставлен в Норвегию, откуда в течение нескольких месяцев передавал в Мурманск важные данные о дислокации и передвижении войск противника.

После освобождения Киркенеса Э. Дал вернулся в свой город. Вернулся как герой. Ведь и он внес вклад в победу над нашим общим врагом. И встречали его повсюду сначала как героя. Но вскоре все изменилось. В мире началась новая война — война холодная. Реакционные круги Норвегии, взявшие верх в своей стране, стали преследовать всех, кто выступал за мир, за добрососедские отношения с Россией. Первыми в списках таких людей стояли бывшие партизаны, герои Сопротивления. На них-то прежде всего и обрушился гнев реакции.

Как кошмар вспоминает те годы Э. Дал. Ему доставалось больше других. Ведь он вернулся из СССР, боролся с фашистами вместе с советскими людьми. У недобитых местных фашистов, против которых он воевал, были серьезные основания преследовать его. Но все выдержал боец-интернационалист. Пришло время, и норвежское правительство вынуждено было признать, что, действуя на стороне Красной Армии, Эйлиф Дал и другие его соотечественники действовали в защиту своей родины, что и они приблизили час освобождения Норвегии от фашистских захватчиков. Через сорок лет после начала Второй мировой войны Э. Дал получил заслуженный им орден и военную пенсию.

Он принял нас у себя дома. Принял как дорогих и желанных гостей. Рады были советским друзьям и близкие Эйлифа — жена Фанни, дочь Анна и внучка Марьяна, приехавшие к родителям из столицы, где постоянно живут. На прощание

Фанни Дал открыла давно бездействующий электроорган и проникновенно исполнила песню Грига о дружбе между людьми...

«Русские спасли нас»

Отступая осенью сорок четвертого под натиском Красной Армии, гитлеровцы сжигали дома норвежцев, а их угоняли в тыл. Спасаясь от немцев, многие жители Киркенеса и соседних деревень укрылись в тоннелях шахты местного горно-обогатительного предприятия. Мирное население даже не знало, что все подходы к шахте фашисты заминировали, а у входа в нее заложили взрывчатку, чтобы в последний момент уничтожить всех, кто укрылся под сводами горных выработок.

Дьявольский план фашистов сорвали советские воины. И этот факт из истории Киркенеса, из памяти норвежцев никак не зачеркнуть, хоть и пытались сделать это не раз враги разрядки, враги добрососедских отношений Норвегии и СССР.

— Русские спасли нас, — говорит Херберт Рандал, один из руководителей местной футбольной ассоциации и организатор первого юношеского турнира в Киркенесе. — Разве забудешь такое?!

Сам Херберт не помнит встречи советских воинов с жителями Киркенеса: он — один их тех, кто родился в штольне в дни штурма города Красной Армией. Но это помнят другие норвежцы. С одним из них, служащим городского плавательного бассейна Ингэ Андреассеном, я встретился в дни пребывания в Киркенесе.

— Мне было тогда семнадцать лет, — вспоминает он. — Мы с отцом оказались как раз на ничейной полосе — между наступающими русскими и обороняющимися немцами. Бой был ужасный. Все грохотало вокруг нас. И мы, вжавшись в землю, ждали смерти. Вдруг рядом с нами упал человек в телогрейке и в шапке-ушанке с красной звездой. Весь он был в грязи и показался мне очень страшным. Оглядываюсь, а рядом два

гитлеровских солдата. Их автоматы направлены в нашу сторону. Ну, думаю, отжил свое!

Только поторопился я умирать. Иван, так мы потом меж собой называли того солдата с красной звездой на шапке, вскочил и ударил первого немца прикладом, а второго — ногой. Не знаю уж как, но прикончил он их обоих и растворился среди наступающих русских. Лица его я не помню, но кажется он мне похожим на того бронзового советского солдата, что поднялся над нашим городом.

Да, нелегко пришлось красноармейцам, штурмовавшим Киркенес. Немцы заранее укрепили не только подступы к нему, но и господствующие над городом сопки. На вершину одной из них нас привел гид — механик местного гаража Бьерн Хельвольд. Даже спустя сорок лет после тех событий чувствуешь здесь, какая мощная оборона была у гитлеровцев. Ведь до сих пор на вершине горы сохранились бетонные бункеры, подземные переходы между орудиями и башней, на которых тогда стояли тяжелые корабельные орудия. Стволы орудий были повернуты на восток, а наши бойцы, обойдя город, пробились к сопке с запада. Нам говорили, что путь этот им показали норвежцы.

Дружить — так дружить!

Турнир — турниром, а посмотреть на жизнь киркенесцев, так сказать, изнутри, не мешало бы. Так рассуждали не только взрослые члены нашей спортивной делегации, а и юные мурманчане.

— Что хотите — то и смотрите, — сказали нам гостеприимные хозяева. И мы пошли на местное горно-обогатительное предприятие.

Я часто бываю на родственных предприятиях нашей области, знаю специфику и особенности их работы. Поэтому с любопытством и интересом знакомился с оборудованием Киркенесской обогатительной фабрики, с организацией производ-

ства. Должен сказать, похвастать хозяевам было нечем. На предприятиях нашей области все поставлено не хуже, чем у них, а на АНОФ-2 — гораздо лучше. Знают ли об этом руководители предприятия?

— Да, мы наслышаны о ваших новых заводах, — сказал директор комплекса Алф Виктор Ларсен. — Давно мечтаю съездить к вам в Никель и Апатиты. Там, говорят, есть чему поучиться.

Выяснилось, что фирма, в состав которой входит и киркенесское производство, большую часть продукции отправляет на экспорт — в Англию, ФРГ. Для себя же Норвегия закупает железный концентрат в Советском Союзе. Не чей-нибудь, а наш, ковдорский, славящийся высоким качеством.

Алф Виктор Ларсен — страстный болельщик своей футбольной команды. Я видел его среди тех, кто приехал на поле-вой стадион в Санднесе, где проходили игры юных футболистов. Слышал и то, что он участвовал в финансировании этого турнира. Ведь приглашенных на игры юных спортсменов надо было кормить и поить. А питание в Киркенесе, как и по всей Норвегии, очень дорого. Вот и «скинулись» местные меценаты на финансирование турнира. Рекламу ему обеспечила местная газета. Мои норвежские коллеги не покупались на краски и при описании наших встреч. Но в основном — положительно.

На встрече с юными спортсменами — участниками турнира — директор местного издательства Арне Шистад сказал:

— Хотя в ряде районов мира сейчас ведутся бои, и бойкоты разного рода отравляют нам жизнь, спортивные встречи все же сближают людей. Особенно молодых. И мы поэтому очень признательны юным спортсменам Мурманска, согласившимся на участие в нашем турнире.

О необходимости укреплять добрососедские связи, не только спортивные, но и экономические, культурные, говорил на этой встрече и заместитель мэра Киркенеса Халвар Квамсдал. Он ратовал прежде всего за то, чтобы дружили юные киркенесцы и мурманчане.

— И мы — за это, — ответил за всю команду Сергей Смирнов, девятиклассник 46-й мурманской средней школы, когда его неожиданно попросили высказаться на встрече с руководителями муниципалитета. — Уж если дружить — так дружить!

Расстались друзьями

Три дня — совсем малый срок, чтобы все узнать о соседях, все посмотреть. Даже если тебе создают для этого хорошие условия. Но эти три дня мы использовали сполна. До глубокой ночи (ребята, естественно, спали) вели мы, взрослые члены делегации, беседы с организаторами турнира. Хеберт Ранда, председатель футбольной ассоциации, Руналд Йоханнессен — тренер команды восточного Финмарка и другие по несколько раз переспрашивали наши ответы о жизни советских людей, о том, как организовано в Мурманске обучение и физическое воспитание детей, о материальной обеспеченности родителей юных спортсменов. Удивлялись и не сразу верили тому, что заботу о подрастающем поколении взяло у нас на себя государство, что усилия профсоюзных и молодежных организаций СССР направлены на воспитание физически закаленных и всесторонне развитых детей.

Много, очень много непонятого для них было в наших ответах. Вернее, непостижимого. Ведь они живут в совсем иной обстановке, где с малых лет учат детей делать свой бизнес. (Кстати, я подружился на стадионе с двумя десяти-, двенадцатилетними норвежками, бойко торгующими домашними сэндвичами и кока-колой по цене, несколько превышающей общепринятую. Выручка от продажи шла им. И надо было видеть, с какой гордостью они подбивали итоги своей торговли, как радовались удачно закончившемуся дню!)

Задавались и нам вопросы, вызывающие недоумение, кажущиеся нам дикими: почему, мол, в СССР преследуют евреев, почему заставляют всех быть коммунистами и т. д. Об этом,

говорили они нам, пишут в норвежских газетах и сообщают по радио. Пришлось терпеливо рассказывать об истинном положении дел, приводить примеры из собственной жизни. Собеседники верили и не верили. Хотели верить и сомневались. Проверяли нас, задавая один и тот же вопрос в отдельности каждому. Убеждались и снова спрашивали. До самой границы, куда приехали провожать.

Расстались друзьями. До новых встреч, одна из которых будет в Мурманске. В конце июля сюда приедут взрослые футболисты. А вместе с ними и некоторые из активистов Киркенесского спортивного общества.

*Мурманск—Киркенес—Мурманск
Июль, 1984 г.*

ПО ДОРОГАМ ФИНЛЯНДИИ

Красавец-олень с большими ветвистыми рогами на лобастой голове настойчиво пробует крепость изгороди из проволоки, которая протянулась с той стороны границы между СССР и Финляндией. Всем своим видом олень показывает, что там, за колючей оградой, жить ему надоело, что хочется попасть в тундру на просторы Кольского полуострова, зачем только поставили на пути эту колючую преграду.

— Настырный зверюга! — восхищенно говорит молодой сержант-пограничник, несущий дежурство на КПП «Лотта». — Уж сколько раз отгоняли его от проволоки финские пограничники, а он все рвется сюда...

С площадки у КПП, где мы ждем проходящих таможенный досмотр товарищей, хорошо видна финская застава, далеко вглубь просматривается редкий сосновый лес и блестящая от дождя асфальтовая дорога. Пройдет каких-то полчаса и мы, группа профсоюзных активистов из Мурманской области, покатаем по ней в столицу финской Лапландии — Рованиemi.

А пока — все внимание на красавца-оленя, то и дело пробующего крепость изгороди. Доводилось мне и раньше видеть крупных самцов, верховодящих в многотысячном стаде оленей. Но они были все вместе, не выделялись, и потому не остались в памяти. Этот же словно позировал перед нами, гордо откидывая назад ветвистую голову и выпячивая широкую грудь. Он то ударял рогами по проволоке, то замирал на месте, картинно поднимая одну из передних ног. А тогда начинало казаться, что видим мы не живого оленя, а изваяние.

Не один уже месяц прошел с этой встречи у КПП, а олень так и остался в памяти у меня. Наверное, отчасти потому, что и потом, во время поездки по финскому северу, нам доводилось неоднократно встречать десятки других сородичей того дикого красавца с КПП и сотни, если не тысячи, стилизованных изображений оленей на одежде взрослых и маленьких финнов. Олень этот словно сопровождал нас в поездке по всей Лапландии.

* * *

Дороги Финляндии... Сколько восторженных отзывов слышал о них от своих земляков, побывавших в этой стране! И вот появилась возможность проверить их впечатления на себе. Должен сказать, содержат дорогу здесь чуть ли не в идеальном порядке. Выбоины на трассе — редкость. Обочины обихожены. Мосты и водопроводные устройства будто только что сданы в эксплуатацию. Очень удобны развязки на месте пересечения трасс.

Казалось бы, на прямых, как стрела, магистралях можно лететь со скоростью свыше ста километров.

Однако ни наш автобус, ни легковые машины, идущие нам навстречу, явно не спешат. Сначала я думал, что объясняется это сверхосторожностью и дисциплинированностью водителей. Потом понял, что есть для такой спокойной езды и другие причины. Финские дороги — значительно уже тех магистралей, к которым привыкли мы у себя в России. А на мостах,

например, одной из встречных машин приходится останавливаться, чтобы другая могла пройти, не задев ее. Чуть зазевался и столкновения не избежать. Вот потому-то и осторожничают водители.

Думается, на широте дорог сказались и чисто экономические соображения. Уже дорога — меньше затрат на ее строительство и уход. А приученные к порядку практичные финские водители и на такой трассе поберегут себя и машины, не станут лихачить, как это делаем зачастую мы у себя на своих широких, хотя и не так уж отменно ухоженных магистральных родной стороны.

Неотрывно гляжу в окно автобуса. И отсюда, если смотреть повнимательней, можно увидеть многое. Увидеть — и оценить.

Вот мелькнул в стороне хуторок. Жилой, ярко раскрашенный дом и рядом — несколько хозяйственных пристроек. Тут же, лениво пожевывая жесткую траву, пасутся коровы.

Типичное фермерское хозяйство.

Судя по ухоженности земли, аккуратно заскирдованному суну и соломе, а также стоящим под навесом сельхозмашинам, — хозяйство процветает. Ну а вот и следы явной бедности. На соседнем хуторе и дом поскромнее, и постройки уже обветшалые. Вместо упитанных породистых коров на площадке возле них пасется стайка тощих овец.

Почему в ваших деревнях не видно молодежи? — спрашиваю нашего гида, руководителя губернского совета профсоюзов Елсе Мойланен. — Я слышал, что фермерская работа в Финляндии очень престижна...

Была престижной, — сказала госпожа Мойланен. — Сейчас молодежь у нас из деревень уходит в город. Нас это очень волнует, но остановить такую миграцию населения мы не в силах.

Вспомнился разговор с пожилым финским Фермером Матти Салвонекком, приехавшим в Мурманск несколько лет назад. Мы были тогда с ним на животноводческой ферме совхоза «Туллома» и в Мурманском тепличном комбинате. Увидев

здесь много молодых людей, господин Салвонек с грустью сказал: «А вот мои сын и дочь не захотели остаться в деревне — оба уехали в город. Нам с женой стало трудно ухаживать за своими четырнадцатью коровами. Хозяйство приходит в упадок и как обидно, что наша фермерская династия кончается на мне».

Он был из этих же мест, и, возможно, его запустелую ферму видели мы из окна автобуса, проезжая по трассе Мурманск—Рованиemi.

Трудолюбие, жизнерадостность жителей финской глубинки не могут не восхищать. Даже в суровых условиях Севера умудряются они выращивать хорошие урожаи кормовых культур, получать высокие надои молока. Приспособились даже в дождь заготавливать сено на месте. Для этого на своих земельных участках фермеры делают что-то похожее на наши поморские вешала. Сырую траву раскладывают на них так, чтобы она постепенно подвяливалась. Потом эту еще зеленую массу складывают под навесом, продуваемым ветром. Сквозняки не дают селу слеживаться и преть, оно сохраняет питательность до весны.

Как видите, все очень просто и гарантирует обеспеченность сеном фермерские хозяйства в любых погодных условиях.

Подумалось, не у поморов ли Русского Севера позаимствован этот опыт? Ведь и сейчас в глухих деревнях Беломорского побережья сено заготавливают таким же способом. А обжиты эти районы куда раньше, чем финская Лапландия.

* * *

На севере Финляндии, как и на всем Скандинавском Севере, нет крупных городов. Причина тому — отсутствие в недрах больших залежей минерального сырья. Зато здесь хорошо развита местная промышленность, создана сеть туристических организаций, приносящих серьезный доход хозяевам.

Километрах в сорока от границы гид нашей группа госпожа Е. Мойланен с гордостью показала нам сказочный городок, приютившийся в придорожном лесу на берегу красивого озера.

— Это одна из крупнейших туристических баз на севере Лапландии, — сказала Е. Мойланен. — Здесь круглый год принимают гостей из всех уголков земли.

По флагам, вывешенным у входа на базу, можно определить, посланцы каких стран находятся здесь сегодня.

Никаких громоздких и ультрасовременных гостиничных комплексов из стекла и бетона мы тут не увидели. Небольшие деревянные домики, стилизованные под жилища саамов и финнов, удобная спортивная площадка — вот, пожалуй, и вся база, правда, каждый здесь отдыхающий может и порыбачить, и походить на лыжах, и вкусно пообедать: сервис на базе отменный. Хоть и обходится пребывание здесь в копейчку, но люди охотно едут сюда — за экзотикой.

Настоящее же паломничество туристов из многих стран мы увидели на базе неподалеку от Рованиеми.

База построена на границе линии Северного полярного круга. И каждый, кто приезжает сюда, не только фотографируется на память у символической линии Северного полярного круга. Нельзя уехать отсюда, не взяв на память хотя бы один из множества вам предложенных сувениров, не побывав в гостях в Тонттуле у финского Деда Мороза и не послушав концерт механических кукол-гномиков.

Я сравнил это место с тем, что видел не раз у нас, на границе Карелии и Мурманской области. В сотни раз красивее такая местность у нас, чем в районе Рованиеми. Тут сказочной красоты озеро и чудесная речка, и сопки, утопающие в зелени сосен. Есть и площадка для размещения целого туристического городка. Но ничего кроме убогого знака, напоминающего всем проезжающим по дороге из Мурманска в Ленинград, что они пересекли Северный полярный круг, здесь нет. Неужто не понимают руководители туристических служб Мурманской области, что на базу, будь она здесь построена, хлынут потоком туристы со всей страны. Расходы не только окупятся, но и дадут колоссальную прибыль. Если, конечно, взять здесь на вооружение хотя бы частично опыт предприимчивых соседей — туристических фирм Финляндии.

Побывать в стране и не пообщаться с местными жителями — значит не узнать как следует и самой страны и ее людей.

Мы сразу же по приезде в Рованиemi сказали об этом руководителям профсоюзного центра губернии и попросили о встрече с такими же профсоюзными активистами, как и мы, в неофициальной обстановке. И нашу просьбу учли. Буквально на следующий день всю группу привезли на загородную базу отдыха профсоюзного центра.

И внешне, и по внутреннему устройству база напоминает подобные профсоюзные базы отдыха мурманских предприятий. Здесь одновременно отдыхает всего пятьдесят человек, в основном, престарелые профсоюзные активисты и малооплачиваемые рабочие, для которых поездка хотя бы в южный санаторий Финляндии очень обременительна. На встречу же с мурманчанами здесь собрались профсоюзные активисты со всей округи. Многие пришли сюда семьями, с маленькими детьми.

Едва наш автобус остановился, как на площадке перед входом в главное здание базы заиграл аккордеон. Знакомая с детства мелодия «Подмосковных вечеров» как-то сразу сняла напряжение, и мы подхватили начатую финнами песню. Так под музыку и вошли в зал — на обязательное и предусмотренное ритуалом слушание рассказа руководителя базы о том, как и что здесь делается для блага трудящихся. Рассказ был короткий и сопровождался показом слайдов. Боясь утомить гостей, хозяева повели нас в клубное помещение, где уже ждали накрытые к праздничной трапезе столы. «Командование парадом» приняла все та же Елсе Мойланен, опекавшая нашу группу с самой границы. Она предоставила слово высокому художавому человеку с костылем и тростью в руках. Я сразу узнал Сеппо Термяля — одного из руководителей профсоюзного центра Лапландии, несколько раз приезжавшего в Мурманск. Сеппо, как выяснилось, недавно сломал ногу и находился в больнице. Приезд делегации профсоюзных работников из Мурманска, которых так ждал, заставил его забыть о врачах и о боли.

И в выступлении Термьяля чувствовалась особая теплота. А говорил он о том, что граница не может и не должна быть помехой для дружбы, сотрудничества и просто встреч уважающих друг друга людей, живущих одними интересами, одними заботами — как сохранить мир на земле. О вкладе профцентра Лапландии в это дело и рассказал выступающий.

Практичность и тут сказалась в отдельных высказываниях С. Термьяля. Не от себя же лично и не от имени профсоюзного руководства провинции ратовал он за усиление экономического сотрудничества с СССР. В частности, за участие в широко известном за рубежом крупномасштабном Кольском проекте.

Этот проект, определяющий долгосрочную программу комплексного использования минерального сырья Кольского полуострова, заинтересовал круги Скандинавских стран. Финская фирма «Оутокумпу» уже заключила договор с советской стороной об участии в реализации этого проекта. Ведутся переговоры с фирмами Швеции и Норвегии. Свою долю от этого «жирного пирога», намекал С. Термьяля, хотели бы получить и лапландские предприниматели, интересы которых он отчасти представлял сейчас.

Собственно, Сеппо Термьяля и не скрывал этого, когда веселье уже шло вовсю, он отозвал меня в сторону и без обиняков стал расспрашивать о возможностях непосредственного участия мелких фирм Северной Финляндии в Кольском проекте.

— Это можно считать как официальное обращение? — спросил я его, доставая свой репортерский магнитофон.

— Да! — ответил С. Термьяля, чуть замявшись.

— Тогда говорите. Я передам ваши предложения председателю Мурманского облисполкома.

В беседу включились Майбу Каасинен, представленный нам как руководитель рованиемской городской профсоюзной организации и еще несколько человек. Однако наш разговор вскоре прервала Елсе Мойланен.

— Дела все — потом! — заявила она. — А сейчас всех прошу отдохнуть.

Аkkордеонист заиграл вальс. Наиболее смелые мурманчане, галантно раскланявшись, пригласили на танец дам. Кто — землячек, а кто — и финнок. Мы с Елсе тоже вошли в круг.

Как жаль, что не знаю финского языка! Ведь лучшего времени для обмена мыслями вряд ли еще найдем. Вижу, что и моя партнерша переживает. Объясняем кое-как, используя русско-немецкие слова и ведь понимаем друг друга — вот что удивительно!

— Танцы — удел молодых, — сказала Елсе. — А вас я — хотите — научу жарить сардельки...

Не дожидаясь согласия, потянула к камину. И вот уже нацепив на железный шампур сардельку, показывает, как надо использовать для обжаривания ее весело поблескивающие угольки каменного очага.

Признаться, кушанье получилось отменным. Я, спеша закрепить урок, стал тут же делиться опытом со своими коллегами...

В блокноте после той встречи на базе остались несколько адресов и телефоны финских товарищей, с которыми познакомились здесь и с которыми мне бы хотелось встретиться еще раз.

* * *

Не зря говорят, что мир тесен!

Как-то в гостинице к нам подошел показавшийся знакомым молодой человек. На сносном русском языке представился.:

— Тойво Пойола! Я не финн, я — лапландец.

«Лапландец» оказался финским саамом. Не раз бывал в Мурманске. Фото его даже попало в альбом «Мурман советский». Правда, на нем он запечатлен в яркой национальной одежде. Цивильный костюм типичного европейца серьезно изменил внешний вид Тойво, а потому не сразу в нем и признали мы старого знакомого.

Вскоре Тойво куда-то исчез. Потом появился опять. В том самом ярком национальном костюме, в котором ходил на Праз-

днике Севера в Мурманске и которым привлек внимание нашего фотомастера. Тут уж Пойолу все узнали и как старому знакомому подарили на память альбом с его же цветной фотографией и автографами всей нашей группы.

Очень кстати оказалась эта встреча. Тойво стал для нас вторым переводчиком. А уж в сауне, там, на базе отдыха профсоюзов, помощь его нам была просто неоценимой. Ведь подлинные секреты финской бани не знал ни один из нас... Запомнились и другие встречи. Вечером в день приезда в Рованиеми мы с заведующим отделом Мурманского облсовпрофа вышли на улицу. Не успели и оглядеться, как нас окликнули:

— Вы — мурманчане? Здравствуйте, земляки!..

Улыбаясь и протягивая для пожатия руку, к нам шел довольно уже пожилой человек в приличном сером костюме и кепке.

— Зовут меня Заонегин Андрей Васильевич, — представился он. — Здесь, можно сказать, всю жизнь. Но родину свою истинную — Россию — я никогда не забуду.

Признаться, такое вступление несколько настораживало. Из вежливости мы слушали торопливый рассказ старика о том, как сразу же после Октябрьской революции, когда к Финляндии отошла часть Кольского полуострова, он с отцом — богатым помором — остался на этой земле. Родители давно умерли да и сам уж на пенсии, но не может никак забыть той далекой и невозвратной поры, когда жил на Мурмане.

— Семь раз уже ездил в Мурманск, — рассказывал наш собеседник. — Здорово город разросся, особенно за последние годы. Мне все труднее его узнавать.

«Земляка» окружили другие наши товарищи. Кто-то вручил ему значок с гербом Мурманска, кто-то подарил набор открыток.

Старик расчувствовался, стал приглашать домой, на чашечку кофе. Это, мол, совсем рядом. Но приглашение так и повисло в воздухе.

Встретиться все же пришлось и еще раз — на той же туристской базе профцентра. А. В. Заонегин был там в роли внештатного переводчика. Старался вовсю, но мы видели, что

относятся к нему здесь все же с прохладцей, не очень-то уважительно. Чувствовалось, что это задевало его самолюбие, но старик молчал. Лишь однажды он с горечью мне сказал:

— По сути, Финляндия — моя родина. Ведь все лучшие годы отданы ей. Но своим на чужбине я так и не стал. Вот и тянет меня все время туда, в Россию. Да только кому я там нужен?..

И уж совсем неожиданно временным переводчиком нашей группы стал некто Аркадий — недавний «беженец» из Эстонии. Пока рядом стояли кто-либо из финнов, он рьяно хвалил и страну, и весь образ жизни на финской земле. Оставшись же с нами наедине, ворчал:

— Тоже мне — обетованная земля. Когда ехал сюда, обещали чуть ли не золотые горы. А что я имею? Ни собственного жилья, ни гарантированной работы. Более половины зарплаты высчитывают на разного рода налоги...

Нет, дома было спокойнее...

Жалости он не вызвал ни у кого из нас. Как и уважения. Хотя и старался произвести впечатление.

* * *

Как ни старались быть откровенными с нами хозяева, они все же старательно обходили многие теневые стороны жизни в своей стране. Показывали, как, впрочем, и мы им у себя, в основном то, чем можно похвастаться, что невольно бросалось в глаза, привлекая внимание. В первую очередь это — яркие витрины магазинов и магазинчиков, буквально заполнивших первые этажи жилых зданий в центре Рованиеми, Ивало, где нам довелось побывать во время поездки.

Не скрою, завидно разнообразны не только витрины, но и прилавки магазинов. В том числе — продовольственных. Цены, правда, кусаются. Но товары — добротные, продукты — отборные. То, что похуже и подешевле, на витрины не выставляют — их реализуют оптом и в розницу постоянным покупателям. Тем, что победнее. А таких мы тоже встречали.

По дороге в Рованиemi хозяева устроили нам обед в одном из кафе маленького городка Ивало. Быстро перекусив, мы вышли на улицу. Мелкий и нудный осенний дождь не давал возможности побродить по улицам городка, тем более, что зонтики наши остались в автобусе. Пришлось толкаться под навесом у входа в кафе. Нас сразу же окружили местные жители. В основном — молодежь. Вдруг сквозь толпу прорвался высокий и крепкий на вид парень в сильно поношенных джинсах и такой же потрепанной куртке. При виде его окружавшие нас люди посторонились, брезгливо следя, чтобы не прикоснуться к нему.

— Значки есть? — спросил парень по-русски.

Получив сразу несколько сувениров, он нацепил их на рваную свою куртку, с чувством пожал руку нескольким нашим товарищам и, не глядя на соотечественников, быстро скрылся в косой пелене дождя.

— Кто это? — спросили мы у оставшихся и опять обступивших нас финнов.

Те что-то долго объясняли переводчику, который сказал нам примерно следующее:

— Они говорят, что парень тот — безработный. Но таких, мол, в Лапландии мало. Что сам во всем виноват — не хочет ладить с хозяевами...

Да, безработица — бич рабочего класса западных стран. Не занятых постоянной работой людей немало и в Лапландии. Это не скрывали от нас хозяева встречи. В развитии экономических связей с СССР, с его приграничными областями видят они один из надежных путей сокращения безработицы, улучшения жизненных благ тысяч рядовых финнов.

Богатые витрины, оказывается, вовсе не показатель жизненного уровня финнов. Да, здесь можно купить все, если, конечно, имеются деньги. Деньги определяют и отношение к тебе. Даже в больницах.

Одной из наших профсоюзных активисток стало плохо в гостинице. Вызвали «скорую помощь». Врач сказал, что тре-

буется немедленное обслуживание пациентки в больничных условиях. И мы отправили ее в местный госпиталь.

Через два дня больная была уже с нами. С восторгом рассказывала она об уходе за ней, об обстановке в больничной палате, внимательности обслуживающего персонала.

— Вот бы в наших больницах такой порядок ввести! — захлебываясь от избытка чувств, говорила мурманчанка. — Нет, далеко еще нам до них!..

Председатель Мурманского облсовпрофа И. К. Чернышенко, возглавлявший нашу делегацию, с грустью смотрел на нее и качал головой.

— Вы что — не согласны?! — загорячилась женщина.

— А вы не спросили, сколько придется платить за эти два дня нахождения в рованиемской больнице? — спросил ее Чернышенко.

— Как платить?! — удивилась та.

И вдруг до нее дошло, что это — не дома, что здесь лечение не бесплатно, что за все надо платить сполна. А за два дня лечения в стационаре, которым она так восхищалась, ей не хватило бы и двухмесячной зарплаты. Вот какой счет предъявили главе делегации эти очень внимательные врачи. После такого известия от восторга их русской пациентки не осталось и следа. До самого Мурманска она не сказала больше ни слова, даже узнав, что лечилась и здесь не за свой счет, а за счет родного Советского государства!

Наверное, вот так же быстро приходит отрезвление и к тем, кто, поддавшись на лживую пропаганду разного рода западных радиоголосов, покидает родную страну.

Сотни таких людей доводилось мне видеть в очередях у советского консульства Румынии, куда занесла меня как-то журналистская судьба. На коленях они умоляли сотрудников консульской службы помочь им вернуться обратно в Союз. Было неловко и стыдно смотреть на этих людей, в большинстве — пожилых. Вот их-то, познавших на собственной шкуре все прелести заграничного «рая», думается уже не введет в

заблуждение внешний лоск и благополучие мира капитализма. А ведь клюют еще некоторые из нас на разного рода приманки буржуазных идеологических и пропагандистских служб. Посмотрели бы эти товарищи на толпу стариков у советского консульства в той же Румынии, — по другому бы стали воспринимать увиденное в капстранах с парадного входа. Истину там умеют надежно прятать за показным. И поневоле приходит сейчас на ум мудрое наставление соотечественникам незабвенного Козьмы Пруtkова:

— Зри в корень! — учил он.

И эти слова хотелось бы повторить, наставляя каждого едущего за рубежи нашей Родины.

* * *

Может, вовсе тогда и не надо нам ездить по заграницам? Отнюдь нет.

Только общаясь между собой мы можем ближе узнать друг друга, понять друг друга, сдружиться. Одно это стоит немало. А ведь у соседей, в том числе и у финнов, нам есть чему поучиться. Предприимчивости, к примеру, и деловитости, умению с пользой для блага страны использовать все, что людям нужно для жизни, чем наделила их край природа. И их умение «подавать» товар тоже бы нам пригодилось. Да мало ли что полезного для себя и для общего нашего дела можно увидеть по ту сторону границы! Но важно, чтобы смотрели мы на ту жизнь не сквозь розовые очки, а прямо и глубоко, в корень. Тогда и получим о ней не искаженное, а реальное представление.

* * *

И снова — граница. Все так же нудно льет дождь, черня обычно бронзово загорелые стволы сосен в придорожном лесу. У самого КПП шофер вдруг резко затормозил. Оказывается, на дорогу выскочило из леса семейство оленей. Вел его тот

огромный с ветвистыми рогами самец, который так настойчиво пробовал здесь крепость колючей изгороди несколько дней назад, когда мы ждали товарищей у советской таможни.

Мы возвращались домой. Красавец-олень оставался на той стороне.

До новой встречи, олень!

До свидания, страна Лапландия! Счастья тебе и благополучия!

Мурманск—Рованиemi—Мурманск.

ДРУГАРИ

В Софийском аэропорту нас должны были встретить. Мы знали фамилию, имя и даже приметы встречающего: высокий, стройный, с усами человек — Георгий Перчев, заведующий отделом международных отношений Болгарского телеграфного агентства. Ищем в толпе похожего на него и... не находим. Неужто нас не ждут?!

И вдруг:

— Добре дошли на Софию, другари!

Мужчина в годах, хоть и полноватый, но сохранивший осанку и без усов, приветливо улыбается и протягивает нам руку.

— Если не ошибаюсь, — советские журналисты? — говорит он по-русски. — Рады приветствовать вас на болгарской земле...

— А где ваши усы? — спрашиваю. — В Москве нам сказали про вас: похож на Буденного...

Перчев расхохотался:

— Так вот почему вы проскочили мимо меня! Впрочем, устный товарищ тоже встречает.

Знакомьтесь: Енчо Енчев. Он и будет гидом у вас...

Прошло не более пяти минут, а мы — оренбургский собкор ТАСС Владимир Ширяев и автор этих строк, приглашенные болгарскими коллегами для обмена опытом, — уже чувствовали себя здесь, как дома. Как-то мгновенно выяснилось, что имеем общих знакомых в Москве. Начались расспросы: как там они, не думают ли поехать на отдых в Болгарию? Какая погода в России? За разговорами не заметили, как проехали всю Софию и оказались на склоне горы Витоша. Здесь, в доме отдыха журналистов, расположенном в живописном месте, предстояло нам жить.

С высокого склона горы София видна, как на ладони. Енчо Енчев, как истинный гид, увлеченно рассказывал нам об истории города, о сегодняшнем его дне.

— Здесь, в Софии, как и во всей стране, — говорил он, — множество памятников, свидетельствующих о давней и нерушимой дружбе наших народов. Впрочем, вы это заметите сами.

Как не заметить, что один из бульваров жители Софии называют Русским. На главной площади — памятники героям русско-турецкой войны, приведшей к освобождению Болгарии от многовекового турецкого ига. В центральном парке — величественный монумент в честь советских воинов, павших в боях за освобождение Софии от гитлеровских захватчиков и их сателлитов. Рядом — памятник Владимиру Ильичу Ленину.

Тысячу лет назад на землю Болгарского государства пришли первые русские воины — славянская дружина киевского князя Святослава. Пришли как завоеватели, а ушли — друзьями болгар, заключив с ними договор на вечную дружбу. С тех самых времен и стали русские люди братьями для болгар. Дружбу с ними ценили и ценят превыше всего многие поколения болгарского народа.

Пять веков Болгария находилась под игом турецких захватчиков. Но и через столетия пронесли болгары свою самобытную культуру, древние славянские обычаи, веря в свою

звезду. Силу в борьбе за свободу и независимость они черпали в дружбе с великим русским народом. Верили: русские братья придут к ним на помощь. И дождались ее. Сто лет назад войска генерала Гурко и повстанцы-болгары изгнали с древней славянской земли на Балканах турецких захватчиков. Тридцать шесть лет назад внуки русских солдат, погибших на Шипке, под Плевной и в других местах, принесли болгарскому народу окончательную и подлинную свободу.

9 сентября 1944 года в Болгарии свершилась социалистическая революция. Эта дата и стала национальным праздником болгарского народа — Днем свободы. В расцвете сил встречает нынче свой главный праздник социалистическая Болгария. Ее успехи в экономическом и культурном развитии признают даже враги. Успехи эти сами болгары тесно увязывают с нашей страной, благодаря бескорыстной и братской помощи которой Болгария из отсталой аграрной страны превратилась в индустриально развитое государство.

В ходе поездки по стране мы всюду встречали свидетельства роста экономического развития и благосостояния народа. Это и новые микрорайоны жилых домов в старинных городах, и новые заводы, построенные при техническом содействии СССР и других стран Совета Экономической Взаимопомощи (СЭВ), это и достижения сельских тружеников.

Любопытная встреча произошла у нас в городе Велико Тырново.

Узнав, что я из Мурманска, секретарь окружного комитета советско-болгарской дружбы Христо Консулов с радостью заговорил:

— Да это же мой любимый советский город! Я там бывал много раз.

Оказывается, Христо Консулов — бывший корреспондент агентства София-Пресс — прожил в Москве восемь лет. За эти годы где только не побывал! И в Сибири, и в Магадане, и даже на дрейфующей советской научной станции «Северный полюс-22». Но чаще всего приходилось бывать ему в Заполя-

рье. Кировск и Апатиты, Полярные Зори он знает так же отлично, как и Мурманск.

Возраст да и здоровье не позволяют Х. Консулову работать в журналистике. Однако он не забросил любимое дело. Нашел занятие увлекательное — поиск болгар — участников Великой Октябрьской социалистической революции и Гражданской войны в России. Выяснилось, что среди них немало и уроженцев Велико Тырнова. Малик Попурков, к примеру, был политкомиссаром дивизии на Северном Кавказе. Сатар Черкезов — курьером В. И. Ленина в годы его эмигрантской жизни. Земляка своего — генерала Симеона Венкова опознал журналист на известной фотографии Ильича, сделанной во время испытания первого советского трактора... Обо всех этих и других находках Христо Консулов написал книгу, которая скоро выйдет в свет.

Болгары — гостеприимные люди. Как близких родственников — тепло и радушно — встретили меня в семье доцента одного из вузов города Варна Радослава Радева. Русский язык в семье Радевых не менее популярен, чем их родной. Об этом свидетельствует не только богатая библиотека, составленная из книг наших классиков. Хозяин, шутя, доказал, что русские книги в его доме не для украшения: некоторые стихи Некрасова, Есенина, Евтушенко, Рождественского он прочитал наизусть...

Другой болгарин — житель города Шумен Бай Данчо продемонстрировал нам знание... русской кухни. Повар с сорокалетним стажем, он широко известен не только в родном городе. В конкурсах профессионального мастерства Бай Данчо не раз выходил победителем среди всех поваров страны. В награду за это давали ему путевку в Советский Союз. Видимо, братья-славяне отлично встречали коллегу из Шумена. Во всяком случае, выяснив, что мы — русские, он ни за что не хотел отпускать нас из «своего» заведения. Пришлось уступить и попробовать лучшие блюда, принесшие автору награды. В том числе и блюда, позаимствованные им у советских друзей.

Запомнилась встреча в одном из кафе. Три девушки, услышав русскую речь, проявили настолько явное любопытство,

что я спросил их, знают ли они наш язык. Девушки дружно ответили: да! Как выяснилось, они — школьницы старшего класса и все имеют хорошее представление о Советском Союзе, о Мурманске, хотя ни разу у нас не бывали. Я подарил им северные значки. В ответ, посоветовавшись, девушки вручили мне авторучку.

— Вы журналист, и вам она пригодится, — сказала одна из них. — Пишите на счастье!

А маленький мальчик Боян, на полном серьезе учивший меня болгарским словам, на прощание вытащил из кармана, видимо, дорогую ему конфету и сказал:

— Попробуйте: очень вкусная!..

И авторучка школьницы, и конфета маленького Бояна показались мне не менее убедительным свидетельством симпатии болгар к советским людям, чем гостеприимство доцента из Варны и повара из Шумена. Эти живые нити дружбы заложены в многодавние времена, их упрочили поэт-революционер Христо Ботев и Дмитрий Благодоев, основавший один из первых марксистских кружков в России, а закрепили Георгий Димитров, другие руководители народной Болгарии, миллионы рядовых тружеников страны.

Особое место в этой вечно живой цепи занял Георгий Димитров — большой друг СССР, выдающийся деятель международного коммунистического и рабочего движения, первый глава правительства Народной Республики Болгарии. И, прежде чем покинуть эту гостеприимную страну, мы отдали дань уважения его памяти, посетив Мавзолей Г. Димитрова и возложив к его подножию букеты красных гвоздик... А потом, придя к памятнику болгарам, павшим в боях с фашистами, бросили в воду его бассейна монетки. Наш гид сказал: кто бросил сюда монетку, тот обязательно снова приедет в Болгарию. Что же, мы рады будем еще раз увидеть эту прекрасную землю, снова встретить людей, с которыми подружались.

*Мурманск—София—Мурманск
Июль, 1980 г.*

КОМАНДИРОВКА В ЭСТОНИЮ

В эту маленькую прибалтийскую республику судьба привела меня в феврале 1989 года. Власти Эстонии под каким-то надуманным предлогом потребовали от руководства ТАСС отозвать посланного туда из Москвы тассовского полпреда. Оставлять без прикрытия этот важный регион СССР было нельзя. И тогда было решено направить в командировку сразу двух российских собкоров — Бориса Белякова из Куйбышева и автора этих строк. В обязанность нам вменили ежедневно по открытым каналам передавать информацию о текущих событиях в республике, а отдельно — по озвученным нам каналам — объективные сообщения об истинном положении дел. В то время в Эстонии уже открыто звучали призывы о выходе республики из состава СССР, а на словах руководство Эстонии убеждало Кремль в своей полной лояльности.

— Учтите: эта ваша информация предназначена для руководства страны, поэтому будьте особенно внимательны при подготовке и передаче ее в Москву, — наставлял нас перед отъездом один из заместителей генерального директора Агентства. — И не дайте повода местным властям усомниться в том, что вы — обычные командированные журналисты.

Серьезность задания мы ощутили сразу же по приезде в Таллин. На стенах многих домов и даже на наземных участках теплотрасс крупными буквами виднелись написанные от руки призывы гнать «русских оккупантов» из страны, «Эстония — для эстонцев!» и другие. В магазинах столицы продавцы делали вид, что не понимают по-русски. Да и в республиканском Телеграфном агентстве, откуда мы по телетайпу передавали свои материалы в ТАСС, чувствовалась настороженность коллег. Правда, никто не мешал нам в сборе информации. В сопровождении одного из местных сотрудников мы смогли побывать во многих районах республики.

Новости дня узнавали из радио- и телепередач. Нас поразило выступление по местному радио секретаря ЦК компар-

тии Эстонии Микки Титмы. «Русские, — говорил он, — нас поработили, ничего не дали Эстонии». Этот с позволения сказать коммунист не скрывал своей радости от событий в соседней Литве, где местные националисты накануне вступили в открытую конфронтацию с властями СССР. «Литовцы грубо сработали, — вещал он. — Мы будем действовать умнее».

Да, открытых столкновений с правоохранительными органами мы здесь не увидели. Но при полном попустительстве местных властей на наших глазах прошла символическая акция смены государственного флага на старинном здании в центре Таллина. Она была спланирована заранее и четко выполнялась по планам организаторов. Красный советский флаг был сброшен на землю, а вместо него был водружен флаг старой, досоветской, Эстонии. За событием наблюдали несколько сотен жителей столицы. Передние ряды, в основном из молодежи, бурно аплодировали подъему своего флага. Середина толпы хмуро молчала, а задние ряды — из пожилых людей — робко протестовали. Но это еще не было полным разрывом Эстонии с СССР. Нам казалось, что предотвратить раскол еще можно, если принять экстренные меры. Какие именно, нам подсказывали русскоязычные жители Таллина и других городов, где нам удалось побывать. Посылая в Москву отчеты об увиденном мы сообщали об этих предложениях. Но дни шли, а реакции Москвы все не было и не было. Мы подумали, что наш подпольный канал связи провалился, и спросили об этом пославшего нас в командировку заместителя генерального директора ТАСС. Тот сказал, что связь действует надежно, информация передается по назначению. Успокоенные этим, мы поехали в глубинные районы республики.

После шумной столицы и антисоветских выходок молодых таллинцев сельская местность удивила нас тишиной и спокойствием. Нас всюду встречали как дорогих и желанных гостей. Особенно запомнились встречи с простыми людьми в колхозе «Койдула» Харьюзского района, где дружно живут и трудятся русские и эстонские крестьяне.

— А чего нам делить? — удивился председатель правления колхоза Лембит Лепик. — Земли хватает для всех, а трудимся мы на ней сообща, по-хозяйски. Доходы от производства молока, мяса, зерновых культур и картофеля позволяют выдавать людям достойную зарплату. Недавно за свой счет построили колбасный цех и расширили токарные мастерские, где стали выполнять и заказы городских предприятий. На договорных началах с сельчанами на их приусадебных участках начали выращивать полусахарную свеклу, которую те по приемлемой цене сдают колхозу на корм скоту. Выгода очевидна, и люди охотно участвуют в этом деле.

Однако отзвуки таллинских событий доходят и сюда. Люди начинают нервничать в ожидании новых событий, сулящих резкие перемены в устоявшейся годами спокойной жизни сельчан. Особенно переживают русские. Ведь это против них прежде всего настроены радикалы не только из фашистских молодежных организаций, а и из властных структур Эстонии. А русскоязычных жителей в этой республике более сорока процентов.

Естественно, они пытаются противостоять националистам. В Таллине создан объединенный совет трудовых коллективов, в котором представлены коллективы 140 предприятий общей численностью свыше 120 тысяч человек. Однако действовать ему приходится полуполюгально. Чтобы побывать на одном из его заседаний, нам пришлось по-партизански, от одного связного к другому, среди ночи пробираться через весь город. Встречали нас там чуть ли не как официальных представителей московских властей. И было горько и обидно сознавать, что мы не можем помочь им. Надеялись, Михаил Горбачев, как лидер Советского Союза, примет необходимые меры для защиты этих людей.

Увы, этого не произошло. Прибалтика вскоре вышла из состава СССР, а затем распался и весь Советский Союз. А мы-то так верили в мудрость этого человека....

*Мурманск—Таллин—Мурманск
Февраль, 1989 г.*

НА РОДИНЕ ЧИНГИСХАНА

Вот уж поистине неисповедимы пути господни! Очередная служебная командировка привела меня туда, куда никогда не стремился и не мечтал попасть — на родину Чингисхана, в далекую Монголию. Но работа есть работа. Тем более, что пригласил меня туда ни кто-нибудь, а сам первый секретарь компартии Монголии товарищ Батмунгх, с которым познакомился на XXVII съезде КПСС и которого мне довелось сопровождать в одной из его поездок по России. Официальное же приглашение пришло от коллег из монгольского Телеграфного агентства «Монцамэ».

Поездка началась с недоразумений. В московском аэропорту выяснилось, что в мои проездные документы вкралась какая-то неточность. Пока пограничники связывались с дипломатической службой, выясняя, есть ли на самом деле приглашение от монгольской стороны, прошло часа три. Все это время самолет в Улан-Батор стоял в ожидании недостающего пассажира. Наконец, хоть и с опозданием, вылетели. В столицу Монголии прибыли, когда там уже вечерело. Вопреки заверениям монгольских коллег меня никто не встречал. Майор-пограничник, узнав, что прилетел по официальному приглашению местного Телеграфного агентства на празднование очередной годовщины независимости Монгольской Республики, сочувственно произнес:

— Праздник уже начался, и вряд ли найдете в агентстве хотя бы простого служащего. У нас в такие дни все празднуют.

Майор оказался абсолютно прав. Когда вместе с сотрудником российского посольства мы приехали в офис «Монцамэ», там, кроме постового милиционера, не оказалось никого. Зато на огромном поле в окрестностях монгольской столицы было не протолкнуться. Верные древним традициям, жители Улан-Батора собрались здесь, чтобы полюбоваться на скачки местных конников.

Что это за торжество — описать сложно. Представьте себе бесконечную долину у подножья гор, десятки тысяч всадни-

ков на низкорослых лохматых лошадях и еще большее скопление людей в национальной одежде, сидящих возле них повсюду на поле. Мимо вас вихрем несутся дочерна загорелые всадники в пропыленной одежде, и не столько в одиночку, сколько группами до десятка человек. Кажется, что все эти всадники летят на вас, не предпринимая даже попыток объехать стороной. Однако они пролетают стороной, обдав вас облаком едкой пыли. И пока вы взглядом пытаетесь проследить их путь, как на вас налетает новая группа таких же лихачей. Причем они не сидят в седле, а стоят как-то боком, будто готовясь правой рукой нанести невидимому противнику удар. Поневоле вспомнишь старые фильмы про монголов, ибо и кони, и всадники напоминают орду легендарных кочевников, наводнивших когда-то ужас на жителей всей Европы.

Скачки — один из любимейших видов национального спорта монголов. Они с борьбой и стрельбой из лука входят в программу главного национального праздника «Наадам», который проводится раз в году в середине лета. Мне повезло — смог посмотреть «в работе» и конников, и борцов, и лучников. Впечатление сильное, особенно от юных конников. На лошадях по этому бесконечному полю во весь опор неслись не только зрелые мужчины, но и женщины, дети дошкольного возраста. Как выяснилось, монгол, достигший пятилетнего возраста, может принимать участие в скачках в одной из возрастных групп. А в седло они садятся уже с двух лет — и мальчики, и девочки. Победителям в скачках в подарок вручают жеребенка или взрослого коня, как, впрочем, и борцам, состязания которых проводятся на центральном столичном стадионе.

Мне предложили попытать счастье в стрельбе из лука по мячу, лежавшему метрах в тридцати от стрелка. Но как ни старался, стрела упрямо миновала цель или же уходила в сторону от нее. Мой наставник, еще не старый мужчина в кожаной куртке, таких же брюках и сапогах, попал в мячик с первого выстрела. Но он оказался не просто опытным лучником, а и чемпионом столицы по этому виду спорта.

С праздничных торжеств и началось знакомство с достопримечательностями родины Чингисхана. Хозяева предоставили право выбора мест посещения в столице и за ее пределами. Последнее пришлось особенно по душе, ибо давало возможность использовать восемь имевшихся в моем распоряжении дней для максимального удовлетворения любопытства.

Я уже упоминал, что редкий монгол в дни «Наадома» работает. Но это относится прежде всего к сотрудникам государственных учреждений и предприятий. В республике же сейчас, как и у нас в России, всюду идет перестройка. Меняются политические ориентиры, смещаются и акценты в оценке исторического наследия великого полководца Чингисхана. От местных интеллигентов довелось услышать недовольство «предвзятым и высокомерным отношением европейских, в частности русских и советских историков, но и безграмотностью и беспомощностью историографии монгольского мира в связи с общим упадком великой кочевой культуры». Так, например, говорится в статье одной из местных газет, попавших в мои руки во время командировки. Автор призывал своих читателей «очистить историю центрально-азиатских кочевников... от всяких пакостей и клеветнических измышлений».

Так пишет газета. Рядовые же монголы, с которыми мне удалось побеседовать, рассуждают по-иному. Привыкшие получать бескорыстную помощь от СССР, они хотят и дальше жить в дружбе с нашей страной.

А помощь, надо сказать, действительно была щедрой. Только в Улан-Баторе советскими специалистами были построены и правительством нашей страны переданы в дар Монголии несколько кварталов жилых домов повышенной комфортности, со всей полагающейся инфраструктурой. Советские специалисты создали здесь сеть лечебных учреждений и предприятий бытового обслуживания, построили сотни километров дорог, организовали в столице троллейбусное движение. Кстати, в создании последнего активно участвовал наш земляк, ныне директор филиала страховой компании «Медэкспресс», а тогда — водитель-наставник Мурманского троллейбусного депо

Анатолий Владимиров, на долю которого выпало не только организовывать новую для монголов службу, а и готовить кадры водителей. Мурманчанин гордится, что одной из его учениц было доверено повести первый троллейбус.

Любопытная деталь: молодые монголы, привыкшие к верховой езде на своих полудиких лошадях и к просторам равнин, с большим трудом осваивали эту техническую специальность. Первый ученик Владимирова, оказавшийся сыном министра транспорта, после нескольких месяцев безуспешной учебы сам попросился об отчислении его из числа курсантов будущих водителей троллейбуса. На его место прислали девушку. Испытание она — не без помощи наставника — прошла успешно.

Наши специалисты были уверены в профессиональной подготовке учеников, однако опасались, что привыкшие быть хозяевами столичных улиц водители грузовых машин, не очень-то считавшиеся с правилами дорожного движения, с должным уважением отнесутся к новому виду транспорта. Опасения подтвердились. Уже на следующий день из 17 машин, выпущенных на линию, 12 были повреждены: их по неосторожности протаранили водители грузовиков. Вместе с другими советскими инструкторами Владимирову пришлось восстанавливать покореженные машины.

Монгольская командировка мурманского специалиста длилась с 1987 по 1989 годы. Домой вернулся лишь после того, как созданная в Улан-Баторе при его участии троллейбусная служба стала работать устойчиво.

* * *

Но вернемся к моей командировке.

Трехдневные торжества по случаю 74-й годовщины Народной революции и праздника «Наадом» для непривычного к таким событиям европейца довольно утомительны. Как ни красиво зрелище тысяч скачущих всадников, состязаний лучников и борцов, хочется разнообразия. В поисках его по вече-

рам выходил на улицы Улан-Батора и наблюдал за поведением местных жителей. А посмотреть было на что. Взбодренные кумысом и более крепкими напитками, монголы вели себя очень непринужденно. Вот лишь одна подсмотренная в те дни сценка.

По улице, пересекающей главную магистраль столицы, несется всадник. Лицо все в крови, одежда порвана. За ним, отставая метров на шестьдесят, еще два конника с поднятыми для метания то ли палками, то ли копьями. Вот-вот наступит развязка. Но тут на главной улице, до этого пустынной, появился автомобиль. Первый всадник успел проскочить дорогу перед самыми колесами, а преследователи вынуждены были попрिдержаться коней. И этой секундной передышки хватило беглецу, чтобы оторваться от погони и скрыться в ближайшем переулке.

— Ну, теперь им его не догнать, — прокомментировал ситуацию мой гид. — Видимо, сильно повздорили парни, если рискнули на лошадях появиться в самом центре столицы. Вообще-то местные мужчины довольно миролюбивы, но в праздник случается всякое.

За все остальные дни пребывания здесь я ни разу не видел потасовок не то что среди мужчин, но и подростков, что расценил как правоту суждения своего коллеги о характере монгола. Более того, не раз был свидетелем редкостного гостеприимства и радушия местного населения, особенно степняков. Кочевники одинаково тепло принимали у себя и зарубежных гостей, и своих земляков.

А едут сюда в последние годы со всех концов света. Многие предпочитают при этом пешие путешествия по заповедным местам Монголии. Правда, попасть в них не так-то просто. У въезда в такие зоны, куда, как правило, ведет одна-единственная дорога, стоят шлагбаумы. Хочешь полюбоваться красотами местной природы, плати три доллара и иди хоть на самую вершину гор. Для местных жителей плата скромнее — примерно полдоллара. А поскольку желающих побывать здесь хватает, то и на содержание малочисленного персонала таких

заповедников средств от государства не требуется: хватает от этих сборов. Вот бы нам позаимствовать такой опыт!

Любопытно, что там, в заповедниках, нет абсолютно никаких преград для скота кочевников. Коровы, овцы и лошади гуляют по их территории словно по пастбищу. Людей не боятся, подпускают к себе и чужих. Так было и с нами в одну из поездок в горы Центральной Монголии. На дымок костра из леса вдруг вышло целое стадо бычков. Они так и бродили вокруг нас, позволяя даже подергать за рога, потрепать уши.

На дым костра вышли и туристы — испанец, австралиец и две француженки. Языковый барьер общению не помешал. Вскоре все дружно пили нашу российскую водку, закусывая монгольским мясом и туристическими консервами наших новых знакомых.

Иностранцы, кстати, проявляют повышенный интерес не только к природной красоте Монголии. Сюда все чаще приезжают коммерсанты и деловые люди из западных стран, предлагая монголам сотрудничество в развитии экономики и культуры. Они серьезно теснят российских специалистов во многих сферах совместной деятельности. Если раньше, каких-то пять лет назад, только в Улан-Баторе насчитывалось около ста пятидесяти тысяч советских специалистов и членов их семей, то теперь их число измеряется здесь сотнями. Были целые кварталы русскоязычного населения, местные жители учились в русских школах. Теперь в ходу изучение китайского, английского и других языков. И в домах наших специалистов уже прочно обосновались монголы, приехавшие в столицу из далеких аймаков.

Не все столичные жители с восторгом воспринимают такие перемены. Ориентация на Запад привела уже к сильному расслоению населения по уровню доходов. Стала очень заметна разница между бедными и богатыми, незащищенность первых от быстро растущей инфляции. Низкий же уровень жизни (а здесь зарплата в тридцать долларов в месяц считается уже очень большой) вызывает у многих протестное настроение. И не случайно после двух-трех лет эйфории местных

демократов к власти снова пришли бывшие коммунисты, сменившие, правда, название своей партии. Как и у нас в России, здесь укрепляет свои позиции церковь. Несколько новых храмов видел и в столице, и в отдаленных селениях. Одна из местных газет сообщала 10 июля, что даже сам президент страны П. Очирбат проявил заботу о церкви, передав ей в дар на сооружение статуи божества Мэгжид Жанрайсиг 200 тысяч тугриков.

В стране начинается возрождение культа Чингисхана. Естественно, многих интересует, где же он похоронен?

Как сообщили мне коллеги из «Монцамэ», недавно совместная монголо-американская научная экспедиция несколько месяцев прочесывала глухие ущелья Восточной Монголии, где, по преданию, тайно захоронен великий завоеватель вместе с награбленными им сокровищами. Поиск, как и все предыдущие, не увенчался успехом. Зато заморские специалисты, что называется, просветили недра Монголии на обширнейшей территории и получили представление о природных ресурсах в этом районе. Теперь, говорили коллеги, следует ожидать других деловых предложений от этой страны, прежде всего по детальному геологическому исследованию заинтересовавших их мест. Искать же есть что. Ведь в Монголии — с помощью наших специалистов — давно уже обнаружены и разрабатываются месторождения золота, цветных металлов, каменного угля. В глухих отдаленных районах страны, несомненно, таятся и другие полезные ископаемые, добыча которых может дать толчок к экономическому процветанию этого региона.

Несколько слов о деловых качествах наших монгольских партнеров. Это хваткие, хитрые и дальновидные люди. Сужу хотя бы по наблюдениям за делегацией Монголии на XXVII съезде КПСС во главе с первым секретарем Монгольской народно-революционной партии Батмунгхом, которых мне пришлось сопровождать в поездке по нашей стране. В подмосковном зверосовхозе «Пушкинский» они так долго торговались по поводу закупки щенков песцов и соболя, что утомили хозяев. Сделка завершилась так: вместо денег за высокопородис-

тых щенят монголы поставят совхозу корм для животных — замороженные брикеты потрохов овец, коих в Монголии не пересчитать. Уехали домой очень довольные сделкой.

Наши соотечественники любят ездить в Монголию за покупкой дешевых и практичных кожаных пальто и курток, а также одеял из верблюжьей шерсти. Должен разочаровать тех, кто еще только собирается в поездку. Хороших товаров теперь там днем с огнем не найти. Эти товары исчезли с прилавков местных магазинов. Дубленки, например, видел только в одном из них, куртки — в четырех. Но вид их так скромен, что невольно вспомнишь про отечественные магазины, заполненные таким товаром сверх всякой меры. Правда, цена монгольских курток из кожи не так отпугивает, как у нас дома.

Понятно, что для истинных любителей путешествий главное — не насыщенность товарами магазинов. Их влечет природа. А тут действительно «выбор» большой. Картины природы прежде всего и остались у меня в памяти после восьми дней пребывания на родине Чингисхана. И еще — запомнилось дружелюбие и гостеприимство простых кочевников, с которыми удалось познакомиться во время командировки.

*Мурманск—Улан-Батор—Мурманск
Июль, 1995 г.*

ПО АРКТИКЕ — НА «СИБИРИ»

У кораблей жизнь коротка. Походят в море два-три десятка лет, пока в состоянии противостоять напору стихии, и становятся к стенке в порту — ожидать своей очереди для разделки на металлолом.

Не избежал этой участи и атомный ледокол «Сибирь». Судно, оставившее заметный след в истории освоения Арктики, вывели из эксплуатации из-за выявленного дефекта в одном из его парогенераторов. На замену в лихое постперестро-

ечное время денег у государства не нашлось. Вот и стоит он с той поры у причала Мурманского ремонтно-технологического предприятия «Атомфлот», вызывая жалость у проходящих мимо моряков, еще не так давно штурмовавших на нем ледовые просторы северных морей.

Ни одно судно такого класса не строилось так быстро, как «Сибирь». (Заложен ледокол на стапеле Балтийского судостроительного завода 24 сентября 1974 года. Спущен на воду 23 февраля 1976 года, а уже 28 декабря 1977 года вступил в строй Мурманского ледокольного флота.) И ни одно судно, кроме «Сибири», не начинало столь бурно свою трудовую биографию. Ведь новый атомоход, едва войдя в порт приписки, сразу ушел на «работу» в Арктику. Не прошло и полгода, а его отправили в небывалый в истории мореплавания сверххранний экспериментальный рейс — обеспечить проводку с запада на восток транспортного судна по неизведанным еще высоким широтам Ледовитого океана.

В этом легендарном рейсе «Сибири» мне довелось участвовать в качестве специального корреспондента ТАСС. Предлагаемые читателям путевые заметки, на мой взгляд, убедительно свидетельствуют о поистине героических буднях похода и о многих из тех, кому он обязан успешным завершением.

Не зная броду...

Если бы моряки «Сибири» следовали этой известной поговорке, вряд ли бы стал возможен высокоширотный рейс. Ведь они шли в основном по местам, где до них не ступала еще нога человека. Экипажу атомохода пришлось отыскивать этот «брод» для себя и для тех, кто будет позже ходить по проложенной ими дороге. Отыскивать не в одиночку: в рейс шел и большой коллектив гидрографов. В его задачу входили не только промеры глубин в местах, где никогда еще не бывали корабли, но и уточнение действующих лоций и морских карт. Ведь Арктика — это своеобразная целина. Хоть и давно уже

обживают ее, но лишь при советской власти работа эта стала вестись планомерно и в широких масштабах. У истоков ее стоит В. И. Ленин. В подписанном им в 1921 году декрете о создании Плавучего морского научно-исследовательского института (Плавморнин) подчеркивалось, что в отличие от дореволюционного советское изучение Севера должно быть систематическим, комплексным и иметь практическую целенаправленность. Этот принцип и лежит теперь в основе всех работ по освоению Арктики, проводимых в нашей стране.

Кроме специалистов-гидрографов на борту «Сибири» находились представители целого ряда других научных и исследовательских организаций, связанных с изучением Арктики.

— Наша задача — обеспечить навигационную безопасность плавания каравана, — рассказал мне заместитель начальника гидрографического предприятия Министерства морского флота СССР Всеволод Пересыпкин. — Заключается это прежде всего в выборе наиболее безопасных курсов. Тут учитываются два фактора — навигационный и метеорологический. То есть, чтобы и ледовый путь был безопасным, и чтобы судно не село на рифы.

Известно, что в высоких широтах заметно снижается точность как магнитных, так и обычных гидроскопических компасов. Нам предстоит в связи с этим определить, какой курсоуказатель наиболее подходит для таких рейсов, как эффективнее использовать возможности спутниковой связи.

Неожиданностей же в рейсе хватало. В один из дней атомоход едва не сел на мель. ЧП предотвратил молодой специалист из гидрографического предприятия Сергей Самоненко. Во время вахты он увидел, что глубина стала резко падать, о чем незамедлительно сообщил на мостик. Вахтенный штурман успел дать задний ход, и мы не сели на мель. Потом узнали, что ходовые винты ледокола уже бороздили дно, выворачивая на поверхность толстые корни каких-то подводных растений и куски черного ила.

Так, благодаря бдительности гидрографа и профессионализму вахтенной службы атомохода, удалось не только избежать ЧП, но и стереть еще одно белое пятно на картах Арктики.

Как льды проходят

Такое не забывается.

Наш караван шел по большой, чуть ли не в сотню миль полынье. Казалось, нет ей конца и края. И вдруг на мостике атомохода пронесся тревожный шепоток.

— Полынья сужается!

Мы бросились к иллюминаторам. Действительно, полынья, еще час назад казавшаяся бескрайней, сужалась буквально на глазах. Молчаливо и грозно надвигались друг на друга ледяные поля. От их столкновения вокруг «Сибири» выросли такие большие торосы, что судно вынуждено было остановиться.

Посоветовавшись, руководители рейса решили: пока не поздно, надо идти вперед. В движении — наше спасение. И началась атака на лед. Сдав немного назад, «Сибирь» медленно берет разбег. Удар о торосы. Нос судна задрался. Мгновение, и оно сильно кренится.

— Стоп! Полный назад! — подает команду вахтенный штурман.

Снова разбег. И снова ледокол кренится, содрогаясь от ударов о мощные глыбы льда. Крепкий ему достался сегодня орешек. Но не настолько крепкий, чтобы не расколоть. Метр, два, три... десять метров отвоевано у торосов. Наконец, треснула льдина, на которой держалось все это взлохмаченное ледовое поле. Обломки льда под напором судна вздыбились чуть ли не вровень с главной палубой, засверкали всеми цветами радуги. Красота удивительная! Но вахтенным не до красот. Снова бросают они «Сибирь» на ледовый барьер.

А сжатие все усиливается. Чтобы льдины не мешали маневру атомохода, приходится то и дело расширять уже отвоеванное среди торосов пространство. Подумалось: а каково же приходится транспортному судну, если даже наш атомный богатырь едва справляется с напором стихии? И тут из дина-

мика, установленного на мостике ледокола, донеслось тревожное сообщение с «Капитана Мышевского»:

— «Сибирь», не уходите далеко! Нас затирают льды ...

Сменились вахты, а мы все еще в этом ледовом месиве. За четыре часа продвинулись менее чем на корпус. Однако и это — успех. Окрыленные им, моряки начинают новое наступление. Резкий рывок вперед — и «Сибирь» зависает на льдине. Сползти с нее не помогают и 70 тысяч ее лошадиных сил. Приходится изменять дифферент, раскачивая таким образом судно, ставшее сразу почти беспомощным.

Сутки потребовались на то, чтобы пройти двухмильную перемычку, отделявшую наш караван от обычного «легкого» льда, легкого, разумеется, по арктическим меркам. Но для «Сибири»-то это не преграда. Через него наше судно шло, как трактор по ровному полю. Однако пришлось вернуться по только что пробитому каналу во льдах, чтобы вывести в безопасное место транспорт, получивший пробоину, сквозь которую смог бы пройти легковой автомобиль. К счастью, пробоина оказалась чуть ниже ватерлинии судна. Попавшую в трюм воду удалось откачать имевшимися на обоих судах мотопомпами. Пришлось останавливать караван, чтобы заделать эту дыру, чем и занялись судовые специалисты и водолаз с «Сибири».

Руководитель экспедиции Бронислав Майнагашев предупредил журналистов: о пробоине информацию с борта «Сибири» не передавать! Пришлось подчиниться.

«Безработный» механик

Когда ледокол попадал в такие ситуации, участвовавшие в экспедиции представители научно-исследовательских и проектных организаций оставались на местах, предписанных им условиями работы на атомоходе. Лишь один человек мог позволить себе отдохнуть на палубе атомохода. Мне захотелось поближе познакомиться с ним.

— Я сейчас, наверное, единственный безработный механик в нашей стране, — отрекомендовался он. Подумав, добавил:

— Временно безработный. На заводе-то мне забот хватало...

Анатолий Степанович Петровский, представляющий на «Сибири» Балтийский судостроительный завод, действительно оказался здесь вроде бы не у дел. Все механизмы атомохода работали настолько безукоризненно, что ему, гарантийному механику завода, было впору действительно любоваться красотами Арктики. Но опытный специалист, участник испытаний всех трех построенных к тому времени ледоколов, хоть и был рад такому повороту дела, все же каждое утро, а зачастую и ночью, проводил время в машинном отделении или в беседах с вахтенными механиками. Придирчиво разбирал он каждую даже самую незначительную жалобу на сбой в работе того или иного механизма. Ведь не по чистой воде шел атомоход, а в тяжелых льдах. От столкновений с десятибалльными льдинами содрогалось все судно. Нередко под днищем его раздавались такие хлопки, как будто там взорвалась торпеда. А «Сибирь» шла и шла вперед, сокрушая ледовые перемычки. Выдержала она и столкновение со стамухой — ледовым образованием, нижняя часть которого зацепилась за морское дно и, как якорь, держала большое ледовое поле. Судно от удара мгновенно легло на борт. Казалось, вот-вот опрокинется. Но прошли какие-то минуты, и наш атомоход снова стоял гордо и прямо, готовясь к новой схватке с льдиной. От неожиданного удара упали на пол не закрепленные специально предметы. Турбины же и насосы, все палубные механизмы, казалось, и не почувствовали толчка: все работало так же, как и до него.

Главный инженер-механик «Сибири» Герой Социалистического Труда Александр Калинович Следзюк, вместе с другими специалистами придирчиво осматривавший корабль после этой стычки, крепко пожал руку сопровождавшему его гарантийному механику.

— Ну и запасец прочности вы создали на этом судне! Действительно, в Арктике появился богатырь.

Представитель завода довольно улыбался.

«В Арктике прямых дорог не существует»

Как-то, увидев на штурманской карте извилистые отметки пройденного нашим караваном пути, я спросил у капитана «Сибири» Владимира Кочеткова, почему идем не по прямой, а зигзагами. Владимир Константинович улыбнулся моей наивности и серьезно ответил:

— В Арктике прямых дорог не существует. Это в Атлантике судоводитель обязан строго придерживаться проложенной трассы, чтобы обеспечить безопасное судоходство. Здесь же он обязан искать более благоприятную дорогу. Вот мы вчера прошли легко восточное побережье Северной Земли, а сейчас там уже непроходимые льды. Опоздай мы на день, стояли бы там прочно!

Найти наиболее подходящий маршрут экипажу атомохода помогают не только находящиеся на борту специалисты научных организаций, а и далекие от нас штабы морских операций, расположенные на Диксоне и в Певеке. В их распоряжении — мощные средства связи, в том числе спутниковой, и самолеты ледовой разведки. С их помощью на борт атомохода регулярно передается информация о состоянии ледовой обстановки по пути следования каравана. Детальную ледовую разведку впереди по курсу до 30 километров осуществляют судовой гидролог Руслан Борисов и экипаж вертолета под руководством опытного летчика Виталия Холодняка, налетавшего уже более 11 тысяч часов.

— Сверху видно, какой впереди лед, как льдины натываются друг на друга, — рассказывал он мне. — Определить силу сжатия — задача гидролога. Именно он может подсказать, как обойти большие торосистые поля. Не ломиться же, не рисковать транспортом. Лучше обойти это поле. Ведь не всякая прямая короче кривой. Иное дело, когда негде обойти, — везде слишком тяжелый лед. Тут уж работаем прямо...

Как-то спутник обнаружил на нашем пути большую полынь, но на стыке ее с относительно легким ледовым полем — перемычка. Льды — до 10 баллов. Уже не свернешь. «Капитана

Мышевского» пришлось вести через них на буксире. Вот тут-то и приходилось судовой команде «Сибири» показывать все свое профессиональное мастерство. В первую очередь — судоводителям и тем, кто обслуживал ядерную энергетическую установку атомохода. Справлялись они с работой, по отзыву начальника экспедиции Бронислава Майнагашева, превосходно.

* * *

Есть такие люди, от первой встречи с которыми такое впечатление, будто знаешь их хорошо и давно. Такое чувство испытал я при встрече с молодым третьим механиком «Сибири» Владимиром Игумновым, в каюту которого поселили меня на время этого рейса. Володя — коренной ленинградец. Женат. У него, как и у меня, двое детей. В силу специфики профессии оба мы редко бываем дома, а потому семейные проблемы частенько приходится решать нашим женам. Возможно, и это способствовало тому, что мы как-то сразу нашли общий язык, с удовольствием вместе проводили редкие часы отдыха. Игумнов стал для меня своеобразным консультантом. Благодаря ему мне удавалось в передаваемых в ТАСС материалах о ходе рейса избежать технических неточностей, делать информацию понятной для любого читателя.

Добрые отношения сложились также с капитаном «Сибири» Владимиром Кочетковым, его дублером Владимиром Красовским, главным инженером-механиком Александром Следзюком, старшим вахтенным электромехаником Виктором Борзых, командиром вертолета Виталием Холодняком, радистами Николаем Добряковым и Юрием Коршуновым. Все они — профессионалы высшего класса, настоящие мастера своего дела. Общение с ними доставляло мне удовольствие.

Не могу не отметить добросовестную работу особой команды «Сибири» — поваров, пекарей, дневальных, камбузников и их непосредственного руководителя — начпрода Игоря Малышева. Питание на ледоколе было не только отличного качества, но и разнообразным.

— Отправляясь в рейс, мы запаслись картофелем, луком, рыбой пяти сортов, в том числе свежей, мороженой, вяленой и копченой, капустой, говядиной, чесноком, свиной, бараниной, тушенкой, помидорами и свежими огурцами, апельсинами, яблоками, — рассказал мне начпрод. — Есть колбаса и варенье, лимоны, яйца, морковь... На год хватит! Хотя плавание и рассчитано на два-три месяца. Но ведь не на прогулку по озеру идем — в Арктике всякое может случиться.

Сохранить все это богатство в морских условиях не так-то просто. Не прошло и месяца, как в сыром помещении трюма начал портиться лук. Надо было срочно перебрать его. За помощью начпрод обратился к участникам экспедиции — ученым и журналистам. Откликнулись на призыв шестеро, в том числе автор этих строк. За три часа мы перебрали 22 мешка лука, изрядно при этом промерзнув. Расстроганный начпрод в знак благодарности уговорил руководителя экспедиции выдать нам под отчет по четыре бутылки чешского пива. У соседа по каюте Владимира Игумнова к тому времени подошел день рождения. Пивком мы и отметили с ним это событие.

В команде начпрода в основном люди молодые, но опытные в своем деле — пекарь Татьяна Тодорова, повара Наталья Морозова, Владимир Чалковский и Алексей Александровский. С ними в рейс на преддипломную практику пошли студенты одного из мурманских ГПУ Алексей Мелехин и Андрей Дмитриев. Запомнилась всегда доброжелательная и улыбочивая камбузница Лидия Верхоглядова. Кормили они экипаж и участников экспедиции лучше, чем в иных ресторанах.

А запас продовольствия пригодился экипажу. Уже на обратном пути, когда мы были в сутках пути до Мурманска, «Сибирь» срочно потребовалась на трассе Севморпути, где прочно застрял большой караван транспортных судов. Нас пересадили на следовавший в порт дизель-электрический ледокол «Капитан Николаев». Атомоход вернулся на трассу, где и проработал до глубокой осени.

Из Мурманска «Сибирь» ушла 27 мая 1978 года. Через 17 дней теплоход «Капитан Мышевский» был выведен на чистую воду Берингова пролива. До конечной точки пути — Магадана — транспорт пошел в одиночном плавании.

Перед тем, как расстаться, атомоход и транспорт встали бок о бок в припайном льду. Члены экипажей обоих судов и участники экспедиции собрались на вертолетной площадке «Сибири» — на митинг по случаю окончания первого в истории арктического мореплавания раннего высокоширотного рейса транспортного судна под проводкой атомного ледокола.

— Важность этого рейса трудно переоценить, — сказал, выступая на митинге, руководитель экспедиции, заместитель начальника Администрации Северного морского пути Бронислав Майнагашев. — И не только потому, что нами доказана возможность осуществления ранней навигации в высоких широтах Арктики. Этим походом мы еще раз подтвердили надежность навигационно-гидрографического обеспечения судов, плавающих на главной национальной магистрали страны. Отныне она становится постоянно действующей. А это поистине замечательное достижение.

Трудным был путь каравана через пять арктических морей. Десятибалльные льды, огромные торосы, туманы... Да чего только не повидали за эти семнадцать дней участники рейса! К чести моряков, они выдержали все испытания на «отлично». С самой лучшей стороны проявили себя и те, кто обеспечивал навигационно-гидрографическую безопасность плавания.

— Работа не была бы столь успешной, если бы на борту не было столь представительной науки, — сказал капитан «Сибири» Владимир Кочетков, обращаясь к экипажу теплохода. — Конечно, мы вздохнули облечено, но и испытываем чувство сожаления. Свыклись с вами, расставаться грустно ...

Раздаются прощальные гудки, и суда расходятся. «Капитан Мышевский» с шестью тысячами тонн груза для строек

Магадана берет курс на юг. «Сибирь» идет снова в высокие широты. Впереди у нас — встречи с полярниками станции «Северный полюс-24».

В гостях у арктических робинзонов

Кажется, всего насмотрелись участники экспедиции на атомоходе «Сибирь» во время уникального сверххранного высокоширотного рейса по проводке с запада на восток теплохода «Капитан Мышевский». Но впереди нас ждало еще одно испытание — доставить оборудование, топливо и продовольствие для полярников дрейфующей научной станции «Северный полюс-24». Никогда еще за всю многовековую историю арктического мореплавания туда, на самый север Восточно-Сибирского моря, не заходили ни гражданские, ни, тем более, военные корабли. Моряки атомного ледокола «Сибирь», входившего тогда в состав Мурманского морского пароходства, должны были проложить сюда путь для всех. А это задача не из простых. Ведь шли они сюда во время, которое считалось абсолютно неприемлемым для открытия навигации. Шли в неведомое, веря в надежность ледокола и в свои собственные силы, понимая всю важность порученного им дела.

...Утром 20 июня 1978 года с мостика атомохода прямо по курсу увидели ровную, простирающуюся до горизонта полосу.

— Это и есть та льдина, к которой должны мы ошвартоваться, — сказал мне заместитель начальника рейса по вопросам научно-оперативного обеспечения Борис Крутских. — Заждались, поди-ка, наши ребята...

Я взял у него бинокль и начал рассматривать горизонт. Ровная полоса за торосами, надо сказать, весьма относительно походила на льдину. Снег искрился и голубел под лучами солнца. Казалось, что там, впереди, не лед, а большое совхозное поле в разгар зимы. Но белый медведь, неожиданно появившийся среди торосов около ледокола, напомнил, что мы не на суше, а в центре Арктики.

Близость конечной цели второго этапа нашего рейса взбудорила людей, уставших уже от тряски судна и бесконечной дороги. На палубе и на мостике стало опять многолюдно. Виталий Холодняк, пилот вертолета, только что пролетавший над льдиной, не успевал отвечать на вопросы участников экспедиции.

— Ну видел я их, зимовщиков, — говорил он. — Как услышали гул вертолета, так сразу все высыпали из домиков и махали руками: мол, приземляйся...

«А ведь это мысль — слетать на льдину еще до подхода судна!» — подумал я и пошел за разрешением к начальнику экспедиции Брониславу Майнагашеву.

И вот мы уже кружим над ледоколом. Сверху он видится не таким внушительным, как с берега, и не очень сильным. Стала виднее и льдина. Странное дело: цвет у нее оказался гораздо темнее других. Казалось, под нами не льдина, а покрытый снегом участок суши. Схожесть эту усиливали следы пребывания здесь людей. А вот и сами хозяева острова. Бегут к вертолету, что-то кричат. Вокруг них с лаем носятся две собаки.

Бориса Крутских, с которым мы прилетели сюда, чуть не затискали в жарких мужских объятиях. Все зимовщики знают его, все обрадовались этой нежданно-негаданной встрече. Да и мне, признаться, пришлось почувствовать силу зимовщиков. Крепко жали руку, хлопали по спине, обнимали без церемоний, в расчете на мужика. Даже собаки, сердито лаявшие на прилетевшего с нами сотрудника Мурманской студии телевидения Феликса Шварца, стали ласкаться ко мне.

— Э-э, парень! Да ты, оказывается, свой человек, — пробасил рослый усатый зимовщик в вязаной шапочке на седой голове. — Они ведь у нас посторонних не признают.

Такое начало располагало к хорошей товарищеской беседе.

Усач оказался главным механиком станции Анатолием Быковым, самым старым по возрасту и по стажу работы в Арктике. Восемь раз зимовал на других льдинах. Бывал и в Антарктиде. А по тому, с каким уважением относились к нему

товарищи, в том числе и начальник станции, я понял, что это и самый авторитетный на острове человек.

— Гигантскую льдину ледникового происхождения осенью 1977 года обнаружил с самолета известный полярный гидролог Шильников, — рассказал мне Быков. — Наблюдения за ней показали, что движется она в направлении к полюсу. Размеры же ледового острова — около ста квадратных километров и тридцатиметровая толща льда давали веское основание надеяться на его долгую жизнь. Льдину решили использовать для размещения новой дрейфующей станции. И в апреле 1978 года сюда самолетами полярной авиации доставили первую партию зимовщиков во главе со старшим научным сотрудником Арктического и Антарктического научно-исследовательского института кандидатом физико-математических наук Игорем Поповым.

Был в этом первом ледовом десанте и Анатолий Быков. Вместе с помощником Валерием Перовым он собирал походные домики, монтировал временную электростанцию. Золотые руки механика творили на льдине чудеса. По его предложению домик, где разместилась электростанция, был поставлен рядом с кают-компанией и столовой. Проход между ними перекрыли, получился защищенный от ветра тамбур. Но и этого показалось мало опытному полярнику. Зная по себе, как скачают зимовщики долгой полярной ночью по домашнему теплу и уюту, он решил создать для каждого максимум удобств. Провел трубу отопления в кают-компанию, оборудовал баню. А в качестве источника тепла взял тот же двигатель электростанции. Вместо радиатора ему служит смонтированная умельцем система отопления группы домиков в центре поселка зимовщиков.

Первым помощником в этих делах механика был Валерий Перов. По возрасту он годился ему в сыновья, а по хватке, по отношению к работе они, как братья. Валерий — и тракторист, и слесарь, и шофер, и электрик. Правда, зимует первый раз. Но люди ведь познаются в делах очень скоро. Увидели в нем товарищи добросовестного работника, отзывчивого, душевного

человека. И порешили между собой: быть Перову секретарем островной парторганизации. А профгруппоргом избрали Анатолия Быкова. Домик, в котором они живут, зимовщики называют комиссарским. И это не просто слова. В этом — признание авторитета людей, их морального права быть вожаками.

Поселок зимовщиков состоит из трех групп домиков. Про одну — самую большую — я уже рассказал. Вторая — владения метеорологов и радистов. Их домики стоят рядом, но не соединены друг с другом даже тамбуром: не успели. Однако и по тому, что сделано, можно судить: времени зря здесь никто не терял. У тех же метеорологов все приборы уже стоят на положенных им местах. Два Саши — Крючков и Михайлов — поочередно круглые сутки снимают показания этих приборов, систематизируют данные и немедленно сообщают их на Большую землю. Прибывшие на остров операторы телевидения и кинохроники долго бились над тем, чтобы заставить их позировать.

— Некогда! — отвечали метеорологи. — Если хотите снимать, — снимайте. Но так, чтобы не отвлекались мы от работы.

У них все расписано по минутам. Собьешься с ритма — нарушишь систему. А этого допустить нельзя.

Удивляться неприветливости метеорологов не приходится. Ведь Арктика — это не просто льды, не только экзотика. Это еще и кухня погоды. Процессы, происходящие в атмосфере над этим регионом, влияют на климат всей планеты. И очень важно знать о нем как можно больше. Работа арктических робинзонов на ледовом острове способствует расширению этих знаний.

Свои задачи решают гидрологи и радиофизики во главе с Константином Сухоруковым. Их домики расположены на отшибе от основного поселка, потому что им надо быть ближе к воде. Вот и обосновались они на стыке ледового острова со льдом припайного происхождения. В нем легче бурить лунки для приборов контроля за состоянием льда и воды. Хотя легче-то относительно: толщина льда и тут немалая — пять метров.

— Наша задача — исследование физических процессов разрушения льда, — рассказывает руководитель группы. — Это — главное. Кроме того, мы изучаем и механические характеристики ледового покрова, что очень важно при решении проблемы борьбы со льдом на высокоширотных арктических трассах. Ну, а если сказать об этом еще короче, то мы все здесь для того, чтобы изучить природу взаимодействия океана и атмосферы.

Сухоруков немногословен. Предпочитает сам больше слушать. Впрочем, и остальные с искренним интересом расспрашивали меня о «Сибири», о ходе рейса, о новостях в стране, которые, по их мнению, мы непременно должны знать даже вдали от Большой земли. Как-никак, мы же с атомохода, буквально нашпигованного различными средствами связи с окружающим миром. Но вышло, что знают-то больше зимовщики. Нам за весь рейс не доставили на борт ни одной газеты. Здесь же — «Правда», «Труд», «Советский спорт» за вчерашний день. Вот тебе и оторванность острова от материка!

Разговорились — не остановить. А ведь по распорядку дня зимовщикам время спать. Сухоруков неоднократно украдкой глядел на часы, даже в сторону отходил, подавая ребятам сигнал. Да куда там! Обрадованные встречей со «свежим» человеком, те позабыли о сне. И сам Сухоруков в конце концов забыл про время.

— Хотите, покажем, как мы работаем? — вдруг предложил он.

И зашагали мы по раскисшему снегу к лункам, где установлены их приборы. В одном месте снег растаял, и нам пришлось брести по довольно глубокой луже, искрящейся синим пламенем под лучами незаходящего летнего солнца. Было приятно слушать обрывочные рассказы спутников об устройстве и назначении приборов, о методике обработки данных, хотя смысл разговора, честно говоря, и не доходил до меня. Да и где там сразу переварить и усвоить такую гору информации, вдруг свалившуюся на тебя?!

— Вы не думайте, что мы тут от скуки изнываем, — несколько раз повторил Владимир Степанов, самый молодой на

острове человек. Ему всего 23 года, но он уже успел побывать на станциях «Северный полюс-22», «Северный полюс-23». У него пышная шмидтовская борода, приятный голос. Володя любит играть на гитаре, буквально не расстается с ней. Побывала она с ним и в дальних арктических походах, о чем свидетельствуют автографы знатных полярников на тыльной стороне гитары.

— Вот это — подпись члена-корреспондента Академии наук СССР Александра Федоровича Трешникова, кстати, директора нашего института, — показывает Степанов. — С нее и началась история гитары. Это — автограф Ильи Павловича Романова, начальника экспедиции к Северному полюсу на атомоходе «Арктика»...

Тридцать три автографа именитых людей было в тот день на музыкальном инструменте молодого зимовщика. Когда мы расставались, Володя сказал:

— Пожалуйста, распишитесь и вы. Не так уж часто бывают в здешних местах спецкоры ТАСС. Хоть память останется...

Потом он продемонстрировал мастерство свое гитаристское. Не знаю, может и лучше играет кто-то, но мне его песня и музыка в эту солнечную полярную ночь на далеком плавучем арктическом островке казалась верхом мастерства. Другие зимовщики сперва молча сидели рядом на ящиках из-под приборов. Потом Степанову стал подпевать Александр Парнищев. Не удержался и сам Сухоруков...

Плыла над ледовым поселком песня о дружбе и верности, о мужчинах, бросивших вызов суровой Арктике. Песня, славящая отважных зимовщиков, ради блага и славы Отчизны презревших домашний уют и покой. Песня, с которой не стыдно выйти и на подмостки Большого театра. Родилась она здесь, на ледовом острове. И я горд тем, что стал одним из первых ее слушателей.

А гостем зимовщиков пришлось мне быть целых три дня, вплоть до отхода «Сибири» в обратный путь.

**РАССКАЗЫ
ОЧЕРКИ
ЗАРИСОВКИ**

САНЬКИНА ЛЮБОВЬ

Поезд на Вологду нешумно дернулся и, набирая скорость, стал удаляться от Мурманского вокзала. Пассажир купейного вагона Саня Круглов, молодой механик с траулера «Снежногорск», взглянул на часы и с удовлетворением отметил: отправились в путь точно по расписанию. Такое начало первого в его жизни трудового отпуска вполне отвечало радужному настрою моряка. У Саньки были к тому же другие причины быть оптимистом: его молодость, крепкое здоровье, любимая работа, о какой мечтал еще со школьной поры. А главное — впереди его ждала встреча с Ольгой, самой красивой на свете девушкой.

Они познакомились прошлым летом, когда Круглов, тогда еще курсант мурманской мореходки, отдыхал у родственников в вологодской деревне. Местные девчата сразу же положили глаз на коренастого, крепко сложенного паренька в морской форме: чем не жених?! Только одна — синеокая, стройная, с русой косой, делала вид, будто приезжий ее не интересуется. Она-то и запала в душу будущего моряка.

От родственника Санька узнал, что Ольга, так звали девушку, учится в десятом классе. Живет вдвоем с мамой-учительницей в селе почти за десять километров от центральной усадьбы совхоза. На танцы в клуб приходит редко и до конца вечера никогда не задерживается.

В тот памятный день в сельском клубе собралась молодежь из всех окрестных деревень. Были и чужаки, как и Санька,

приехавшие сюда из города отдохнуть. Он сразу обратил внимание на долговязого подвыпившего парня, который стоял рядом с Ольгой, то и дело пытаясь обнять ее. Она отталкивала его и, озираясь по сторонам, явно ждала, что кто-нибудь из собравшихся в клубе одернет нахала. Но местные парни стыдливо прятали глаза, молча взирали на происходившее и девчата.

Долговязый, похоже, пришел сюда не один. Двое подростков, стоявших рядом с ним, подобострастно хихикали над попытками девушки избавиться от назойливого ухажера. А тот, окрыленный молчанием толпы, действовал все нахальнее. И Санька не выдержал.

— Оставь ее в покое! — сказал долговязому. — Не видишь, что ли, она не хочет иметь с тобой дела.

— Ты че, парень, хочешь со мной побалаякать? Выходи на улицу, там побеседуем.

И направился к выходу. Оба подростка последовали за ним. Санька понял: драки не миновать.

Нет, он не боялся быть побитым. В мореходке на занятиях по военной подготовке курсантов учили не только метко стрелять, а и умению защищаться. Навыки приемов самообороны не раз выручали его при стычках с чужими ребятами. Пригодились они и на сей раз. Когда после громких угроз «разделатъ под орех» долговязый замахнулся на него, Санька привычным движением левой руки ослабил удар противника, а правой, напрягшись всем телом, резко стукнул ему в подбородок. Тот, как мешок, повалился на землю. Бросившемуся на подмогу подростку достался не менее хлесткий удар. Санькину победу закрепили точные его удары ногой в места, откуда у человека растут ноги. Все трое противников позорно бежали...

Вернувшись в клуб, где все ждали итогов разборки, он увидел плачущую Ольгу в окружении успокаивающих ее девчат.

— Не бойтесь, все уже позади. Они никогда больше не станут приставать к вам.

И неожиданно для себя добавил:

— Хотите, я провожу вас до дому?

Ольга, утирая платочком слезы, тревожно глянула на него. Приятная наружность, а еще больше бесстрашие и помощь, оказанная им, — все это зародило в душе Ольги такие искры, которые не хуже греческого огня зажгли бы и сердце в воде. Лицо ее неожиданно осветила улыбка, полная такой чарующей силы, что Санька растерялся. И чем больше вглядывался в него, тем больше она ему нравилась. Когда глаза их встретились, он в ожидании ответа весь подался вперед.

— Хорошо, я согласна, — чуть слышно проговорила девушка.

* * *

Теплый безветренный день угасал, когда они вышли на улицу. Только на горизонте, там, где зашло солнце, небо еще рдело багровыми полосами, словно кто-то невидимый разукрасил его огромной кистью. На фоне его старая полуразрушенная церковь, мимо которой лежал их путь, казалась причудливым сказочным дворцом.

Когда появились первые звезды, они молча шли уже по тропе, проложенной кем-то через бескрайнее ржаное поле. Рожь, набравшая колос, сплошной стеной стояла вокруг их. Она еще не успела принять золотистого цвета спелости и под легким дуновением ветерка в наступающих сумерках переливалась сизо-зелеными волнами.

«Совсем как море в тихую погоду», — подумал Санька, вспомнив недавнюю морскую практику, и хотел сказать об этом девушке, но та остановилась, явно желая сообщить ему что-то свое.

— Видишь сосну на краю поля? — произнесла она. — Когда из школы возвращаюсь, я возле нее всегда останавливаюсь. Там такой вид открывается — глядишь и не можешь наглядеться. Жаль, сейчас красоты этой не увидеть...

Санька глянул на нее и поразился. Мерцающее сияние звезд отразилось в ее глазах, и вся она в сгущавшихся сумерках казалась неправдоподобно красивой, как будто сошла с врубелевского полотна. Он смотрел сбоку на ее гордый профиль, и волна нежности захлестнула его.

— Ты чего?! — спросила она удивленно, не выдержав этого взгляда.

— Я? ... Я — ничего...

Но она не удовлетворилась сказанным им, снова и снова требовала ответа. Санька нес всякую чепуху, не решаясь сказать о переполнившем его чувстве. Да вскоре и ей надоела эта игра.

— Догоняй! — крикнула она и стремительно побежала вперед, но не по тропе, а прямо по ржи.

Санька не скоро догнал ее. Обнял за плечи и повернул лицом к себе. Широко открытыми глазами смотрела она на него, и грудь ее упруго и часто вздымалась под серой, облегающей тело кофточкой. Вся она была выражением ожидания, открыто и смело ждала его слов. И он сказал:

— Оля! Ты... Ты мне больше всех нравишься...

Она все смотрела на него и все ждала продолжения. Но, высказавшись, Саня и сам не знал, что делать дальше.

— И ты мне — тож ... — услышал он ее горячий, взволнованный шепот.

Сказала так и прильнула к нему. И так стояли они в ночи на краю ржаного поля и молчали. Сверху на них лилось мерцающее сияние звезд. Будто желая укрыть влюбленных от чужих глаз, над полем начал подниматься густой туман. Смолкли надрывно кричавшие до того в траве лягушки и коростели. Стало так тихо кругом, что Санька услышал, как громко и в ритм стучат его и Ольги сердца. И радость, какой он еще не испытывал никогда, охватила его. Ему захотелось сделать что-то приятное, что-то только для них с Ольгой. Но что — он не знал.

— Хочешь, я понесу тебя на руках? — неожиданно выпалил он. И сразу, не дожидаясь ответа, поднял и понес ее, сам не зная куда.

* * *

О случившемся в клубе уже на следующий день знала вся округа. Деревенские бабы судачили о нем и в последующие дни. Большинство сочувствовали Ольге и желали ей счастья в

любви. Только одна, по прозвищу Шулаиха, чей сын, недавно вернувшийся из армии и безуспешно пытавшийся завоевать расположение девушки, не переставала ворчать:

— Подумаешь, красавец нашелся, — хулила она мурманского гостя. — Вот увидите: поматросит и бросит. В городе-то получше ее невест хватает...

Бабы, не переставая следить за ходом событий, не соглашались. Видно было, что Ольга действительно глубоко зацепила сердце гостя. А между тем его отпускные дни летели, как птицы. Каждый вечер Санька бежал на встречу с любимой. Жалея его, Ольга стала назначать свидание на полпути к ее дому — у той сосны, что росла одиноко у края ржаного поля. Рожь уже вызрела, и на поле пришли комбайны — собирать урожай. На поляну у края поля стал пригонять совхозное стадо коров старый пастух дядя Коля, тоже с большим интересом ждавший, чем закончится так неожиданно начавшаяся дружба молодых людей. Не раз, наблюдая за ними, он отгонял коров и сам уходил за стадом, чтобы влюбленные могли подольше побыть наедине.

Перед отъездом в Мурманск Саня дал слово приехать сюда в следующем году в то же самое время. Девушка обещала ждать.

Уезжал он полный надежд, счастливым и радостным. А потом потянулись долгие дни ожидания нового отпуска.

* * *

На большом морозильном траулере «Снежногорск», где Саньке довелось проходить морскую практику и куда он был направлен после окончания мореходки, его уже ждали. Это судно считалось одним из лучших на флоте, и не случайно именно на него пал выбор — идти к берегам Аргентины — осваивать новый район промысла. Санька был рад, что его морская биография начинается со столь важного и интересного рейса. Работа у него, как и всего экипажа, спорилась. Особенно хорошо ловился клыкач. Быстро взяв полный груз, экипаж стал готовиться к возвращению в родной порт. Но планы

моряков нарушила радиограмма, полученная от руководства флота. «Снежногорску» предписывалось идти для сдачи улова в ближайший аргентинский порт, а потом — снова в район промысла и ждать там подхода других российских судов.

Неожиданное продление рейса, и так длившегося почти три месяца, надолго откладывало встречу экипажа с родными и близкими. Это огорчало моряков. Саньку — сильнее других. Он любил впервые, и сердце его, кипящее юностью, легко принявшее впечатление страсти, рвалось навстречу сердцу девушки.

До начала этого рейса судно работало в Баренцевом море, почту на него доставляли попутными траулерами. Успел получить несколько писем от Ольги и Круглов. В одном из них она сообщала:«Я очень соскучилась по тебе. Когда ты уехал, каждый день ходила к нашей сосне. И такое там нападало на меня уныние, что я плакала... Возвращайся скорее, любимый!»

Санька часто перечитывал это письмо. Пока рыбачили неподалеку от родных берегов, и сам чуть ли не ежедневно писал Ольге. Посылал радиограммы и от берегов Аргентины, но туда почта с родины не доходила. И Санька совсем загрузил.

Наконец-то трюм снова стал полон рыбой. Экипажу дали добро возвращаться в свой порт. А новое лето было уже на исходе. Саня не успевал на встречу в обговоренное время.

* * *

В Мурманск «Снежногорск» вернулся в первых числах сентября. Пока выгружали улов и сдавали судно подменной команде, прошло больше недели. И вот уже Саня снова спешит по знакомой дороге в деревню, где, надеялся, все еще ждет его Ольга.

Стояла ранняя погожая осень, с теплыми короткими дождями. Набухшая от влаги почва на недавно убранном поле будто в знак благодарности небесам дружно покрывалась молодой зеленью. У одинокой сосны, как и прошлым летом, он встретился со старым пастухом дядей Колей.

— А-а, морячок! — обрадовался тот. — Приехал-таки... Только вот опоздал маленько. Девка-то твоя, говорят, уехала в город насовсем...

— В какой город? Зачем? — только и смог выговорить Санька, оглушенный такой новостью.

— Врать не буду — не знаю, — ответил старик. — Люди бают, в Москву, поступать в институт. Школу-то она закончила с медалью. А уж тебя-то так ждала, так ждала! И сюда не раз приходила...

Да ты шибко-то не грусти. Если уж очень по сердцу тебе она — отыщешь...

Старик еще говорил что-то, но Саня уже ничего не слышал. Даже не попрощавшись с ним, молча побрел по полю обратно.

Он еще не знал, как будет действовать дальше, но сердце подсказывало ему: за счастье свое, за любовь надо бороться до конца.

ЖЕНЩИНА С ИКОНЫ

В больнице, как и в поезде, люди знакомятся быстро. Не прошло и двух дней, как я уже знал чуть ли всю биографию своего нового соседа по палате.

Еще с порога, широко улыбаясь, он не сказал, а почти прокричал:

— Принимайте пополнение! Я не храпун, так что мешать не буду...

Подошел к своей кровати, деловито разложил принесенные с собой вещи в тумбочку и протянул мне довольно крупное яблоко. Все так же улыбаясь, пояснил:

— Вологодское. Сам вырастил, став пенсионером. А до этого в море ходил механиком. Довелось послужить и на партийной работе здесь, в Мурманске... Вот зимовать вернулся сюда.

Яблоко, хоть и было с кислинкой, оказалось сочным и сладким. С обсуждения его качеств и началось наше знакомство.

Говорил Павел Иванович громко, как и все люди, привыкшие работать в шумном производстве. Окающий говорок выдавал в нем уроженца севера вологодской земли. Да он и не скрывал этого.

— Нас, вологодских, здесь, наверное, полгорода. Ну не чисто вологжан, а вместе с теми, что обживали эту землю в давние годы и их детьми.

— Сам-то откуда родом? — неожиданно спросил он меня.

— Из тех же краев, — говорю.

— То-то я сразу почувствовал в тебе земляка... На родину-то тянет?

— Тянет... Да только все реже удается проведать родные места...

— А я вот как ушел с партийной работы, — в свою деревню на все лето езжу. Дом родительский подновил, садик развел. Хотя отродясь в нашей местности яблоки не выращивали, а уж про вишню-сливу не говорю. Не до них было тамошним мужикам. Все работа, работа, да пьянка по выходным. Скучно живут. На меня, когда садик стал разводить, как на дикаря глядели. А как яблок попробовали да клубнички, — сами взялись разводить их.

Жалко — в деревне одни старики остались. Детишек совсем не видать. Да и то — каждый второй дом пустует. А помнится, еще в первые годы после войны только школьников у нас на сорок домов было больше шестидесяти...

Павел Иванович помолчал, побряхтел, видать, вспомнил своих одноклассников, и сказал со смешинкой в голосе:

— Ох и веселое было время для нас, малолеток. А со мной так почти тендряковская история приключилась. Ну та, про икону чудотворную. Всю жизнь она преследует меня.

Почувствовав интерес собеседника, Павел Иванович после недолгой паузы продолжал:

— Рос я без отца — убили его на войне. Матери с тремя ребятишками было не до меня. Ну, я и куролесил вместе с закадычными друзьями — Колькой Копышевым и Сережкой Кулимановым. Горой стояли друг за друга. Когда были вместе, нас побаивались тронуть даже старше нас парни. А уж на проказы разные нам не было равных в округе, хоть мы и носили пионерские галстуки.

После войны как ведь было? Крепкие мужики, вернувшиеся с фронта, в деревне не задерживались. В городе рабочих рук не хватало, вот и брали на заводы вчерашних колхозников. Оставленные без присмотра дома их стали любимым местом наших ребячьих игр. В подполье одного из них нашли целый сундук детских книг. Забравшись туда, мы начинали рассматривать их там же, в подполье. Домой-то брать было нельзя: матери сразу бы начали спрашивать, где взяли? И так продолжалось, пока хозяева не разобрали свои дома и не увезли их в город. Так тогда решалась жилищная проблема.

Лишившись столь привлекательного занятия, наша троица стала искать другие. В соседней деревне тогда ломали церковь — на кирпичи для колхозной стройки. Но церковная кладка оказалась столь прочной, что ее не «брал» и динамит. Подорвать удалось лишь храм, а колокольня, хоть и пострадала от взрыва, уцелела. Пацаны из всех ближайших деревень ходили к ней, чтобы по десятиметровой полуразрушенной стене взобраться на самую ее макушку. Мало кому удавалось покорить высоту, но наша троица на зависть другим ребятишкам умудрялась забираться на самый верх. Не раз и не два — до тех пор, пока не взорвали и эту часть храма.

В школе нам говорили, что Бога нет, что церковь дурманит народ и что надо с этим пережитком прошлого бороться. Как бороться — не говорили, но призывали. Способ нашли мы сами.

Жила в нашей деревне старушка по прозвищу Кочиха. Кто она и откуда взялась, — никто толком не знал. В начале войны ее привезли к нам вместе с другими эвакуированными откуда-

то из-под Ленинграда. Она-то и собрала у себя часть икон, уцелевших после разгрома церкви.

Всегда в черном платье и надвинутом на глаза платке, Кочиха внушала нам страх. Мы побаивались ее, считали колдуньей. Зато деревенские старухи души в ней не чаяли. Собирались в избушке ее, молились. Там же Кочиха вместе с изредка заезжавшим священником крестила детей и причащала взрослых. Она же и лечила старух травами, настойками. Те, как могли, оберегали ее, помогали. Кто хлеб принесет, кто — молоко, кто — десяток яиц. Тем и жила.

Вот к этой-то бабке и решили мы с Колькой и Серегой забраться в избу, когда уйдет на очередной сбор трав, чтобы вынести оттуда иконы.

Дома тогда в деревне не запирались — не то что сейчас. Зайти в них мог кто угодно. Но воровства и в помине не было. И мы, двенадцатилетние пацаны, не думали о воровстве. Мы шли в Кочихин дом, чтобы помочь нашим школьным наставникам покончить с церковным дурманом, мешающим строить колхозную жизнь.

Выбрав самую, на наш взгляд, красивую икону, понесли ее ко мне домой. Колька подал мне топор и говорит:

— Ты у нас самый смелый — руби!

За этим занятием и застала нас моя мать.

— Окаянные! Что же вы делаете?! Это же икона!

Дружки мои вмиг разбежались. Меня же ждал страшный суд.

Помню, в избе собрались и самая злобная в деревне бабка по прозвищу Попичиха, и вечно жалующаяся на судьбу Бачаговна, и тихая Виссариониха, и моя тетка Ираида. Сидят молча на лавке, смотрят на меня осуждающе. В центре — Кочиха. Уже стемнело, в избе зажгли лучину, в мигающем свете которой лица старух мне казались окаменевшими. Мать стояла рядом со мной, держа в руках вожжи. Я же в эти минуты чувствовал себя Павкой Морозовым и был готов на любые истязания.

— Начнем, что ли? — мрачно проговорила Попичиха.

Мать слегка ударила меня по спине вожжами.

— Не надо, Анна, — слышу тихий голос Кочихи. — Не нам его судить: несмышленье еще. Бог сам рассудит.

С тем старухи и разошлись по домам.

Но радовался избавлению от порки я рано. Вскоре случилась в деревне беда — все малолетки заболели корью. Ко мне привязалось еще и воспаление легких. Мечусь в жару, температура — за сорок. И кажется мне, что вокруг меня и по мне бегают здоровенные крысы. Я задыхаюсь, кричу, чтоб прогнали их. Но все напрасно. В какой-то момент наступает «просвет». Вижу, рядом со мной бабка Кочиха, на коленях стоя, молится. Заметив, что очнулся, сует мне под нос большой желтый крест.

— Поцелуй его, — шепчет. — Легче станет...

Я мотаю головой, отворачиваюсь от креста. Ведь негоже целовать его пионеру. Да и ребята засмеют, если узнают.

А крысы снова откуда-то появились. Смотрят на меня, дышать не дают. Тяжело...

Смирился я, поцеловал-таки крест. И все крысиное племя вымыло испарилось. Стало мне легче.

— Ну, слава Богу, кажись, оклемался, — сказала Кочиха, обращаясь к маме. — Ты его теперь потеплее укрой и все пройдет.

— Почему, говоришь, к врачам не обратились за помощью? — прервал рассказ Павел Иванович. — Да в ту пору в нашей глухомани не то что больницы и фельдшера-то не было. Все полагались на волю Божью да на уменье таких вот знахарок, как наша Кочиха, светлая ей память.

Много еще неприятностей было со мной в молодые годы. И тонул не раз — дружки спасали, и под машину попал — чуть без ног не остался, и за драку едва в колонию не угодил, но школу все же окончил и поступил в техникум. Став электромехаником, получил направление в Хабаровский край. Там дела у меня пошли хорошо, заводские ребята избрали ком-

соргом. Создали мы самодеятельный художественный коллектив. Стали ездить по выходным в ближайшие поселки с концертами. Выступали даже в районных клубах. В одну из поездок машина наша попала в аварию. Ребята отделались синяками да ссадинами, а мне каким-то образом пробило живот. Началось заражение. Отвезли меня, уже потерявшего сознание, в Хабаровскую краевую больницу. Очнулся на операционном столе. Помню, в окно светило неяркое зимнее солнце. На заиндеветых ветках дерева за окном суетились воробьи...

Хабаровские врачи спасли мне жизнь. Но вернуть меня к работе не смогли. Профессор, оперировавший меня, так и сказал:

— Мы сделали все доступное нынешней медицине. В таких случаях пациенты вообще не выживают. Вы — редчайшее исключение. Теперь вся надежда на народную медицину. Ищите хорошую бабу-знахарку.

А где ее возьмешь?

Пришлось бросить работу и возвращаться домой, в вологодскую глухомань.

Мать даже не сразу признала в худушем пареньке своего сына. Заохала, запричитала. Думала, это с голодухи я почти позеленел и так сильно осунулся. Потщила к столу. Узнав, в чем дело, пошла за помощью все к той же Кочихе.

Бабка пришла не сразу. Видно, еще была в обиде за мою детскую проделку. В избе появилась под вечер. Долго разглядывала меня, ни о чем не спрашивая. Матери сказала, чтобы достала ей свежее нутряное сало барана. С тем и ушла.

После уже я узнал, что из этого сала и трав приготовила Кочиха отвар, которым и стала поить меня по утрам, чтобы спайки, оставшиеся в кишечнике после операции, рассосались. А когда подавала питье, что-то над ним нашептывала. Ну совсем, как в кино.

Не знаю, молодой ли организм сам себя избавил от недуга или бабкин отвар помог, но через пару месяцев я уже бегал с

другими парнями на девичьи посиделки и легко таскал трехпудовые мешки с зерном в колхозное зернохранилище.

Жизнь снова улыбалась мне.

Кочиха же куда-то уехала, и больше в деревне ее никто не видел. Я даже спасибо сказать ей не успел.

Перед самым отъездом она будто бы сказала одной из старух, что меня впереди ждет еще одно тяжелейшее испытание и что если выдержу его, буду жить долго и принесу людям много пользы. Это и станет якобы моим искуплением совершенного в детстве греха.

Шел 1956 год. Партия выдвинула лозунг: «Молодежь — на Север!». Так я в Мурманске и оказался. На Север заглянул аж на целые полвека.

Устроился — по протекции родственника — в траловый флот. В первые рейсы ходил электриком. Вскоре назначили третьим механиком. Траулер был не из новых, механизмы изношены до предела. Приходилось многое исправлять и доделывать прямо в море или во время коротких стоянок в порту, внося изменения в их конструкцию. Это заметили наверху. Меня повысили в должности, приняли в партию. Потом «двинули» на комсомол — инструктором горкома...

Словом, рос я по служебной лестнице, как тесто на дрожжах. С комсомола перевели на партийную работу. Дали хорошее жилье. Живи да радуйся! И вдруг все рухнуло. Попал я в очередную аварию. Со сломанным позвоночником оказался в больнице.

Мурманские медики «собирали» мои позвонки, потом заново учили ходить. Сперва на костылях и в корсете, потом — без них. Что мне пришлось тогда перенести — лучше не вспоминать. Хорошо, что близкие не отвернулись, подбадривали, как могли.

Спасибо должен сказать и товарищам по партии — подыскали хорошую работу, где после больницы и трудился, пока не пришло время идти на заслуженный отдых.

Чего скрывать, боли в спине и сейчас дают знать о себе. Глушил их работой. Брал на себя больше, чем требовалось, да

еще и от общественной работы не отставал. Был депутатом городского и областного Советов, выполнял другие партийные поручения. Загруженность делом отвлекала от болей. А на ум все чаще приходила та, совершенная в детстве глупость с иконой. Мать тогда выбрала из кусков уцелевшего полотна лик Богородицы и вывесила этот обрывок в углу кухни. Он и сегодня висит там, хотя мамы нет в живых уже более четверти века. Приезжая в деревню, старался не смотреть на него. Было стыдно.

В прошлом году оказался я в Вологде. Бродил по тихим скверикам, любовался старинными православными храмами. А их там множество. Мое внимание привлекла церковь, построенная еще при Иване Грозном. И вдруг меня, коммуниста с полувековым партийным стажем, неудержимо потянуло к этому дому Господню. Не в силах противиться этой тяге, шагнул в открытую дверцу церковной ограды.

Время вечерней службы еще не наступило, и вход в храм был закрыт. Из пристройки к нему вышла прислужница — невысокая женщина в монашеском одеянии. Объяснил ей, что я приезжий, что очень хотел бы побыть внутри церкви, поставить свечу.

— Пожалуйста, проходите, раз надо, — проговорила она.

В церкви царил полумрак — включено было только дежурное освещение. Лица святых на иконах были как бы в тени. Я встал перед одной из них, впервые в жизни перекрестился и... В общем, покался.

Поставив свечу, направился к выходу. У самой двери обернулся и замер от удивления. Свечка моя, причудливо изогнувшись, сильно накренилась, но не погасла.

— Вон как тебя, голубок, жизнь-то поломала, — голосом бабки Кочихи проговорила прислужница. — Но Бог милостив. Хорошо, что пришел с покаянием. И не бойся, твой час еще не пробил... А свечку я поправлю...

Павел Иванович снова замолчал. На сей раз надолго. Мне показалось, что он еще хочет что-то рассказать, но не решает-

ся. Видать, крепко запала в душу его эта история с иконой, а поделиться раздумьями не с кем. Разве что с этим внимательно слушающим его соседом по больничной палате. И он решился.

— Нынешней весной хватил меня инфаркт. Привезли в эту же больницу, где мы сейчас, — в реанимацию. Через три дня окончательно пришел в себя. Стали готовить меня к переводу в общую палату. И вот лежу я на высокой реанимационной койке, гляжу, как доктор записывает что-то в моей истории болезни. И вдруг все пространство перед моими глазами заполнил какой-то серый туман. В середине его открылся просвет, и в нем я увидел прекрасную женщину в белом одеянии. Она, чуть наклонив голову, пристально смотрела на меня. Лицо ее тоже было белым, будто вылепленным из мрамора, а глаза добрые-добрые. Кажется, она что-то говорила...

— Ну вот и выкарабкался! — слышу голос врача. — Считай, что легко отделался...

Я вздрогнул от неожиданности, закрыл на миг глаза. А когда открыл — видение исчезло. Мне показалось, что я уже где-то видел ее, эту прекрасную незнакомку, возникшую из тумана. Вот только где?

Мысль эта мне не давала покоя. Весь день, уже лежа в общей палате, мучительно перебирал в памяти события всей своей жизни. И тут меня осенило: да ведь это та самая женщина с иконы, которую в детстве я изрубил на куски. Иконописец изобразил ее в цветном одеянии, а тут вся в белом...

Павел Иванович сильно разволновался. Лицо его побагровело, на висках набухли вены. «Инфарктнику это ни к чему», — подумал я и упрямился лечь в постель.

— Хоть верь, хоть не верь, — но так было, — сказал он с каким-то отчаянием уже с кровати. — Как думаешь, что хотела сказать мне Она?

Я не знал, что ответить, и промолчал. После уже, когда Павел Иванович успокоился, спросил его:

— Ну а дружки-то твои как?

— Колька Копышев стал летчиком. Вырос до командира экипажа, но стал выпивать. От летной работы его отстранили. Жена ушла к другому. Сбомжевался мужик. В последнее время жил в бараке. Случился пожар, и все бывшие там бомжи сторели. И Колька — тоже. Ему не было еще и сорока.

Не сложилась жизнь и у Сережки Кулиманова. Он выучился на тракториста, работал в колхозе. Женился. Завел пятерых детей. Сам спиртным не увлекался, а жена пристрастилась. И у него семья распалась. Умер Сергей. И тоже молодым.

Вот такой, брат, конец этой страшной истории.

Больше я ни о чем его не спрашивал.

НА РЫБАЛКЕ

Теплый августовский вечер. Закатное солнце золотит стволы вековых сосен по берегам разливов. Мы с Акиндином Поршневым здесь, у впадения речки Аким в Лотту, рыбачим одни. Не потревоженная ветром вода, как большое зеркало, отражает и эти сосны, и проплывающие над нами редкие облака. Красота!

Долго не было клева. Наконец Акиндин вытащил крупного окуня. Вскоре и поплавок моей удочки нырнул в глубину. Подсечка — и в лодку падает такой же полосатый красавец. Поклевки следовали одна за другой, и мы с напарником начали соревноваться, кто больше поймает.

Вдруг там, где кончаются разливы, раздался рокочущий звук мотора. Поднимая крутую волну, вниз по течению Лотты мчался катер. Поравнявшись с нами, он резко свернул в нашу сторону.

— Наверно, обкомовцы. Их этот катер, — предположил Акиндин.

Он не ошибся. Так же резко, как повернул к нам, катер остановился метрах в тридцати от нашей резиновой лодки. И

без подсказки напарника узнал я в его команде первого секретаря обкома КПСС В. Н. Птицына, председателя облисполкома А. П. Зазулина и заместителя председателя правительства РСФСР В. И. Казакова, интервью с которым накануне передал в ТАСС.

Поздоровавшись, Птицын спросил о клеве. Лучшим ответом ему послужили очередные окуни, выловленные нами. Зазулин же интересовало, где поставлены нами сети.

— Мы сетями не ловим, предпочитаем удочки, — ответил Поршневу. — Клев, как видите, отличный.

Но клевало только у нас. Зазулин горячился, ворчал, что мы заняли его любимое место. Он даже велел мотористу вплотную приблизиться к нашей лодке. Птицын уговаривал его, мол, рыба и к ним подойдет. Надо только набраться терпения.

И действительно, вскоре поплавок столичного гостя ушел под воду. Удилище изогнулось дугой. Чувствовалось, на крючке крупная рыбина.

— Наверное, кумжа, — предположил Поршневу, как и я, забывший о своей удочке. — Эх, видать, не настоящему рыбаку попалась! Видишь, как торопится вытащить ее...

Это заметили и напарники удачливого товарища. Зазулин с сачком в руках вплотную приблизился к гостю.

— Да не тяни ты так быстро! — кричал он. — В натяжку держи, в натяжку! Пусть вымотается, а потом подтяни поближе к борту, чтобы сачок под нее подвести.

Советы явно не помогали, и Алексей Павлович завелся:

— Да разве так ловят?! — шумел он. — Держи же ее в натяжку, мать твою так...

Минут десять шла борьба человека с рыбиной. Немало матов пришлось выслушать гостю, пока уставшая рыбина подчинилась усилиям удильщика. Зазулин ловко подвел под нее сачок. В закатных лучах солнца золотом засверкали желтоватые бока добычи.

— Сиг?! — удивленно воскликнул Поршневу. — Килограмма на два потянет...

На катере же радости от этой победы, казалось, не будет конца. Гость, любуясь добычей, взхлеб говорил, что привезет рыбину в Москву, похвастается на работе и обязательно с ней сфотографируется.

— Ты лучше ее засоли — так сохраннее будет, — снова стал поучать его Зазулин.

Птицын молчал, с улыбкой наблюдая за товарищами. Тут и мы вспомнили про свои удочки. Наживки на них не оказались: прозевали, видать, поклевку. И сколько потом не забрасывали ее в клевое место, все понапрасну. Зато у катерников что ни заброс — окунь. И более крупный, чем наши. Вскоре Птицын, прикинув вес улова, сказал товарищам:

— На сегодня, пожалуй, хватит. Пора возвращаться.

Они смотрели удочки, и катер помчался вверх по Лотте к обкомовской даче.

Признаться, я был удивлен всем увиденным в тот вечер. Особенно терпением столичного гостя. В его поведении не было даже намека на обиду за тяжелые зазулинские поучения.

Поршневу же, будто прочитав мои мысли, заметил:

— А что ты думал? На рыбалке, как и в бане, начальников нет. Все равны.

* * *

Акиндинов — мой давний партнер по рыбалке. Это с его легкой руки и стал я, до этого весьма равнодушный к рыбачьему делу, заядлым рыболовом.

Началось все давно, еще в советское время. Тогда к самым рыбным местам — вблизи границы с Норвегией и Финляндией — въезд был ограничен. Стокилометровая территория была объявлена пограничной зоной со всеми вытекающими отсюда последствиями. Чтобы проехать туда, надо было иметь специальный пропуск. У меня, в ту пору собственного корреспондента ТАСС по Мурманской области, пропуск был постоянный. В полном моем распоряжении была и служебная «Нива».

Это обстоятельство и привлекло ко мне внимание заядлого рыбака Акиндина Васильевича Поршнева, работавшего тогда в аппарате обкома КПСС.

Как-то зашел я к нему по делам. Разговорились. Поршневу и предложил мне съездить с ним на рыбалку в эту самую запретную зону. Он так красочно расписывал прелести заполярной рыбалки, что я не мог не согласиться.

И вот мы уже на 147-м километре лоттинской дороги. Свернули налево — к обкомовскому деревянному домику на берегу реки Лотта. Потом — снова налево, по фронтовой дороге, которая упиралась в песчаную косу на стыке реки с Верхнетуломским водохранилищем. Акиндин быстро накачал свою оранжевого цвета лодку, сделанную из спасательного плотика, собрал удочки, и мы спустились вниз по реке. Я на ходу сделал первый заброс и сразу — поклевка! Резко, как привык с детства ловить уклейку в речке Двиница на своей малой родине в Вологодской области, делаю взмах удилицем, и в воздухе затрепетал крупный окунь. У самого борта лодки он сорвался с крючка — и был таков!

— Да разве так ловят! — закричал на меня напарник. — Это тебе не уклейка!

Спохватился, что не с того начал рыбалку, и уже без ругани довольно спокойно спросил:

— Покажи рукой, в каком месте была поклевка?

Развернув лодку, он тормознул в указанной мною точке и забросил свою удочку. Огорченный таким началом рыбалки, я обидчиво молчал. Акиндин же, выловив первого окуня, стал объяснять, как надо рыбачить на северном водоеме. Выслушав наставления, снова делаю заброс. И сразу — поклевка. На сей раз рыба, прочно севшая на крючке, не сорвалась.

— Понял, в чем секрет? Теперь дело пойдет!

И действительно, пошло! Вскоре от моей обиды на напарника не осталось и следа.

С того дня и повелось: уже с четверга мы с Поршневым начинали готовиться к очередной поездке на это рыбное место.

Кроме крупных окуней здесь частенько попадались сиги и даже кумжа.

Наступила зима. Летние удочки сменили на зимние. Поршнев подарил мне не только удочки, а и ледобур. Поездки в пограничную зону не прекращались до середины мая. В нашу компанию вскоре вошли еще два заправских рыбака — тоже партработники — Павел Веселов и Виталий Манухин. Но если они не всегда могли вырваться на рыбалку, то для Поршнева преград не существовало. Он действительно был заядлый рыбак. И как у каждого такого рыбака, с ним случались истории, которым не будь я очевидцем, ни за что бы не поверил.

Вот одна из них.

В мае 1986 года рыбачили мы на озере, что за грядой сопок справа от лоттинской дороги на 142-м километре. Лед на озере в ту весну держался долго, и рыба, видать, соскучившаяся по чистой воде, как говорится, сама шла на крючок. Клев был отличный!

Акиндин, пробуривший лунку метрах в семи от меня, выудил крупного сига.

— Смотри, какой красавец! — сказал он, держа в руке снятую с крючка рыбку. Я повернулся к нему и оторопел. Какая-то крупная птица, спикировав на Поршнева, вырвала у него из рук добычу и ринулась в мою сторону. От испуга я присел. Воздушный разбойник, прошелестев крыльями над моей головой, полетел в сторону темнеющего в конце озера соснового лесочка. Это был орлан-белохвост, редкая в наших краях птица, занесенная в Красную книгу Мурманской области. Размах крыльев его достигает двух метров, пояснили потом мне в Кандалакшском государственном заповеднике. Необычное поведение птицы специалисты объяснили просто: затянувшаяся весна лишила орлана привычной пищи, в том числе рыбы, ловить которую орланы — большие мастера. Голод и заставил его пойти на столь необычный способ добычи корма.

Через неделю мы с Поршневым и моим соседом по дому Олегом Ягодинским снова приехали на это озеро. Орлан, ка-

залось, ждал нас. И как только мы выловили первых сига, подлетел к нам, разогнав слетевшихся к месту рыбалки ворон, которые на фоне орлана выглядели, как воробьи. Уезжая с озера, мы оставили птицам не только часть улова, но и остатки хлеба и других припасов, взятых из дома. Орлан не подпустил к ним ворон до тех пор, пока сам не насытился. Улетая же, прихватил с собой большого налима, оставленного нами на месте рыбалки.

* * *

В последний раз вместе с Поршневым я рыбачил в начале нынешнего века на озере у самой лоттинской дороги в районе 157-го километра. Акиндин был уже давно на пенсии, стал прихварывать, но любимому занятию не изменял. Идти на дальние озера с тяжелым рюкзаком ему уже было не по силам, а на рыбалку тянуло. Вот и пришлось пытаться удачу на обезрыбленном браконьерами-сетевиками придорожном озере.

Улов был плохой, на приманку шли только мелкие окуньки. Наловив их на уху, решили плыть к месту стоянки. Вдруг Акиндин, следовавший сзади меня, тревожно крикнул:

— Вася, стой! Что-то серьезное клюнуло...

Обернувшись, увидел согнутое в дугу удилище Акиндина. Его лодка, не закрепленная якорем, почему-то зигзагами двигалась самостоятельно. Подумалось: наверное, крупная щука позарилась на мормышку поршневной удочки. А он, боясь упустить добычу, просит не подплывать близко к нему.

Почти полчаса длилось единоборство человека и рыбы. Победил человек. А боролся он, оказывается, не со щукой, а с необычно крупным сигом. Показывая потом улов, Акиндин с гордостью произнес:

— Царь-рыба! Мечта каждого рыбака...

Признаться, от этих слов мне стало грустно. В памяти всплыли истории, услышанные мною от коренных жителей

Кольского полуострова — саамов. Одна из них, поведенная жительницей Ковдора Марией Прокопьевной Сергиной, особенно запала мне в душу. Я даже передал ее в ТАСС, а потом и видел свою заметку в центральных газетах.

Приехала Мария Прокопьевна как-то с мужем, Федором Романовичем, на Кохозеро рыбачить. И попала им в сети огромная кумжа — чуть ли не в четверть метра шириной. Такую царь-рыбу, согласно поверью саамов, надо бы отпустить обратно в воду, да уж больно хороша была она. Взяли добычу и снова закинули сети. Вдруг чайка закружила над лодкой. Подлетит и как будто бы тянет в сторону их дома. Заныло у рыбаки сердце, уговорила мужа вернуться. А дома действительно их ждала беда: умерла одна из дочерей.

Поведала Мария Прокопьевна и другую историю, случившуюся в их семье еще в предвоенные годы. Тогда она вместе с родителями рыбачила на другом озере, где попался им в сети невиданного размера сиг. Все, конечно, обрадовались богатой добыче. Только дед Степан, старый саам, увидев рыбину, загоревал.

— Это знак, что озеро прощается с нами, — сказал он сыновьям и стал уговаривать их отпустить сига-великана в воду. Но те не поддались уговорам, хотели похвастаться перед друзьями рыбацкой удачей. Человек пятнадцать ели потом этого сига, нахваливая удачливых рыболовов. Только не долго пришлось тем снова ходить на рыбалку. Наступил 1937-й год, а потом — война. Иссяк род деда Степана. А внучка его до последних дней своих верила: все было бы иначе, отпусти ее родители ту невиданную царь-рыбу...

Я рассказал об этих историях Акиндину, но он, возбужденный редкой удачей, лишь отмахнулся.

Вскоре после той рыбалки врачи выявили у него тяжелую форму диабета и предложили лечь в больницу. Он отказался и, как обычно, по выходным старался вырваться на рыбалку. После одной из них его хватил инсульт, оправиться от которого Акиндин так и не смог.

КУКУШКА НАГАДАЛА...

Любимое развлечение мое на отдыхе в деревне — ходить в лес. Благо, от дома до его опушки всего километр через поле, заросшее клевером, тимофеевкой, белыми ромашками и другими медоносами. Идешь по нему, и грудь наполняется ароматом цветущих трав, дышится удивительно легко и приятно. Над полем, выискивая добычу, всегда кружил ястреб-тетеревятник, от которого мелкие птицы прятались в этом густом травостое. Увидеть его с добычей не удавалось, однако следы пиршества хищника попадались частенько.

Но вот и лес, пропитанный запахами мхов и тишиной, окутанный маревом теплого солнечного дня. Легкий ветерок гуляет по верхушкам деревьев, заставляя шелестеть осиновую листву. Столетние ели при этом важно качают темно-зелеными лапами. Ивовые кусты на проторенной людьми тропе, как живая преграда, цепляются за одежду. Приходится разводить их руками, чтобы пробиться к заветной поляне, где, знаю с детства, растут белые грибы — цель сегодняшнего похода моего в лесную чащу.

Неожиданно из-под ног, прочирикав что-то, вспорхнула сойка. Догадываюсь, высказала свое недовольство тем, что потревожил ее покой. И снова все затихло в лесу.

Вдруг откуда-то издалека донеслось: «Ку-ку! Ку-ку!». Это подала голос кукушка. Раз двадцать повторила она свою вечную песню. Вспомнилось, как в детстве в этом же лесу мы, деревенская ребятня, просили ее ответить, сколько лет проживем? Не удержался, вслух высказал серой гадалке такую просьбу.

Словно подыгрывая мне, расщедрилась птица. Я уж со счета сбился, а она все: «Ку-ку!» да «Ку-ку!». Видно, хорошее настроение было у птицы в этот жаркий солнечный день. Но не мною сказано: «Кукушка врет — недорого берет». Ей-то ведь не жалко обещанья. Я ухожу в глубинку леса, а вслед мне все несло и несло неутомное «Ку-ку!».

Спасибо, птица, за доброе пожелание!

ТРОПИНКА

Она петляла между сараями и казалась бесконечной. А рядом белела свежевывапавшим снежком свободная от построек площадка.

«Если проложить по ней прямую тропу, можно добрых три сотни метров выгадать, — размышлял я, спеша по тропинке в редакцию. — Сделаю людям доброе дело...»

Вечером, когда стемнело, вышел на улицу и, свернув с протопанной тропы, пошел по снежной целине прямо к намеченной цели.

Снегу в эту осеннюю пору было немного, ноги не вязли в нем. Но след после меня получился узкий и рыхлый. Пришлось пять раз пройти взад-вперед, пока на снежной целине четко обозначилась новая тропа.

Утром я шел на работу специально медленно. Там, где начиналась тропинка, остановился — подождать какого-нибудь попутчика. Вскоре он появился.

«Мужчина! — обрадовался я. — Этот обязательно последует за мной».

И смело пошел по своей тропе.

На полдороге обернулся. Мужчины не было видно: он направился по привычной дороге.

«Ну, ничего, — думаю, — когда утрамбую тропу, вы все, граждане пешеходы с Нового Плато, пойдете по ней».

Несколько дней терпеливо ходил по новой дороге. Тропинка, прямая и широкая, так и манила к себе, но люди... не шли по ней.

Почему?

Этот вопрос не давал мне покоя. И можете представить мою радость, когда однажды на тонком слое свежевывапавшего снега я увидел чужие следы. А потом еще и еще... Вскоре моей тропинкой пользовались по крайней мере десятка два обитателей нашего микрорайона. Я торжествовал.

Но вот разгулялась метель. За ночь тропу мою занесло. Утопая в снегу, с трудом удалось мне восстановить ее. А люди, неблагодарные, все же пошли по той, старой, тропе. Сарай и гаражи, меж которых она петляла, уберегли ее от заносов.

И все-таки я не отступал, продолжая «агитировать» за свою тропу. Расширил ее, утрамбовал. Но кроме меня по ней не ходил никто. И когда снова метель занесла ее, я сдался.

Понял: не все прямые короче кривых. Люди всегда выбирают то, что удобнее. А с этим нельзя не считаться.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>От автора</i>	3
ВСТРЕЧИ И ДРУЗЬЯ	5
ИЗ ДАЛЬНИХ СТРАНСТВИЙ ВОЗВРАТЯСЬ...	75
Навстречу солнцу	77
В стране утренней свежести	96
В Азербайджане	109
Знакомимся с Норвегией	115
По дорогам Финляндии	123
Другари	136
Командировка в Эстонию	141
На родине Чингисхана	144
По Арктике – на «Сибири»	151
РАССКАЗЫ. ОЧЕРКИ. ЗАРИСОВКИ	167
Сапьякина любовь	169
Женщина с иконы	175
На рыбалке	184
Кукушка нагадала... ..	191
Тропинка	192

Мурманское книжное издательство
представляет книгу В. С. Белоусова
«ЖИВИ, КУРЬЯ!»

Эту книгу автор посвящает своим землякам — жителям Вологодских деревень, которые, как и многие российские деревеньки, исчезли с карты России, признанные неперспективными и обреченные на умирание. Но остались люди, их память, их любовь к родной земле. Это они трудом и ратными подвигами прославили свою малую родину.

**Белоусов
Василий Сергеевич**

**УПОЛНОМОЧЕН
РАССКАЗАТЬ**

В книге использованы фотографии
из личного архива В. С. Белоусова

Редактор и корректор
Т. Т. Фёдорова
Технический редактор
и оператор компьютерной вёрстки
Ю. Л. Данилова

Сдано в набор 30.10.2014. Подписано в печать 24.12.2014.
Формат 60x84/16. Бумага офсетная.
Гарнитура Petersburg. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 11,4. Тираж 200 экз.

Мурманское областное книжное издательство
183038, г. Мурманск, пр. Ленина, 100

Василий Сергеевич Белоусов,
родился 22 марта 1937 г.
в деревне Курья Биряковского
(ныне Сожольского) района
Вологодской области.
Член Союза журналистов СССР
(РФ) с 1963 г. Собственный
корреспондент ТАСС (ныне
ИТАР-ТАСС) по Мурманской
области с 1977 года.
Кавалер орденов «Знак Почета»
(1971), Дружбы (2003),
награжден восемь медалями,
заслуженный работник культуры
РФ (1996), почетный гражданин
Мурманской области (2008).
Автор 11 документальных книг,
неоднократный победитель
Всесоюзных и Всероссийских
творческих конкурсов.
За книгу-летопись «Мурман
строк ТАСС» (Что было – то
было) в 2009 г. удостоен
премии Союза журналистов
России.

ISBN 565510367-0

5 655103 670000